

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ ім. І.І. Мечникова

СТРОГАТОВ

4540

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ ім. І.І. МЕЧНИКОВА

МОИ ВОСПОМИНАНІЯ

Поминайте наставники ваши

Сл. Св. Пис.

И. Палимпсестовъ.

МОСКВА. 1879.

Типографіи А. Гатцукъ, на Кузнецкомъ мосту, въ д. Торлецкаго.

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ ім. І.І. МЕЧНИКОВА

Дозволено цензурою. Москва, 1-го декабря 1879 г.

Спрос
4540

Императорское Общество сельскаго хозяйства южной Россіи, предъ празднованіемъ своего пятидесятилѣтняго юбилея, обратилось ко мнѣ, какъ къ своему корреспонденту, составить какія нибудь воспоминанія изъ прожитой имъ жизни. Вѣроятно, съ подобною просьбою оно обращалось и къ другимъ своимъ дѣйствительнымъ членамъ и членамъ-корреспондентамъ. Мнѣ, прослужившему въ Обществѣ секретаремъ его и редакторомъ его Записокъ 17 лѣтъ, грѣшно бы было не отозваться на это приглашеніе. Но признаюсь, при неимѣніи подъ руками ни дѣлъ, ни библіотеки Общества, ни собственныхъ книгъ, не легко припомнить прожитое Обществомъ время; но я все-таки кое-что написалъ, опустивши, можетъ быть, самое существенное, за что едвали можно укорить меня, оставившаго Общество болѣе 10 лѣтъ. Впрочемъ я писалъ не дѣловой отчетъ о трудахъ Общества, а воспоминанія, для которыхъ границъ или программы не существуетъ: пишется то, что припоминается. Конечно, отъ того, который трудился въ Обществѣ 17 лѣтъ и составилъ отчетъ о его двадцатипятилѣтнихъ трудахъ (въ видѣ довольно порядочной книги) можно бы ожидать указанія главнѣйшихъ задачъ, которыя преслѣдовало Общество; но я думаю, что этому требованію удовлетворить отчетъ о пятидесятилѣтней дѣятельности Общества. Вторгаться въ чужую область и притомъ безъ средствъ я считаю неумѣстнымъ.

Воспоминанія свои, мѣстами выходящія изъ области сельскаго хозяйства вообще, и вчастности изъ круга дѣйствій Общества, я размѣстилъ въ семи отдѣлахъ, съ слѣдующимъ въ нихъ содержаніемъ:

I Привѣтъ. Исповѣдь моего сердца.—Направление Записокъ П. Общества с. хозяйства южной Россіи.—Поучительный совѣтъ высокопреосв. Иннокентія.—Съ глубокимъ уваженіемъ вспоминаю президентовъ Общества князя М. С. Воронцова, графа А. Г. Строгонова и графа М. Д. Толстаго.—Черты изъ жизни Общества.—Моя родословная по Иннокентію.

II Домъ Общества с. хозяйства.—Назидательный примѣръ одного изъ вице-президентовъ этого Общества.— Не осуществившійся проэктъ и ученые орлы.—Услуга образцовой фермы.—Закрытіе главнаго училища садоводства въ Одессѣ.—Размышленія на берегу огненнаго моря.—Итогъ, предъ которымъ—ничто, во первыхъ, всѣ суммы, крупныя и мелкія, уворованныя у казны отъ сложенія Россійскаго государства до настоящаго времени; во вторыхъ похищенныя въ частныхъ нашихъ банкахъ отъ основанія ихъ до сего дня.—Но въ этомъ отдѣлѣ самое поучительное мѣсто—совѣтъ, который я даю извѣстнымъ печальникамъ русскаго народа.

III Одесса.—Ея красивыя и некрасивыя стороны.—Распространеніе на югѣ Россіи сельско-хозяйственныхъ усовершенствованныхъ орудій и машинъ.—Пробужденіе практическаго ума южно-русскихъ сельскихъ хозяевъ.—Топчакъ съ крысами и плуги съ гириями.—Орудіе В. Г. Христофорова и ученая подкладка.

IV Вижу туманное пятно въ ореолѣ, окружающемъ почтенный ликъ Общества с. хозяйства южной Россіи въ день его полустолѣтняго юбилея.—Раскрываю повидимому не всѣмъ извѣстную истину, что для цвѣтковъ необходимы корни.—За симъ идутъ размышленія, имѣющія важное значеніе для всего русскаго народа.—Припоминаю достопочтеннаго Дж. Росселя и презрѣннаго собирателя человѣческихъ череповъ.—Какъ грамотный человѣкъ, нашель умѣстимъ каснуться и грамотности.

V Указываю Обществу с. хозяйства южной Россіи на поле для его дѣятельности.—Быстрое развитіе произво-

дительныхъ силъ юга Россіи.—Кто и что ускорили это развитіе?—Вспоминаніе о графѣ П. Е. Коцебу.—Скромное Общество съ неизмѣримо-важною будущностію.—Графы А. А. Бобринскій и Д. Е. Остенъ-Сакенъ. А. И. Левшинъ.

VI Черты изъ настоящаго южной окраины Россіи.—Дерзаю приподнять край завѣсы, скрывающей будущность этого края.—Не совѣтъ, а искреннѣйшее пожеланіе южно-русскимъ хозяевамъ отъ бывшаго секретаря Общества с. хозяйства.—Уклоняюсь въ сторону, но съ благонамѣренною цѣлюю.

VII Броженіе въ сѣдой головѣ и молитва, возносимая отъ всего чистаго сердца.—Заключеніе, которое не всѣмъ понравится.

Какъ изволить усмотрѣть благосклонный читатель, содержаніе моихъ воспоминаній довольно разнообразно; въ нихъ я касался предметовъ, имѣющихъ значеніе не только для юга Россіи и ея сельско-хозяйственной промышленности, но и для всего нашего дорогаго отечества. Можетъ быть, я былъ слишкомъ смѣлъ, принимая на себя уясненіе вопросовъ, относящихся до основной промышленности и жизни нашего государства; но пусть эта смѣлость искупится тѣмъ искреннимъ желаніемъ добра, которое водило перомъ моимъ.

Нѣкоторыя страницы изъ моихъ воспоминаній я читалъ моимъ добрымъ знакомымъ. Одобряя, они иной разъ пожимали плечами.—Что же вы находите въ прочитанномъ вамъ? спрашивалъ я ихъ. Вы, любя меня, боитесь, что имя мое «пронесется яко зло»? Но я этого менѣе всего боюсь. Странно было бы желать, чтобы всѣ одинаково со мною мыслили и чувствовали, особливо теперь, когда не мало у насъ такихъ, которые какъ-то расшатались въ своихъ воззрѣніяхъ на человѣка и человѣческія общества; когда эти мыслители повидимому даже не уяснили себѣ самыхъ существенныхъ задачъ нашей мыслительной способности, нашей воли, нашего сердца. Что же мудренаго, если при такомъ броженіи, совершающемся въ области нашего мышленія и переходящего не только въ живое или печатное слово, но и въ дѣло (да какое?), мои воспоминанія бу-

дуть встрѣчены со стороны нѣкоторыхъ чтецовъ или пишущей братіи неодобреніемъ или осмѣяніемъ? Пусть и не одобряютъ, пусть и смѣются; но мы развѣ все попадающее въ печати одобряемъ? напротивъ, многое порицаемъ, надъ многимъ смѣемся, иногда даже сквозь жгучія слезы.

— Нѣтъ, говорятъ мнѣ мои друзья: не дурныхъ отзывомъ мы опасаемся за васъ; а какъ бы вы не дождались чего нибудь худшаго....

— Понимаю васъ. Но позвольте: неужели въ самомъ дѣлѣ мы дожили до того, что намъ нужно бояться камня изъ-за угла даже за свободное выраженіе нашихъ мыслей и чувствъ? Гдѣ же та свобода, во имя которой такъ ратуютъ мнимые поборники свободы? Неужели свободою должны пользоваться только тѣ, которые отвергають все высокое, все святое для человѣка?...

Еще нѣсколько словъ. «Воспоминанія» мои были написаны въ концѣ прошедшаго года, и могли явиться въ печати въ началѣ текущаго. Хотя появленія ихъ въ свѣтъ никто не ожидалъ и, можетъ быть, мало найдется охотниковъ прочитатъ написанное мною; но я все-таки считаю не лишнимъ сказать, что была достаточная причина этой медленности, — причина лично до меня касающаяся. Узнавши о времени писанія предлагаемыхъ «Воспоминаній», читатель скорѣе извинитъ меня за уклоненія отъ прожитой жизни того Общества, о которомъ я вспоминаю. Эти уклоненія дѣлались какъ будто противъ моей воли; и я на этотъ разъ сошлюсь на всеѣмъ намъ знакомую и не рѣдко собственнымъ нашимъ опытомъ оправдываемую поговорку: у кого что болитъ, тотъ о томъ и говоритъ. Да, у кого изъ честныхъ русскихъ людей не болѣло и не болѣетъ сердце о тѣхъ позорнѣйшихъ явленіяхъ, которыхъ была и продолжаетъ быть свидѣтельницею русская земля въ прошедшемъ году и въ настоящемъ, и кто не говорилъ и не говоритъ объ этихъ явленіяхъ съ тяжкою или болѣзною сердца, или съ затаеннымъ злорадствомъ. Есть конечно, и послѣдніе, но кому не извѣстно, что питающіе и питающіе затаенное злорадство составляютъ такое ничтожное меньшинство, что едвали оно можетъ считаться даже самою микроскопическою частію цѣ-

лаго. Можетъ быть, найдутся и такіе чтецы написаннаго мною, которые скажутъ: кто проситъ васъ, бывший секретарь сельско-хозяйственнаго Общества, переходить за между, на чуждое вамъ поле, и кому нужны ваши взгляды на появившуюся въ этомъ полѣ поганую траву. На это возраженіе я отвѣчу коротко: я исполнилъ долгъ гражданина русской земли, которая кормила меня болѣе полустолѣтія, которую я люблю всею полнотою моей души и за благоденствіе которой не перестану молиться до гробовой доски.

И. Палимпсестовъ.

I.

Привѣтъ.—Исповѣдъ моего сердца.—Направленіе Записокъ И. Общества сельскаго хозяйства южной Россіи.—Поучительный совѣтъ высокопреосвященнаго Иннокентія.—Съ глубокимъ уваженіемъ вспоминаю президентовъ Общества князя М. С. Воронцова, графовъ А. Г. Строгонова и М. Д. Толстаго.—Черты изъ жизни Общества.—Моя родословная по Иннокентію.

Привѣтствую тебя, Императорское Общество с. хозяйства южной Россіи, съ торжествомъ твоего 50-лѣтняго существованія, и смѣю думать, если кто имѣеть право послать тебѣ этотъ дорогой привѣтъ отъ всей глубины восторженной души, отъ всей полноты горячаго сердца, такъ это — я, отдавшій тебѣ лучшія 17 лѣтъ моей жизни. Теперь, когда мнѣ минуло 60 лѣтъ, едва ли кто позволить себѣ заподозрить меня въ увлеченіи, въ неправдѣ, въ ласкательствѣ и прочихъ грѣхахъ, болѣе приличныхъ молодому, иной разъ невинно увлекающемуся возрасту, и потому смѣю думать, что нижеслѣдующія строки будутъ приняты на вѣру.

У насъ, на святой Руси, сложилась поговорка: за Богомъ молитва, за Царемъ служба не пропадаетъ. Не знаю, слышалъ ли Богъ мои грѣшныя молитвы, но за Батюшкой-Царемъ моя служба не пропала. Не искалъ я наградъ, не получалъ отъ Общества жалованія, отказывался отъ временныхъ пособій, которыя иной разъ назначало мнѣ Общество изъ своихъ скудныхъ средствъ; но по истеченіи 17 лѣтъ я достойно вознагражденъ, и

мнѣ остается только благодарить Бога и Того, за Кѣмъ не пропадаетъ служба на пользу общую *).

И передъ Богомъ, и по чистой совѣсти скажу, что 17 лѣтъ я работалъ съ увлеченіемъ; Общество с. хозяйства было для меня такимъ роднымъ существомъ, котораго я не могъ отдѣлить отъ своего собственнаго существа; и югъ Россіи, съ своимъ самобытнымъ характеромъ, съ своими непочатыми источниками богатства, съ своими нуждами вызывалъ всю дѣятельность моихъ силъ,—и я работалъ, работалъ отъ души, любя свою профессію, любя Общество, любя благословенный, но своеобразный югъ Россіи, передъ которымъ иной разъ рушатся и опыты, добытые вѣками, и теоріи, построенныя на основаніи науки. Первѣе всего я старался сблизиться съ сельскими хозяевами и отъ нихъ узнать не только нужды, потребности и особенности края, но и необходимыя для меня практическія свѣдѣнія. И скажу: многіе изъ хозяевъ юга Россіи были моими достойными учителями, и въ числѣ ихъ незабвенный для меня и для края хозяинъ—лѣсоводъ В. П. Скаржинскій **).

Вотъ гдѣ основаніе, почему Записки Общества с.

*) Мнѣ Высочайше пожалованы 300 десят. земли и орденъ св. Анны 2 ст.—въ концѣ моей службы; въ теченіи же ея имѣлъ счастье быть награжденнымъ орд. Станислава и св. Анны 3 ст.

**) На него, какъ на знатока края и опытнаго хозяина—лѣсовода, первый указалъ мнѣ высокопреосв. Инновентій, съ которымъ я и обозрѣвалъ дивныя лѣсонасажденія Трикратъ и другихъ мѣстностей. Въ послѣдствіи я каждый годъ, до самой смерти покойнаго гостеприимнѣйшаго старца, ѣздилъ къ нему, сколько для изученія лѣсоводства, столько же и для другихъ поучительныхъ бесѣдъ. Викторъ Петровичъ былъ живая хроника юга Россіи и притомъ въ высшей степени занимательная. Къ тому же почтенный старецъ, не смотря на свои страданія, длившіяся нѣсколько лѣтъ, имѣлъ свѣтлую голову и владѣлъ неподдѣльнымъ юморомъ. Бесѣды наши шли по цѣлымъ днямъ, и я не видѣлъ, какъ шло время. На зиму онъ обыкновенно пріѣзжалъ въ Одессу, и не было дня, въ который я не навѣстилъ бы почтеннаго старца

хозяйства южной Россіи въ теченіи 17 лѣтъ носили на себѣ печать мѣстнаго практическаго ума; онѣ были сборникомъ опытовъ и наблюденій, добытыхъ на самомъ югѣ Россіи. Не было дня, въ который не посѣщали бы хозяева дома Общества, и я былъ то пчелой, собиравшей нужные для меня матеріалы, то, какъ въ послѣдствіи называли меня гг. посѣтители, живой книгой и научныхъ свѣдѣній, и мѣстныхъ опытовъ.

Желая ознакомить хозяевъ юга Россіи совсѣмъ разнообразіемъ растений, усвоенныхъ европейскому континенту культурою или данныхъ ему для культуръ мѣстною природою, я составилъ „Словарь сельско-хозяйственныхъ растений“, гдѣ описано до 7000 (?) растений, расположенныхъ въ извѣстной системѣ, съ означеніемъ признаковъ и способовъ воздѣлыванія ихъ. При этомъ не были забыты и мѣстные (южно-русскіе) опыты воздѣлыванія нѣкоторыхъ растений, преимущественно изъ древесныхъ и кустарниковыхъ породъ. Надъ Словаремъ моимъ я трудился изо-дня въ день безъ малага 5 лѣтъ. Онъ былъ помѣщенъ въ Запискахъ Общества и изданъ отдѣльною книгою, къ сожалѣнію только въ числѣ 500 экз. Общество можетъ сказать, что этотъ трудъ до сихъ поръ единственный на русскомъ языкѣ; и слѣдовало бы дополнить, исправить и вновь издать его. вмѣстѣ съ этимъ трудомъ, или вѣрнѣе — въ слѣдъ за нимъ появился цѣлый рядъ руководствъ (въ 4, 5—6 лист.) по разнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства юга Россіи,—руководствъ почти исключительно основанныхъ на мѣстныхъ опытахъ или примѣненныхъ къ югу Россіи. Едва ли на этотъ разъ была опущена какая нибудь болѣе или менѣе важная отрасль южно-русскаго хозяйства. Край не можетъ не быть благодарнымъ за эту важную ему услугу. На нѣкоторыя руководства Общество назначало даже конкурсы, напр. на описаніе съ способами врачеванія главнѣйшихъ

болѣзней рогатаго скота. По этому конкурсу явился почтенный трудъ извѣстнаго ветеринарнаго врача, г. Сергѣева (нынѣ, кажется, преподавателя въ Петровской Академіи). Если руководство *) по виноградарству и винодѣлію покойнаго К. И. Тардана вышло уже третьимъ (кажется, такъ?) изданіемъ, то это можетъ служить доказательствомъ, что край цѣнилъ подобные труды Общества. Составленное мною, на основаніи мѣстныхъ опытовъ, руководство къ устройству водохранилищъ на югѣ Россіи въ самое короткое время разошлось все (кромѣ Записокъ, оно выпущено было въ числѣ 600 экзем.) и теперь этой книги нѣтъ въ продажѣ. Мнѣ положительно извѣстно, что не мало мѣстностей имѣютъ воду, благодаря этому руководству, богатому собранными мною отъ южно-русскихъ хозяевъ данными по этой части. Придерживаясь его, я самъ устроилъ (на счетъ земства) нѣсколько обильныхъ водохранилищъ на Крымскомъ полуостровѣ; примѣру моему послѣдовали другіе, и такимъ образомъ въ степяхъ Крыма явились неизсякаемые запасы воды тамъ, гдѣ печѣмъ было утолить даже жажды домашнихъ животныхъ.—Не могу при этомъ умолчать и объ руководствѣ къ воздѣлыванію кукурузы. Мысль составить его подалъ мнѣ графъ М. Д. Толстой и посоветовалъ воспользоваться для этой цѣли многостороннею опытностію покойнаго И. И. Кешко (дѣда нынѣшней сербской гнягини), который производилъ огромные посѣвы кукурузы въ своихъ бессарабскихъ имѣніяхъ. За вкуснымъ обѣдомъ, которымъ угостилъ меня И. И., я собралъ отъ него необходимыя для меня данныя, и такимъ образомъ

*) Руководство это вышло подъ моей редакціей, а нѣкоторыя главы прямо написаны мною. Но тутъ была моя только обложка; существо дѣла взято изъ садовъ К. И. Тардана, къ которому я ѣздилъ для обученія себя виноградарству и винодѣлію. Учитель былъ хорошій.

явилось руководство *), которое ввело въ область культуры Новороссійскаго края кукурузу, но за которое, какъ мнѣ не разъ говорилъ покойный И. И., укоряли его бессарабцы: за чѣмъ ты открылъ глаза херсонцамъ? пусть бы они думали, что кукуруза можетъ родиться только въ Бессарабіи.—Вотъ это значитъ подавать руку взаимной помощи! Впрочемъ подобные своекорыстные хозяева составляютъ исключеніе въ братской семьѣ нашихъ землевладѣльцевъ. Въ послѣдствіи улучшенные приемы въ воздѣлываніи этого благодатнаго хлѣба, введенные г. Черкесомъ и изложенные въ составленномъ имъ и много редактированномъ руководствѣ, еще болѣе упрочили его; но все-таки жаль, что кукуруза не занимаетъ болѣе почетнаго мѣста въ нашемъ полеводствѣ. По доходности она стоитъ выше пшеницы, по борьбѣ съ климатическими условіями превосходитъ всѣ хлѣба, по способности сохраняться самое долгое время не уступаетъ ни одному хлѣбу. Я не разъ печатно заявлялъ и повторю снова, что народное продовольствіе не только юга, но и юго-востока Россіи преимущественно должно опираться на кукурузу: при большемъ воздѣлываніи ея и при запасахъ (въ Бессарабіи ее сохраняли по полустолѣтію) немислимы въ этихъ краяхъ голодные годы, подобные голодному году Самарской губерніи, гдѣ этотъ хлѣбъ также, съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ, можетъ воздѣлываться. Изданное руководство (до 5 печ. лист.) съ вѣскимъ именемъ И. И. Кешко быстро разошлось въ первый годъ, и кукурузу стали воздѣлывать тамъ, гдѣ прежде и не

*) Къ составленію этого руководства я былъ приготовленъ и своимъ двух-мѣсячнымъ путешествіемъ по Бессарабіи, которое предпринялъ съ единственною цѣлію—ознакомиться съ хозяевами и хозяйствомъ этой богатой области. Среди хозяевъ я встрѣтилъ самое дружеское радушіе, за которое и здѣсь приношу искреннѣйшую благодарность. Эта поѣздка стоила мнѣ не болѣе 100 р. Я разъ только пилъ свой чай

думали о ней. Самъ покойный Кешко, приобрѣтши имѣніе въ Херсонской губ., показалъ примѣръ воздѣлыванія ея на 500 дес., а графъ М. Д. Толстой началъ сѣять ее на самой сѣверной окраинѣ Херсонской губ., близъ Кременчуга, для винокуренія.

О многихъ изданныхъ Обществомъ руководствахъ можно бы не мало сказать, но вѣроятно о нихъ скажетъ отчетъ о 50-лѣтней дѣятельности Общества; мнѣ же, какъ ближайшему свидѣтелю приѣма ихъ въ краѣ, остается прибавить одно, что нѣкоторыя изъ нихъ навсегда останутся драгоценнымъ вкладомъ въ южную сельско-хозяйственную литературу, каково напр. руководство по тонкорунному овцеводству покойнаго Мерцаллова, доставленное въ Общество однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ его (не знаю, здравствуетъ ли?) К. З. Буницкимъ.

Семнадцатилѣтняя моя дѣятельность по редакціи Записокъ закончилась изданіемъ „Сборника“ замѣчательныхъ статей, помѣщенныхъ въ Запискахъ за все время ихъ существованія по 1866 годъ. Этотъ трудъ Общества имѣло счастье представить на всемілостивѣйшее воззрѣніе Государя Императора. Сборникъ достойно оцѣненъ хозяевами юга Россіи, изъ которыхъ для многихъ онъ служитъ настольною книгою. Жаль, что изъ оставшихся въ Запискахъ статей не составлена другая половина (хотя и не такая объемистая) Сборника, и что другія Общества не послѣдовали примѣру Общества южной Россіи. Сколько въ высшей степени полезныхъ статей въ періодическихъ изданіяхъ Вол. Экономическаго и Московскаго Обществъ с. хозяйства и въ подобныхъ трудахъ М. Г. И.! Добытые опыты наукою и отцами, — опыты цѣлыхъ полстолѣтій и даже столѣтій и притомъ чисто русскіе, свойственные русскому континенту, остаются для позднѣйшихъ поколѣній въ архивѣ забвенія! Замѣчу, что мысль составить подобный Сборникъ подана мнѣ незабвеннымъ Инно-

кентіемъ, и вотъ въ какихъ словахъ: „Я люблю молодая силы; я уважаю свѣжихъ, рьяныхъ *) дѣятелей; но помните, и отцы не сидѣли трутнями, ничего не дѣлая, ни о чемъ не думая; они работали, думали, до многого додумывались и многое добывали и добыли собственнымъ опытомъ, предъ которымъ иной разъ въ пухъ разлетается всякое ученое мудрствованіе, т. е. такъ называемая теорія. А потому было бы непростительною самонадѣянностью молодыхъ сихъ, ихъ стремленіе идти впередъ, безъ оглядки назадъ, на дѣла и труды отцевъ. Да, это такъ. Если Исторія есть своего рода учитель для человѣчества, то нельзя сказать, чтобы для сельскихъ хозяевъ не было своей поучительной исторіи. Но гдѣ исторія сельскаго хозяйства юга Россіи? Въ Запискахъ? Но гдѣ онѣ? Кто имѣетъ ихъ? Многіе изъ дѣтей, нѣтъ сомнѣнія, и поучились бы у отцевъ; но гдѣ оставленные отцами уроки? Искать ихъ то же, что искать вѣтра въ нашихъ стенахъ. Послушайтесь моего совѣта, составьте Сборникъ, эту поучительную исторію сельскаго хозяйства юга Россіи. Хорошо идти впередъ; но не слѣдуетъ забывать и прошлаго. Сія подобаешь творити, и онѣхъ не оставляти“. Я поблагодарилъ мудреца — владыку, и далъ ему слово заняться этимъ трудомъ по окончаніи десяти или болѣе лѣтъ; но, улыбаясь, позволилъ себѣ привести другой текстъ, который касается области с. хозяйства и смыслъ котораго тотъ: пахарь, взявши въ руки рало, не долженъ оборачиваться назадъ.

— „Конечно вы шутите: отвѣтилъ Иннокентій. Но я спрошу васъ: чье рало въ вашихъ рукахъ? Рало, добы-

*) Другой бы сказалъ: энергическихъ; но пр. Иннокентій терпѣть не могъ тѣхъ иноземныхъ словъ, которыя легко замѣняются русскими. Разъ онъ осмѣялъ меня за слово «гуманный» и въ досадѣ, что русскіе пренебрегаютъ богатствомъ своего языка, перевернулъ это слово въ близкое къ нему по созвучію, но не употребляемое въ печати.

тое отцами, и, ведя имъ свою борозду, вы читаете исторію обработки земли, т. е. смотря впередъ, чтобы не надѣлать огрѣховъ, оборачиваетесь и назадъ,—творите сія, но не оставляете и онѣхъ“.

Да простятъ мнѣ, что въ настоящія торжественныя для Общества минуты я припоминаю разговоръ, который не составляетъ существа дѣла.

Пресвященный Иннокентій былъ почетнымъ членомъ Общества с. хозяйства южной Россіи, которое такъ близко было его просвѣщенному уму и благожелательному сердцу, и которому, при настоящемъ случаѣ, онъ конечно сказалъ бы достойный его и Общества привѣтъ. Но спитъ нашъ именитый витія могильнымъ сномъ; пусть же приведенныя слова воскресятъ предъ нами того, на котораго, какъ на своего достойнѣйшаго члена, не только наше Общество, но и цѣлый русскій міръ можетъ указать съ благородною гордостью, какъ на генія высокаго ума и обаятельнаго слова.

Выразивши въ краткихъ словахъ направленіе и содержаніе Записокъ Общества, въ теченіи 17 лѣтъ, я долженъ сказать, что этотъ органъ Общества могъ бы быть живѣе, поучительнѣе, если бы не скудость денежныхъ средствъ: на изданіе Записокъ всего отпускалось отъ 700 до 800 р. въ годъ; и не смотря на это, ежемѣсячныя книжки, въ общей сложности, состояли, если я не ошибаюсь, изъ 4 печатн. листовъ.

Теперь я долженъ коснуться дѣятельности моей по должности секретаря Общества и о собраніяхъ его. Но что сказать объ этой моей дѣятельности? Любопытствующіе могутъ заглянуть въ архивъ Общества, и тамъ они найдутъ не мало докладныхъ записокъ, протоколовъ, мнѣній, проэктвъ, писанныхъ моею рукою. Думаю, что не много открывалось собраній Общества, къ которымъ не былъ бы составленъ мною какой нибудь докладъ.

хотя и подъ чужимъ именемъ *). Присоединю къ этому: устроивши связи съ гг. землевладѣльцами **), я долженъ былъ вести большую корреспонденцію, такъ что иную почту отправлялось до 10 и болѣе собственноручныхъ писемъ и не рѣдко по важнымъ для хозяевъ вопросамъ. Какъ секретарь, я старался сблизить Общество съ сельскими хозяевами края и умножить число членовъ его, если не для дѣла, такъ по крайней-мѣрѣ для ознакомленія хозяевъ съ трудами Общества и для денегъ, которыми было бѣдно наше Общество. Пусть сравнятъ число членовъ и денежныя средства Общества 50-хъ годовъ съ числомъ членовъ и суммою денежныхъ средствъ къ концу 60-хъ годовъ: разница будетъ большая; при поступленіи моемъ на должность секретаря едва ли въ кассѣ Общества было до 100 р., но по выходѣ моемъ тамъ осталась не одна тысяча, и число членовъ, кажется, учетверилось. Сверхъ того былъ построенъ домъ и приобретень магазинъ, который теперь даетъ порядочный доходъ; но объ этомъ поговорю послѣ. Для умноженія средствъ Общества, въ одно изъ собраній его я дѣлалъ докладъ объ избраніи въ члены и лицъ женскаго пола. Проэктору моему многіе сочувствовали и поддерживали его во время преній; но все таки онъ не былъ принятъ. Противъ него возсталъ съ своею несокрушимой логикой графъ А. Г. Строгановъ. Выставлены были имъ вѣскія возраженія, напр. въ родѣ слѣдующихъ: среди сельскихъ хозяевъ нерѣдко идутъ такія сужденія, которыя ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть допущены

*) Для приданія большей важности или большаго довѣрія, конечно, въ томъ случаѣ, когда дѣло касалось чисто практической стороны с. хозяйства, и я былъ одинаковаго взгляда на него.

**) Связи мои были и такого рода. Если мнѣ нужно было что нибудь узнать отъ хозяевъ-практиковъ, я составлялъ рядъ вопросовъ и просилъ самыхъ короткихъ на нихъ отвѣтовъ. Это не затрудняло хозяевъ, а я собиралъ драгоцѣнные матеріалы. Такъ между прочимъ составилось Руководство къ устройству водохранилищъ на югѣ Россіи.

въ присутствіи нѣжнаго пола (выборъ племянныхъ животныхъ, время и способы спариванія, кастрація и т. п.); далѣе: смотрѣть на членовъ—женщинъ, какъ на доходную статью Общества—значить не имѣть уваженія къ прекрасной половинѣ рода человѣческаго *). Для увеличенія средствъ Общества, что дѣйствительно было нужно съ цѣлю расширенія круга его дѣйствій, почтенный президентъ предложилъ увеличить кругъ дѣятельности существовавшего при Обществѣ сѣмяннаго депо, изъ котораго продавались сѣмена безъ всякой выгоды для Общества, по цѣнамъ преісъ-курантовъ сѣмянопродавцевъ. Удобства сношенія съ западомъ Европы дѣйствительно способствовали къ основанію этого депо въ большихъ размѣрахъ, къ чему уже и было приступлено: при мнѣ оно начинало получать изъ границы десятки пудовъ эспарцета и люцерны. Къ сожалѣнію, я слышалъ, что это депо теперь болѣе не существуетъ.

Засѣданія Общества были сравнительно не рѣдки, не малочисленны и обыкновенно оживленны. Не мало являлось членовъ съ объемистыми докладными записками, которыя прочитывались въ собраніи и подъ часть возбуждали самыя горячія пренія. Но кажется, всѣхъ жарче доставалось моимъ докладамъ. Бывало, готовишь ихъ недѣлю или двѣ; но открываются пренія, и многое, надъ чѣмъ работала голова, что такъ было близко сердцу,

*) Не забыто было опасеніе: какъ бы среди почтенныхъ членовъ Общества не появилась какая нибудь подстриженная гражданка съ своею практикою. При выборномъ началѣ мало ли что возможно! Въ свободнѣйшихъ государствахъ при немъ практикуются и камни, и дреколя. Благодареніе Богу: мы еще не дожили до этой свободы: но уже успѣли напрактиковаться въ другихъ видахъ „подбора“. Не рѣдко у насъ въ учрежденіяхъ, пользующихся выборнымъ началомъ, даже въ тѣхъ, гдѣ повидимому должно бы сіять одно солнце правды и истины, происходятъ такіе выборы, которымъ одно названіе: безчестное нравственное безобразіе.

разлеталось въ пухъ и прахъ. Иной разъ думалось, что члены сходятся съ единственною цѣлю—разорвать по клочкамъ рукописаніе секретаря *). Но не всегда я оставался побѣжденнымъ; а главное—не падалъ духомъ и оставлялъ въ сторонѣ собственное я. Наградой для меня было то, что я возбудилъ оживленные пренія, которыя не рѣдко вызывали новые вопросы. Особенно доставалось мнѣ, какъ составителю докладныхъ записокъ отъ графа А. Г. Строганова, но далеко не мнѣ одному. Замѣчу здѣсь: вообще формы, въ которой графъ возражалъ на предложенія или докладныя записки мои или другихъ членовъ Общества, не отличались мягкостію; но не этимъ почтенный президентъ бралъ верхъ надъ нами и заставлялъ молчать, а своею громадною начитанностію, своими многосторонними свѣдѣніями, опираясь на которыя онъ прямо говорилъ въ Обществѣ: вы, гг., ничего не читаете и ничего не знаете; чтобы судить о томъ, о чемъ вы взяли судить, надобно прочесть вотъ что: при этомъ и перечислить длинную вереницу книгъ.

Помню, я написалъ статью: „Права на лѣсъ“; графъ остался доволенъ моими доводами въ пользу сохраненія драгоцѣннаго лѣснаго покрова; но при этомъ указалъ на нѣсколько книгъ (на француз. языкѣ), которыя имѣлись въ его библіотекѣ и были имъ прочитаны: книги эти касались того же предмета. Не лѣзя было не преклоняться предъ такимъ авторитетомъ; но не скрою, на

*) Не лишнее замѣчаніе. Мы и доселѣ не освободились отъ татарскаго лакейства, и боимся высказать святую правду высокопоставленному лицу. Смѣемъ думать, что на югѣ Россіи это лакейство менѣе практиковалось, и едва ли этого не слѣдуетъ отнести къ присутствію здѣсь иностраннаго элемента и къ основателямъ этого края Д. де Ришелье и кн. М. С. Воронцову; они положили добрую закваску въ молодой квасъ. Старые члены Общества с. х. говорили мнѣ, что они, бывало, такъ общипать какой нибудь проэктъ своего почтеннаго президента (кн. М. С. В.), что ни пушку, ни перышковъ въ немъ не останется, и князь только улыбался, видя себя разбитымъ по всѣмъ пунктамъ.

первыхъ порахъ я не вольно робѣлъ предъ графомъ и не думалъ, чтобы можно было привязаться къ нему всею душою, т. е. къ глубокому уваженію присоединить и искреннюю любовь сердца. Помню, послѣ одного изъ первыхъ собраній подъ предсѣдательствомъ этого президента я счелъ потребностію моего сердца принести на графа жалобу почетному члену Общества, высокопреосв. Иннокентію. Выслушалъ мою челобитную Иннокентій и потомъ сказалъ: „вы не знаете этого человѣка, но когда узнаете, то полюбите его всею душою и всѣмъ сердцемъ. Не смотрите на его не совсѣмъ любезное обращеніе, а помните, и помните твердо, что это среди людей и русскихъ вельможъ—алмазь первой величины,—замѣтьте, я говорю, алмазь, а не искращійся своими блестящими гранями бриліантъ; алмазь, повторю, но алмазь первой величины“.

Такъ высоко цѣнилъ преосвященный Иннокентій графа А. Г.; за то и графъ, бросивши горсть земли на гробъ безсмертнаго витія, сказалъ: „съ нимъ для меня былъ бы цѣлый міръ и въ Усть-Сысольскѣ“ *).

Послѣ такого отзыва, сдѣланнаго такимъ глубокимъ знатокомъ сердца человѣческаго, я полюбилъ всею душою и всѣмъ сердцемъ моего президента, и видѣть его, быть въ его кабинетѣ, или приѣмной, слышать его умную рѣчь, а иногда странные парадоксы, хитросплетенные софизмы и выходки, направленные иной разъ прямо на мою личность или на мою профессию,—было для меня праздникомъ. И теперь я люблю эту русскую, свѣтлую, прямую, честную душу всею полнотою моего сердца.

Но смѣю думать, что и графъ любилъ меня и цѣнилъ посильные труды мои. Разъ я рѣшился оставить Общество и поступить на частную службу въ качествѣ управляющаго имѣніемъ одного князя. Былъ заключенъ

*) На напечатаніе этихъ словъ и всего нижеслѣдующаго я имѣю позволеніе отъ графа А. Г. Строганова.

и контрактъ. Я пришелъ проститься съ графомъ. „Какъ вы думаете, сказалъ графъ, выслушавши меня: будетъ идти торговля въ той лавкѣ, которую купецъ запретъ и ключи возметъ къ себѣ въ карманъ?“ Я понялъ, къ чему клонилась эта притча, и съ слезами на глазахъ отвѣтилъ: благодарю, графъ, за ваше сочувствіе къ моимъ трудамъ; вы не можете себѣ представить, какъ тяжело мнѣ оставить Общество, но уже поздно; вы сами, графъ, не захотите имѣть секретаремъ того, который рветъ контракты.—А покажите мнѣ вашъ контрактъ.—Я подаль его графу, и онъ разорвалъ его, сказавши: вы остаетесь честнымъ человѣкомъ, потому что не вы, а графъ Строгановъ разорвалъ контрактъ, и онъ будетъ имѣть дѣло съ княземъ. Я знаю почему вы уходите отъ насъ; вы терпите нужду.—Напротивъ, графъ, я даже имѣю копѣйку на черный день *). Не говорите, я знаю ваши средства; оставайтесь и вы будете получать кое-что отъ меня.—Я остался и получалъ.

Коснувшись одной почтенной личности, при которой имѣлъ честь служить и раздѣлять труды по Обществу с. хозяйства, я не могу умолчать и о другихъ. Незабвеннаго основателя Общества и президента его, въ теченіи, кажется, болѣе 30 лѣтъ, свѣтлѣйшаго князя М. С. Воронцова я видѣлъ всего два раза: разъ, въ началѣ 50-хъ годовъ въ Алупкѣ, гдѣ я былъ представленъ князю преосвященнымъ Иннокентіемъ, который нарочно для этой цѣли взялъ меня въ Крымъ; а другой разъ, въ Одессѣ за нѣсколько дней до кончины князя. Но удивительно! такова, вѣроятно, сила всѣхъ высокихъ душъ: покойный князь былъ для меня какимъ-то обаятельнымъ существомъ; въ моемъ сознаніи и въ чувствахъ моего сердца, это былъ высокій идеалъ государственнаго мужа, истиннаго сына русской земли и человѣка въ полномъ значеніи этого слова. Я считалъ себя счастливымъ,

*) Я тогда имѣлъ деньги отъ продажи моего Словаря.

что тружусь въ томъ Обществѣ, которое онъ основалъ и состоить (или состоялъ) президентомъ *). Но не слѣпо я вѣрилъ въ этотъ высокій идеалъ; я старался изучить дѣятельность князя на югѣ Россіи и ознакомиться съ нимъ, какъ съ человѣкомъ.

Надгробная рѣчь моя (кажется до 4 печ. л.) надъ княземъ можетъ показать, какою личностію представлялся моему крайнему разумѣнію этотъ высокій государственный мужъ, одаренный всеми возвышенными, благороднѣйшими качествами человѣческой природы. Однажды, бесѣдуя о князѣ съ бывшимъ его докторомъ покойнымъ Э. С. Андріевскимъ, я сдѣлалъ ему вопросъ: неужели князь всегда былъ ровень и со всеми любезенъ?—Я, отвѣчалъ Э. С., во все время моей службы при немъ, всего два раза видѣлъ его осердившимся, что впрочемъ замѣтно было только по дрожанію его губъ: разъ проѣздомъ на Кавказъ, чрезъ Владимірскую губернію, на одного доктора, который не шелъ къ женщинѣ (женѣ смотрителя станціи), три дня мучившейся родами; а другой разъ — это было на югѣ Россіи, — на смотрителя станціи, истратившаго или промотавшаго 25 р. казенныхъ денегъ; но главное, что и разсердило князя, — упавшаго на колѣни предъ нимъ, съ мольбою пощадить его для дѣтей. Губы дрожали у князя; онъ хотѣлъ что-то жесткое сказать, но сказалъ одно: вставайте, с..... сударь; вотъ деньги: заплатите въ казну и накормите вашихъ дѣтей. Этой одной черты достаточно, чтобы составить себѣ понятіе о высотѣ души незабвеннаго для юга Россіи князя.

Мудрено ли послѣ этого, что поданная Обществомъ сельскаго хозяйства южной Россіи мысль соорудить этому высокому государственному мужу памятникъ въ

*) Скажутъ: какая лѣсть! — Кому? Тому ли, который почилъ отъ своихъ великихъ трудовъ? Или тому, который въ прошедшемъ году даже руки мнѣ не подаль?

Одессѣ встрѣчена была со всеобщимъ сочувствіемъ. Я считаю себя счастливымъ, что и мнѣ выпалъ жребій послужить увѣковѣченію памяти того, котораго, какъ я сказалъ, только и видѣлъ два раза во всю мою жизнь.

Теперь я долженъ коснуться такого лица, о которомъ болѣе, чѣмъ о другихъ долженъ бы говорить, но о которомъ скажу сколько возможно коротко. Я разумѣю графа М. Д. Толстаго, который былъ и вице-президентомъ нашего Общества, и президентомъ его, въ теченіи, кажется, болѣе двадцати лѣтъ. Еще многимъ памятна мои отношенія къ этому графу: въ продолженіи почти 17 лѣтъ я былъ въ его домѣ какъ свой, и потому боюсь, что меня заподозрятъ въ увлеченіи, столь свойственномъ любящему и благодарному сердцу. Скажу одно: графъ М. Д., заступая мѣсто президентомъ князя М. С. Воронцова и графа А. Г. Строганова, а въ послѣдствіи самъ занимая предсѣдательскую должность, былъ истинною душою Общества. Онъ любилъ его, любилъ сельское хозяйство, любилъ южную окраину Россіи; и эта любовь вытекала изъ его глубокаго патріотическаго чувства, изъ его вполнѣ русской души. Общество украсило залу своихъ собраній портретомъ графа, бывшаго въ теченіи многихъ лѣтъ его просвѣщеннымъ руководителемъ. Это — лучшее доказательство, какъ высоко оно цѣнило и труды графа, и качества его доброй, благородной души. Я добавлю ко всему мною сказанному еще одно: если бы не искреннее расположеніе графа ко мнѣ, не его теплое сочувствіе къ трудамъ моимъ, не его совѣты, направлявшіе мою дѣятельность; кто знаетъ, надолго ли достало бы у меня рвенія трудиться для Общества безъ чаянія наградъ за труды. Сверхъ того, когда нужно было, графъ всегда помогалъ и Обществу, и мнѣ изъ своихъ средствъ. Это только мы двое знали. Искренняя любовь и глубокая благодарность къ почтенному графу М. Д. Толстому сойдутъ со мною и въ могилу.

Въ своихъ воспоминаніяхъ я упомянулъ о такихъ лицахъ, которыя стояли во главѣ Общества. Но ими ли одними двигалось Общество с. х. по избранному имъ пути? О, сколько было честныхъ и ревностныхъ дѣятелей, которые и сами трудились, и съ любовію относились къ трудамъ Общества. Я не перечисляю ихъ единственно по той причинѣ, что, не имѣя подъ руками моей бібліотеки, могу упомянуть объ однихъ и умолчать о другихъ, а это будетъ не совсѣмъ красиво. Скажу одно, что въ 50 годахъ я засталъ въ числѣ членовъ Общества многихъ изъ тѣхъ, надъ которыми еще вѣялъ духъ основателя Общества: они были воодушевлены тою же любовію и тѣмъ же стремленіемъ къ поднятію производительныхъ силъ юга Россіи, какъ и незабвенный князь М. С. Воронцовъ.

Эти лица, а равно и послѣдующіе за ними дѣятели воодушевляли меня къ трудамъ, не рѣдко направляя мои силы къ выполненію извѣстныхъ задачъ Общества. Какъ поучительны были для меня бесѣды съ бр. Вассалями, В. К. Эно, графомъ А. Е. Канкринимъ, Н. И. Изнаромъ, Райко, И. И. Гулакомъ, В. Г. Христофоровымъ, брат. Соколово-Бородкиными, Е. А. Касиновымъ, Рощаковскимъ, Н. А. Аркасомъ, К. И. Тарданомъ, Ф. И. Сухомлиновымъ, А. Г. Тройницкимъ, И. А. Петровымъ, И. А. Гроссуль-Толстымъ, А. Л. Филибертомъ, Э. С. Андриевскимъ... Не надѣясь на память, снова отказываюсь отъ перечня. О нѣкоторыхъ дѣятеляхъ Общества упоминается далѣе.

Но сдѣлаю здѣсь одну замѣтку.

Трудиться пріятно и трудъ можетъ быть плодотворенъ или полезенъ только подъ однимъ условіемъ, если изъ трудящагося не дѣлаютъ машины, если даютъ ему свободу. Если этого всецѣло нельзя приложить къ чернымъ трудамъ какого-нибудь механическаго производства; то оно всецѣло приложимо во всей той области, гдѣ работаетъ голова. Свободу трудящагося могутъ

стѣснять или мелочныя интриги, или лица, поставленныя въ руководители надъ трудящимися. Замѣчательно, что въ теченіи почти 20 лѣтъ (время моего служенія), въ Обществѣ с. хозяйства южной Россіи не было никакихъ интригъ, которыми такъ богаты наши „самоуправленія“. Правда, интриги преимущественно развиваются тамъ, гдѣ дѣла касаются прибылей; но и мелочное самолюбіе играетъ здѣсь не послѣднюю роль. Въ нашихъ ученыхъ корпораціяхъ никакихъ барышей нѣтъ и нечего дѣлать мужамъ науки; но едвали гдѣ такъ развиты иной разъ самаго мелочнаго (можно бы сказать и посылнѣе) вида интриги, какъ въ нихъ? Нечего сказать: примѣръ назидательный для юношества! Да, наше Общество было чуждо этого недуга. Споровъ и притомъ горячихъ въ засѣданіяхъ его было не мало; но они никогда не переходили на личности и не выносились за порогъ дома Общества. Моя должность, (секретаря Общества и редактора Записокъ его), какъ безденежная, не могла быть привлекательною; но низкая интрига могла бы и здѣсь найти себѣ мѣсто, — и она не находила его: во все время моей дѣятельности при Обществѣ я былъ избираемъ единогласно. Что же касается до лицъ, стоявшихъ во главѣ Общества, то отъ нихъ для меня и для Общества предоставлялся полный просторъ. Графъ М. Д. Толстой, взвѣсивая своимъ практическимъ умомъ то или другое изъ моихъ предположеній, или выслушавши предъ собраніемъ Общества составленную мною Записку (что постоянно соблюдалось), всегда говорилъ такъ: за все предъ Обществомъ отвѣчаю я. Такъ же точно поступалъ и почтенный графъ А. Г. Строгановъ. Правда, этотъ президентъ, облеченный притомъ властію главнаго начальника края, иной разъ желалъ властвовать (только мнимо, улыбаясь) надъ моею головою; но когда была на моей сторонѣ правда, я не уступалъ; и замѣчательно, чѣмъ шероховатѣе или угловатѣе была оболочка моихъ

доказательствъ, тѣмъ, повидимому, убѣдительнѣе они становились для графа. Представляя себѣ почтенныя дѣла графа и его высокое положеніе, я не рѣдко раскаявался въ моей угловатости, хотя и очерченной прямыми линіями; а когда графъ А. Г., обремененный дѣлами по генераль-губернаторству, сложилъ съ себя званіе президента Общества, я пришелъ поблагодарить его за теплое сочувствіе къ моимъ трудамъ и попросить прощеніе за то, что не рѣдко позволялъ себѣ вступать въ угловатыя пренія. Графъ выслушалъ меня и сказалъ: я долженъ извиниться предъ вами; имѣя и безъ *вашихъ* множество дѣлъ, я иной разъ спорилъ тамъ, гдѣ на вашей сторонѣ была правда. Согласитесь, не всякая высокопоставленная личность способна на подобное покаянiе, да притомъ и покаянiе-то здѣсь было не нужно, такъ какъ и самаго грѣха не было: это покаянiе былъ голосъ добрѣйшаго сердца графа. Есть грѣхи тяжкіе; но высокопоставленныя лица не любятъ раскаяваться въ нихъ. Вонъ высокостоящая личность, пишущая даже идеальныя романы, не можетъ придти въ раскаянію въ такомъ ужасномъ грѣхѣ, какъ избѣженіе славянскихъ мучениковъ. Немудрено, эта личность даже и не англійской крови.

Я пишу не отчетъ о дѣятельности Общества с. хозяйства южной Россіи; а потому полагаю, мнѣ позволительно не стѣсняться какимъ-нибудь болѣе или менѣе узкимъ кругозоромъ, особливо если припоминаются лица, составляющія достояніе нашей исторіи. Относительно подобныхъ лицъ мы должны собирать даже мелкія крупинцы отъ обильной трапезы ихъ жизни, должны дорожить каждою выдающеюся чертою въ ихъ характерѣ или въ ихъ образѣ жизни; потомучто опытный историкъ иной разъ и одною подобною чертою можетъ сдѣлать очеркъ даннаго лица; мало этого — онъ можетъ по этой чертѣ проникнуть въ самый сокровенный тайникъ души его.

Упомянувши объ моей угловатости, я припомнилъ кое-что о преосв. Иннокентіи, который, какъ почетный членъ Общества, имѣетъ право занять мѣсто въ моихъ воспоминаніяхъ. Это кое-что я излагаю въ нижеслѣдующихъ строкахъ.

Однажды у пр. Иннокентія былъ обѣдъ, на который были приглашены лица, пользовавшіяся особымъ его расположеніемъ, или какъ обыкновенно на этотъ разъ выражался покойный владыко, *свои*; въ числѣ другихъ этой чести удостоился и я. Надобно замѣтить, что Иннокентій любилъ обѣдать съ такими лицами, которыя давали полный просторъ его широкой мысли и его дивному слову. Вотъ здѣсь нужно было слушать нашего знаменитаго витію, когда съ глубиною взглядовъ его свѣтлаго ума сыпались ярко-блестящія искры удивительнаго остроумія и даже юмора. Иннокентій, повидимому, особенно любилъ спускаться съ высоты долу; вдругъ переходить отъ великаго къ самому малому, отъ важнаго къ смѣшному. Эта черта просвѣчиваетъ и въ проповѣдяхъ его; но она рельефнѣе выступала въ обыкновенной бесѣдѣ, въ кругу близкихъ къ нему лицъ. Въ теченіи обѣда, о которомъ я говорю, Иннокентій былъ неподражаемъ; вдохновенная рѣчь его лилась какимъ-то неудержимымъ потокомъ; мы все превратились въ слухъ; по видимому нашъ дивный ораторъ собралъ своихъ гостей, чтобы подѣлиться съ ними тѣмъ, что накопилось у него на душѣ и на сердцѣ, и рвалось на свѣтъ Божій. Подъ конецъ обѣда рѣчь склонилась къ русскому народу (о, какъ онъ любилъ этотъ народъ! какъ чаялъ онъ воскресенія этого народа для свободной жизни!) и между прочимъ каснулась того, что нѣкоторые изъ чисто-русскихъ людей носятъ совершенно чуждыя русскому языку фамиліи. Припомнилось и то, что въ прежнія времена въ нашихъ духовныхъ училищахъ, въ одномъ классѣ ученикъ носилъ фамилію „дiligентовъ“, а въ слѣдующемъ — „negligентовъ“, смотря по

прилежанію и успѣхамъ его. Во время разговора на эту тему и я вставилъ замѣтку, относившуюся лично до моей особы: какъ чистѣйшій русскій, сказалъ я, терпѣть не могу своей греческой фамиліи. Надобно замѣтить, что Иннокентій, зная мою угловатость, особенно любилъ подшучивать надо мной, чтобы вызвать на новую выходку по части угловатости. Не упустилъ онъ настоящаго случая. — Да, ужъ если кто, сказалъ онъ, то вы, мой ученый профессоръ (такъ въ шутку любилъ называть меня покойный владыко) подлинно чистѣйшей русской крови; но вы не помните, какъ звали вашего праотца или дѣда? — Ничего не подозревая, я поспѣшилъ отвѣтить: дѣда моего звали Михайломъ (дѣйствительно, дѣдъ мой назывался Михайломъ Яковлевичемъ). — Ну я такъ и зналъ: кивнувши замѣтилъ Иннокентій. — Общій смѣхъ.

— Да, сказалъ я: я вѣдаю и тотъ душистый медъ, который ѣлъ, и тотъ, который лился за столомъ изъ одного золотого сосуда. — Иннокентій догадался, что я сказалъ неумѣстную любезность гостепріимному хозяину; отъ души разсмѣялся и, знаменательно кивнувши своимъ гостямъ, отвѣтилъ только четырьмя словами, которые вызвали неудержимый смѣхъ: „перевернулся на другой бокъ“.

Я былъ всегда глубоко почитателенъ къ этому дивному мужу, и не знаю, когда онъ подмѣтилъ мою угловатость. Помню одинъ случай, когда я дѣйствительно былъ даже прямо глупъ. Въ сентябрѣ 1851 года, почти въ глухую полночь, и притомъ среди нависшихъ облаговъ, верхами мы взбирались на Чатырдагъ (самую высокую гору въ Крымскомъ кряжѣ); не много оставалось до самой маковки горы, но я положительно отказался карабкаться выше (мы съ раннего утра были верхами), хотя подо мной была опытная татарская лошадка, и сказалъ: я не Христось, и ангелы не возьмутъ меня на крылья свои, когда буду летѣть въ пропасть. — Ну можно ли было сказать подоб-

ную глупость? Кѣмъ, спрашивается, былъ на этотъ разъ Иннокентій, приглашавшій меня на вершину горы? Я и другіе спутники (насъ было четверо) остались; но Иннокентій одинъ, бодро сидя верхомъ, взобрался на вершину и, простоявши тамъ добрыхъ минутъ пятнадцать, спустился и, обратившись ко мнѣ сказалъ: вы, ученые люди, не знаете, какъ сладко молиться въ полночь на вершинѣ горы.

Живо рисуется въ моемъ воображеніи картина, которую я видѣлъ назадъ тому около 30 лѣтъ; но теперь она представляется мнѣ болѣе величественною, и понятнѣе говоритъ моему сердцу; рѣзкія черты изгладились, остались одни мягкіе, теплые тоны. Искрятся мириады звѣздъ надъ вершиною Чатырдага, гдѣ одинъ около усталой лошадки стоитъ молящійся Иннокентій; внизу мы видимъ клубящіяся облака; тишина невозмутимая, и къ ней какъ будто особенно чутко прислушивается слѣпецъ Григорій (извѣстный паломникъ). О, какъ бы я желалъ проникнуть въ твою христіанскую, высокую, воспламеняющуюся душу, мой незабвенный Иннокентій, въ эти минуты твоей молитвы!

Часовъ къ 8 утра мы пріѣхали въ Симферополь, гдѣ Иннокентій долженъ былъ служить литургію. Мѣстный протоіерей обратился къ нему съ предложеніемъ прослушать утреннюю, на что Иннокентій отвѣчалъ: я слушалъ ее на Чатырдагѣ.

Читающій мои воспоминанія, можетъ быть, скажетъ: къ чему все это? и что за особая честь получить имя медвѣдя, хотя бы и всероссійскаго? Если вы, мой благосклонный читатель, были такъ счастливы, что чрезъ воспитаніе (вѣроятно, у васъ начавшееся не съ лаптей и оборъ) приобрѣли навыкъ, какъ держать себя въ порядочномъ обществѣ, то мой рассказъ не нуженъ вамъ, и я радуюсь за васъ, что были добрые пѣстуны въ вашихъ дѣтскихъ и юношескихъ годахъ. Но мнѣ больно, горько, тяжело было смотрѣть на того молодого

человѣка, котораго я въ декабрѣ прошедшаго года видѣлъ въ одномъ изъ лучшихъ и почтенныхъ домовъ города.... Я глазамъ своимъ не вѣрилъ, чтобы то былъ юноша, готовящійся высшимъ образованіемъ вступить на поприще жизни. Длинные волосы не чесаны, въ пуху и перьяхъ, руки и лицо почти какъ у кочегара; пальто испачкано и полуоборвано; ноги въ длинныхъ порывѣвшихъ сапогахъ; грудь на распашку; рубашка чернѣйшая; шея безъ галстука. Молодой этотъ человекъ явился въ домъ съ приглашеніемъ на концертъ въ пользу студентокъ. Почтенный хозяинъ счелъ своимъ долгомъ, передавая деньги, лично поблагодарить молодого человекъ за честь приглашенія на концертъ съ такою доброю цѣлю. Я не преувеличилъ и не искажилъ образа этого юноши. Но спрашивается: что это? нищета? цинизмъ? рассчитанный видъ презрѣнія къ аристократизму? или уже „сія болѣзнь съ издѣтства?“ О, если достопочтенный ученый Люисъ измѣряетъ порядочность человекъ желаніемъ порядочно поѣсть; то вѣрно угловатость и тѣмъ болѣе цинизмъ (которыми, замѣчу, отличаются и нѣкоторые изъ нашихъ ученыхъ мужей, въ соблазнъ молодому учащемуся поколѣнію) не могутъ быть отнесены къ принятой въ свѣтъ порядочности. Счастливы тѣ юноши, которые вслѣдствіе своего воспитанія, пріобрѣли извѣстный тонъ или лоскъ, и напротивъ достойны глубокаго сожалѣнія тѣ молодые люди, которые нарочно или по независимымъ отъ нихъ обстоятельствамъ покрываютъ себя грубѣйшею корою, которую, пожалуй, иные сочтутъ вывѣскою грязной, растрепанной души. Не смѣть имъ этого нароста всю жизнь и отъ нихъ всегда будетъ отворачиваться все порядочное общество. Нынѣ и глубоко-ученыхъ, но угловатыхъ мужей называютъ чудаками; потому что всѣ порядочные люди сознаютъ ту простую истину, что наукѣ не мѣшаютъ прическа головы, чистка ногтей и опрятность одежды. Насъ учили, что человекъ

имѣеть прирожденное стремленіе къ истинѣ, добру и прекрасному.—Изъ этихъ стремленій слагается гармоническое цѣлое — человекъ съ печатью на челѣ божественности, высшаго созданія въ мірѣ. Если одно изъ этихъ стремленій не развивается и не приурочивается природѣ человекъ; то являются или невѣжество, или нравственное уродство, или растрепанность, нечистота, желаніе удовлетворить низшимъ животнымъ инстинктамъ, и т. д. Лучшіе люди, сознающіе въ себѣ достоинство человекъ съ высшимъ призваніемъ, стараются дать ходъ всѣмъ тремъ стремленіямъ; и если инымъ не посчастливится въ области истины, то они по крайней мѣрѣ напрягаютъ силы быть добрыми и ищутъ удовольствія въ области невинно-прекраснаго, святаго, чистаго и честнаго. Что же? лучше откачнуться отъ этой лучшей половины рода человѣческаго? быть циникомъ и грязью бросать во все чистое и бѣлое?

Вольному воля, а спасенному рай.

Чувствую, что извѣстнаго пошиба люди и пишущая братія скажутъ:

— Что это? мораль?

— А если бы и такъ?

— Но какое право имѣете вы быть проповѣдникомъ нравственности, которая, притомъ, по ученію извѣстныхъ мыслителей, и не зависитъ отъ воли человекъ?

— Во всякомъ случаѣ я имѣю на эту проповѣдь большее право, чѣмъ тѣ, которые пишутъ и говорятъ въ подрывъ нравственныхъ основъ человекъ,—большее уже по тому одному, что она безвредна для человѣческаго общества.

— Но кто васъ послушаетъ?

— Неужели вы думаете, что русская добрая почва уже вся поросла терніемъ и волчцами?

Но возвращаюсь къ своему Обществу с. хозяйства. Я выше сказалъ, что для труда необходима свобода. Да, свобода, но не произволь, свобода законная, по-

ставленная въ извѣстныхъ границы, — первая порука за успѣхъ дѣла. Этою-то свободою я и пользовался, но только не со стороны покойнаго цензора Д. И. Синицына, который былъ безъ милосердія остороженъ, цензуруя мои писанія. Боже сохрани, упомянуть о какомъ-нибудь злѣ, терпимомъ русскою землею! Какъ вамъ покажется: этотъ почтенный цензоръ не позволилъ мнѣ назвать скифовъ невѣжественнымъ народомъ, такъ какъ по его мнѣнію они были наши предки? Или: нельзя печатать, что Россія богата еще нетронутыми источниками богатства: здѣсь, видите, укоръ правительству, почему оно не разрабатываетъ этихъ богатствъ. Что было дѣлать: времена были такія; и цензоръ былъ правъ, да не правѣ ли настоящихъ?...

Пользуясь свободою, я очень хорошо сознавалъ, что свободному труду не можетъ быть помѣхою авторитетъ или сознательная опытность и вѣдь моего я; а потому охотно подчинялся мнѣнію и опыту другихъ, хотя мой взглядъ и былъ противоположенъ имъ. Презрѣнно лакейство, гнусна лесть; но еще презрѣннѣе, еще гнуснѣе и притомъ вреднѣе самомнѣіе, что мы умнѣе другихъ. Вотъ гдѣ отсутствіе свободы; вотъ гдѣ постыдное рабство, налагаемое на человѣка его собственнымъ эгоизмомъ; вотъ гдѣ тѣ тяжелыя цѣпи, которыя не члены одни сковываютъ; но вѣдаются въ самое тѣло живаго организма, дѣлая его живымъ мертвецомъ для себя, для общества, для добра ближнимъ. Но нынѣ пошли въ моду эти цѣпи, какъ установилась мода на длинные шлейфы (тоже своего рода — стѣсненіе свободы) которыми мететь улицы извѣстная группа женскаго рода, включая сюда и мелкихъ чиновницъ, и горничныхъ. Кто нынѣ не попираетъ ногами самыя полновѣсныя авторитеты въ области истины, добра, даже самой науки? Кто нынѣ не кричитъ о *своихъ убѣжденіяхъ*? Пищатъ о нихъ даже тѣ нѣжныя созданія, у которыхъ ножки — какъ у мохнато-ногихъ голубокъ, — попросту сказать, еще въ

панталонцахъ. Однажды я отъ души, однако сквозь слезы, посмѣялся услышавши, какъ двѣнадцатилѣтній (но едва ли даже не десятилѣтній) школьникъ, съ прѣважнымъ самомнѣіемъ, произнесъ: мой отецъ человѣкъ не развитой, хотя и въ генеральскомъ чинѣ *). Не сбавить ли этой спѣси съ нашего молодого поколѣнія классицизмъ? Думаемъ, что сбавить. Но съ другой стороны классицизмъ, эта развивающая и отрезвляющая духовныя способности сила, можетъ не только спѣсь сбавить, но и придавить силы, какъ умственные, такъ и физическія. Да, это легко можетъ быть, если могущественную силу классицизма употреблять не въ пору, не въ мѣру, не по возрасту; или — при посредствѣ такихъ руководителей, которымъ самимъ бы еще сидѣть на школьной скамьѣ за склоненіями и спряженіями. — А мы какъ пользуемся этою силою? Согласитесь, что бывшему секретарю Общества сельскаго хозяйства, хотя нѣкогда довольно свободно писавшему и даже говорившему поллатыни **),

*) Видно, что эта нахальная заносчивость, вѣра въ „свои убѣжденія“, не оставила молодого человѣка и по окончаніи имъ курса въ университетѣ: онъ погибъ и для себя, и для Общества, бросивши отца въ старости и въ нищетѣ, и въ слѣпотѣ.

**) По обуревавшей меня въ юные годы лѣни, греческаго языка я никогда порядочно не зналъ. Учился ему настолько, чтобы не подвергнуться наказанію, которое въ наше время касалось и тѣлесъ нашихъ. Впрочемъ меня только одинъ разъ покормили березовою кашею, и то такъ, для формы. Видите, по одному случаю я объявилъ учителю, что ни разу не съѣлъ. — Поди, другъ мой, посѣкутъ; иначе ты будешь гордиться передъ товарищами; а гордымъ Богъ противится, и только смиреннымъ даетъ благодать. Ну и посѣкли, впрочемъ только по грубѣйшей, сѣрмяжной, оболочкѣ моего брэннаго, но не грѣшнаго тѣла. О tempora! о mores! Съѣли насъ; но мы не помышляли объ „онихъ“ пуляхъ, которыя нынѣ пускаютъ себѣ въ лобъ школьники даже за худую отмѣтку. Какъ тонки нервы у нашего молодого поколѣнія! А всему виной — *собственными убѣжденіями*. Но они откуда? — Время такое. — Время? Посмотрите лучше на себя, отцы, матери и педагоги, особливо вы, послѣдніе, устраивающіе себя отъ нравственной стороны учащихся. Уроки спросили, новые задали; а

а въ послѣдствіи размышлявшему только о *соли земли*, а не о тугѣ, удобряющемъ юныя души, въ родѣ классицизма, — такому лицу всеконечно не кстати заниматься рѣшеніемъ столь важнаго вопроса. А притомъ я и безъ того сдѣлалъ уклоненіе отъ главнаго предмета своихъ воспоминаній, къ которымъ и возвращаюсь.

Я указалъ на двѣ черты, дѣлающія честь нашему Обществу: на свободу въ трудахъ и на отсутствіе, какъ говорится, личностей, порождающихъ интриги—этотъ тормазъ полезной общественной дѣятельности. Укажу еще на одну черту. Мы знаемъ и видѣли, что нѣкоторые изъ нашихъ извѣстныхъ учреждений иной разъ занимались рѣшеніями такихъ вопросовъ, которые выходятъ изъ очерченнаго для нихъ круга. Наше Общество строго держалось своего устава, и это дѣлаетъ ему большую честь. Я такого мнѣнія, что если бы каждый изъ насъ занимался честно своимъ дѣломъ; то мы наслаждались бы полнымъ спокойствіемъ и порядкомъ.

Если ты студентъ; то лучше для тебя будетъ, если будешь заниматься одною наукою, собраніемъ такого капитала, который въ огнѣ не горитъ, въ водѣ не тонетъ, и котораго не могутъ ни раздѣлить между собою сумасброды коммунисты, ни уворовать даже такіе артисты по части воровства, каковъ напр. Юханцевъ съ неоткрытою имъ воровскою своею братіею. Если ты профессоръ; то и тебѣ лучше знать одну свою науку; а пойдешь ты въ общественные дѣтели, то и вѣра въ твою ученость подорвется, и злоязычіе людское пронесетъ о тебѣ, ученомъ мужѣ, молву какъ о мелкомъ сплетникѣ и даже хабарникѣ. Если ты судья, то и знай свои законы; а если будешь заниматься и рѣшеніемъ

тамъ, по васъ, хоть и трава не рости. Если таковы будутъ правила нашихъ педагоговъ, то конечно не трава будетъ роси, а терніе и волчцы. Наставники заступаютъ мѣсто отцовъ. Этому правилу слѣдовали у насъ въ старину; слѣдуютъ ему и теперь на западѣ Европы.

какихъ нибудь социаль-демократическихъ вопросовъ, то изъ твоего суда всегда выдетъ не судъ правый, а кривосудъ. Но я снова уклонился отъ предмета моихъ воспоминаній.

Такъ мирно и тихо шла дѣятельность Общества, никогда не отступавшаго отъ прямыхъ своихъ цѣлей, уставныхъ Уставомъ. Строгое подчиненіе даннымъ уставамъ есть первая порука за плодотворную дѣятельность извѣстныхъ учреждений. Правда, инья собранія Общества не обходились безъ увлеченій или чрезъ-чуръ горячихъ споровъ; но не въ мѣру краснорѣчивыхъ ораторовъ сдерживали или холодная опытность графа М. Д. Толстаго, или грозно-возвышавшійся перстъ мнимо-грознаго графа А. Г. Строганова.

Я сказалъ: тихо и мирно шла дѣятельность Общества; разъ впрочемъ случилась исторія, о которой слѣдуетъ упомянуть, хоть для разнообразія моего разказа. Разбираемъ мы съ графомъ М. Д. почту и читаемъ одну бумагу не совсѣмъ красиваго содержанія. Бумага на мое имя. Что было дѣлать? Бросить въ горѣвшій каминъ; но графъ рѣшилъ, что лучше держаться правды, чѣмъ лжи, лучше идти открытою дорогою, чѣмъ по бездорожью. На этомъ основаніи графъ посовѣтовалъ мнѣ показать бумагу жандармскому генералу Черкесову и доложить объ этомъ генераль-губернатору графу А. Г. Строганову. Конечно для свѣдѣнія только. Генераль Черкесовъ зналъ меня хорошо и особенно благоволилъ ко мнѣ за то, что я давалъ ему изъ сестерны Общества для чая воду по ведру въ сутки. Прихожу я къ генералу и прежде, чѣмъ объявить тайну, беру съ него честнѣйшее и благороднѣйшее слово, что тайна не выдетъ изъ его кабинета, и сообщается ему только для свѣдѣнія.— Не только слово, но вотъ вамъ и рука моя, сказалъ генераль.— Пожавши многозначительно сухую руку этого заслуженнаго ветерана, я подалъ злосчастную бумагу.— „Какой вздоръ, сказалъ генераль, прочитавши.

ее, и нашли же послать къ кому: вѣдь вы только и знаете свои бороны. Но отъ кого вы получили эту дрянь!«

— Не знаю, генераль.— А нѣтъ ли конверта?— Кажется, есть. Я досталъ его. Надобно имѣть кошачьи или мышиные глаза, чтобы рассмотреть сплюснутую печать; но генераль разсмотрѣлъ ее.— Бумага вотъ откуда, да и №-то крупненькій. Но будьте увѣрены, я свое слово сдержу и дрянь эту приму только къ свѣдѣнію. — Всю эту исторію я доложилъ генераль-губернатору, который сказалъ мнѣ: я знаю васъ и то лицо, изъ вѣдомства котораго послана эта бумага; я напишу куда слѣдуетъ. Однако чрезъ нѣкоторое время потребовали объясненія отъ того лица, печатью котораго (какъ я слышалъ, въ поддѣланномъ видѣ) воспользовались. Хотя въ душѣ своей я и оправдывалъ онаго генерала, что онъ данную присягу Государю предпочитаетъ слову, данному частному лицу; но воды ему для чая болѣе не давалъ, и далъ себѣ слово: честному слову и пожатію костлявой руки официальныхъ лицъ не вѣрить. Ихъ честь, ихъ благородство—служба, долгъ.

Есть у насъ на Руси поговорка: безъ денегъ— бездѣльнигъ. Дѣйствительно, въ нихъ большая сила. Нѣтъ сомнѣнія, что дѣятельность Общества была бы и шире, и разнообразнѣе, если бы имѣлись денежные средства. Если я не ошибаюсь, наше Общество при мнѣ получало отъ казны не болѣе 1000 р., которыхъ только что доставало, по ассигновкѣ, письмоводителю и на изданіе Записокъ: на послѣднюю статью, какъ выше сказано, назначалось 700—800 р. (800 р. въ послѣдніе два-три года); но въ типографію платилось не менѣе 1200 р. Недостающая сумма покрывалась изъ денегъ, получавшихся отъ подписчиковъ на Записки. Конечно, этотъ органъ Общества могъ бы быть еще поучительнѣе для хозяевъ юга Россіи; но не чѣмъ было платить сотрудникамъ: такимъ образомъ приходилось работать самому редактору. Бывало просишь хозяевъ, чтобы хоть что

нибудь сообщали въ Записки; и они сообщали, но иной разъ такое (впрочемъ по большей части съ хорошими практическими данными), что просидишь не одинъ вечеръ надъ составленіемъ статьи изъ доставленнаго матеріала. Бывало и такъ: поговоришь съ хозяиномъ и съ позволенія его напишешь подъ его именемъ статью. Такъ писались всѣ статьи отъ имени покойнаго В. П. Скаржинскаго. Я не видѣлъ здѣсь грѣха, хотя одинъ извѣстный ретивецъ чести и совѣсти (мой сослуживецъ по Лицею) и обличалъ меня въ этомъ, яко бы постыдномъ подлогѣ, — обличалъ предъ бывшимъ попечителемъ учебнаго округа Н. И. Пироговымъ. То былъ одинъ изъ д. членовъ нашего Общества, который теперь такъ блистательно защищаетъ честь, совѣсть, стыдъ и карманъ своихъ кліентовъ. Не продавалъ я своего пера ни за деньги, ни за какуюнибудь чечевичную похлебку; но если давалъ оболочку чужимъ мыслямъ, то единственно по слѣдующимъ причинамъ: нашимъ хозяевамъ не до письменности, къ которой, притомъ нужно имѣть и навыкъ. Это во первыхъ; во вторыхъ, мнѣ совѣстно было подслушанный чужой опытъ передать за собственное наблюденіе. А въ третьихъ и вотъ еще что: на меня не переставали смотрѣть, какъ на теоретика; такъ, прочитавши статью съ именемъ В. П. Скаржинскаго, мнѣ не рѣдко говорили: на каждую страницу можно бы положить по червонцу. (Это было тогда, когда мы видали эти червонцы какъ ходячую монету).

Общество не разъ открывало выставки мѣстныхъ произведеній, напр. винъ, табаку, и устраивало состязаніе земледѣльческими орудіями. Но владѣй оно большими средствами, эти выставки и состязанія могли бы повторяться чаще, и притомъ открываться не въ Одессѣ, а періодически въ центрахъ данныхъ округовъ юга Россіи. Я всегда былъ такого мнѣнія, что выставки или состязанія, распространяющіяся на нѣсколько губерній, не имѣютъ особаго значенія, т. е. мало приносятъ поль-

зы. Къ нимъ должна быть привлечена народная масса; но это привлеченіе возможно только подъ однимъ условіемъ: если выставки и состязанія будутъ повторяться сколько возможно чаще и въ центрахъ небольшихъ округовъ. Многіе изъ членовъ Общества сознавали эту истину, но для осуществленія ея у Общества не было средствъ.

Этотъ недостатокъ средствъ заставилъ Общество отказать отъ устройства образцовой фермы на подаренномъ ему для этой цѣли участкѣ покойнымъ Конарскимъ. Общество начало свою дѣятельность основаніемъ фермы; но эта ферма имѣла частное назначеніе—служить лѣсоводству, садоводству и винодѣлію. И ферма задачу свою исполнила. Предполагая же основать новую ферму, Общество имѣло въ виду преслѣдовать другія цѣли: уяснить болѣе соотвѣтствующую климату юга Россіи обработку земли, способы воздѣлыванія полевыхъ сельско-хозяйственныхъ растений, особливо кормовыхъ и т. д. и т. д. За недостаткомъ средствъ Общество, по предложенію своего д. ч. А. М. Богдановскаго, уступило этотъ участокъ для заведенія образцовой фермы университету, гдѣ во время оно читалось с. хозяйство. Но говорить, ученые мужи, затративши на ферму большую сумму, (чуть ли не свыше 10 т. р.) такъ тамъ хозяйничали, что итогъ ихъ хозяйничанья равняется нулю. Теперь Общество приняло участокъ въ свое завѣдываніе; но какъ поведетъ дѣло—не знаю. Дай Богъ всякаго успѣха, и я буду радъ, что участокъ, къ уступкѣ котораго Обществу я склонилъ покойнаго Конарскаго *), преобразился въ дѣйствительно образцовую ферму.

*) Я, кажется, около года жилъ въ домѣ покойнаго Конарскаго, и наши компаты были рядомъ. Частыя бесѣды насъ сблизили. Надо замѣтить, что покойный Конарскій, кончивши курсъ въ Виленскомъ университетѣ, до глубокой старости, слѣдилъ за гаукою и явленіями въ жизни Евropy.

II.

Домъ Общества с. хозяйства южной Россіи.—Назидательный примѣръ одного изъ вице-президентовъ этого Общества.—Не осуществившійся проэктъ и ученые орлы. Услуга образцовой фермы.—Закрытіе Главнаго училища садоводства въ Одессѣ.—Размышленія на берегу огненнаго моря.—Итогъ, предъ которымъ—ничто во первыхъ, всѣ суммы, крупныя и мелкія, уворованныя у казны отъ сложенія Россійскаго государства до настоящаго времени; во вторыхъ, похищенныя въ частныхъ нашихъ банкахъ отъ основанія ихъ до сего—дня. Но въ этомъ отдѣлѣ самое поучительное мѣсто—совѣтъ, который я даю извѣстнымъ печальникамъ русскаго народа.

Едва ли успѣшно пошли бы дѣла Общества сельскаго хозяйства южной Россіи, если-бы оно не имѣло собственнаго гнѣзда,—такого мѣста, куда бы хозяева приходили какъ въ собственный домъ. Нужда въ подобномъ помѣщеніи съ залами для собраній, библіотеки, кабинетовъ, канцеляріи, съ квартирою для секретаря, сознавалась всеми. И мы должны съ глубокою благодарностью вспомнить барона П. Θ. Местмахера, бывшаго вице-президента Общества: онъ выпросилъ у города то мѣсто съ ветхимъ зданіемъ, на которомъ стоитъ настоящій домъ Общества. Теплая, честная, правдивая душа была у этого вице-президента; но служить было съ барономъ не легко: онъ не пропускалъ даже самой пустой канцелярской отписки, чтобы не передѣлать ее по своему. Это былъ такой критическій, или точнѣе, своеобразный умъ, что, кажется, если бы почтенному барону подложить для подписки любую совершенно правильно переписанную басню П. А. Крылова, онъ и ее бы расчеркалъ. Но этотъ маленькій недостатокъ, къ сожалѣнію,

едва-ли не господствующій въ нашихъ бюрократическихъ сферахъ, выкупался примѣрною прямою души и искреннимъ желаніемъ всѣмъ и каждому (особливо бѣднѣйшему классу) добра, за что нельзя было не любить барона, и его дѣйствительно любили всѣ. О прямогѣ и честности души П. Θ.—ча между прочимъ можно судить и по тому одному, что баронъ, приобрѣтши домъ для Общества, и видя, что дѣла его не имѣютъ правильного теченія, торжественно объявилъ: я приобрѣлъ домъ Обществу, но руководить имъ не могу; изберите достойнѣйшаго, и жребій выпалъ дѣйствительно на достойнѣйшаго,—на графа М. Д. Толстаго, стоявшаго во главѣ Общества едва-ли не болѣе 20-лѣтъ. Примѣръ барона въ высшей степени поучительный! Сколько у насъ сидней сидитъ на самыхъ бойкихъ мѣстахъ,—сидитъ и только небо коптитъ, и все сидитъ, заѣдая казенные деньги, и украшался знаками подлинно безпорочный (по пословицѣ: кто спитъ, тотъ не грѣшитъ) своей службѣ. На этотъ разъ у насъ безстыдство примѣрное! Мы охотники занять самое видное мѣсто, не приготовившись къ нему ни образованіемъ, ни подготовкою въ практической школѣ; займемъ его, будемъ сидѣть да посиживать, не обращая вниманія на то, что людская молва давнымъ-давно твердитъ: „Бѣда коль пироги начнетъ печи сапожникъ, а сапоги тачать пирожникъ“.

Настоящимъ своимъ помѣщеніемъ Общество обязано по преимуществу графу М. Д. Толстому, мнѣ и Н. И. Изнару. Въ дѣлахъ Общества есть исторія сооруженія этого дома. Мы строили его, когда касса Общества была пуста; сдѣлали заемъ, который и уплатили въ непродолжительное время, умноживши число членовъ плательщиковъ. Въ послѣдствіи городъ безвозмездно уступилъ и самое мѣсто,—мѣсто видное, въ центрѣ города, въ городскомъ саду. Но обложенъ-ли домъ Общества какимъ нибудь взносомъ денегъ въ городскую каз-

ну?—этого не знаю; предложилъ же вопросъ потому, что бывший городской голова г. Одессы, свѣтлѣйшій князь С. М. Воронцовъ, однажды заявилъ мнѣ, что онъ непременно обложить домъ Общества; на что я замѣтилъ: это Общество—созданіе вашего отца, и оно имѣетъ самыя ограниченныя средства для своего существованія.

Впрочемъ какъ оно ни бѣдно было, но если-бы графъ М. Д. Толстой и я не выбыли изъ Общества, мы нашли бы средства осуществить наше предположеніе, которое состояло въ слѣдующемъ: поставить другой этажъ и открыть въ немъ бесплатныя квартиры для бѣднѣйшихъ студентовъ физико-математическаго факультета,—но съ однимъ условіемъ: этими даровыми квартирами могутъ пользоваться только тѣ студенты, которые постоянно, безъ всякихъ упущеній, посѣщаютъ лекціи профессоровъ. Условіе это вытекало изъ той, вѣками сложившейся, истины, что праздность есть мать пороковъ. Многіе изъ членовъ Общества сочувственно относились къ этому проэкту; но находились и такіе остряки, которые говорили, что при вышеозначенномъ условіи (постоянномъ хожденіи на лекціи) квартиры въ домѣ Общества никогда, ни однимъ студентомъ, заняты не будутъ. Я иначе смотрѣлъ и смотрю на гг. студентовъ и не раздѣляю приведенной остроты, хотя вѣроятно она взята изъ дѣйствительной жизни. Все зависитъ отъ примѣра: если профессора исправно читаютъ лекціи, то и студенты воодушевляются ихъ примѣромъ; но если иной профессоръ (а такіе были при мнѣ) и трехъ мѣсяцевъ полныхъ въ году не читаетъ своихъ лекцій, то и студенты неволью подчиняются вліянію этой безстыдной лѣности мужей науки и свѣта. „Касайся смоль—очернится: сказалъ Премудрый. Эту шпильку я могу подпустить бывшимъ и подобно мнѣ уже выбывшимъ моимъ коллегамъ по чистотѣ моей совѣсти, не допустившей меня, въ теченіи всей преподавательской службѣ, опустить по лѣни даже одной лекціи. Конечно, извѣстнаго пошиба

даровитые жрецы науки въ 10 лекцій больше могутъ пролить свѣта въ просвѣщающееся юношество, чѣмъ сколько прольютъ его иные труженики—чтецы въ 100 и 200 приемовъ. Но во первыхъ, мы какъ-то въ тѣ времена не замѣчали на нашемъ сумрачномъ горизонтѣ такихъ лучезарныхъ свѣтилъ науки, (впрочемъ, съ ничтожными исключеніями); а во вторыхъ, здѣсь вотъ съ чѣмъ не лзя было помириться: если бы мужи обильнѣйшаго свѣта получали свое годовое жалованіе и пенсію по количеству свѣта, какъ вѣроятно, по этому расчету, получаетъ или будетъ получать за свой электрическій свѣтъ почтенный г. Яблочковъ; то здѣсь и спору не могло бы быть, и совѣсть осталась бы чистою у оныхъ ярко-свѣтящихся точекъ въ ученое созвѣздіи.

Но на дѣлѣ выходитъ другое: награда одна и свѣточамъ въ видѣ сальныхъ огарковъ, и свѣтильникамъ во образѣ Яблочкова свѣта. Здѣсь чья-нибудь совѣсть должна страдать. Но чья? Свѣточа говорятъ: каковъ ни есть нашъ свѣтъ, но мы обязались читать опредѣленное число лекцій, и читаемъ ихъ; за это намъ даютъ жалованіе и пенсію. На этихъ условіяхъ мы и поступали на службу. — А вы, яркіе свѣтильники, съ кѣмъ заключали условіе получать по 3000 руб. жалованія по мѣрѣ исходящаго изъ васъ свѣта, можетъ быть, и дѣйствительно обильнаго? Удивительно, какъ это изъ васъ никто не возвыситъ голоса, чтобы за обильно-исшедшій изъ васъ свѣтъ дали вамъ полную пенсію и отставку съ блестящимъ мундиромъ даже черезъ годъ? Вѣдь вы—орлы парящіе въ высяхъ небесныхъ, хотя и любящіе спускаться долу и клевать казенные денежки, конечно съ горделивою важностію, столь подобающею царю пернатыхъ. Да не оскорбится почтенная ученая корпорація моими намеками: они касаются тѣхъ единицъ, которые, въ юные годы *)

*) Едва ли не въ большинствѣ: наши ученые работаютъ для науки только до *ординарнаго*.

счастливо прикоснувшись къ свѣту науки, считали себя уже свѣтилами и не желали нести одинаково съ своими товарищами великое просвѣтительное бремя. Совѣсть человѣческая вообще очень щекотлива; она есть самая чувствительная струна въ нашемъ душевномъ инструментѣ, особливо если мы при томъ и чрезъ-мѣру себялюбивы или честолюбивы,—чѣмъ ученый міръ едва ли не преизбыточествуетъ.

А потому я боюсь, чтобы на меня не разгнѣвались современные свѣтильники науки; ихъ я не имѣю чести знать, и сдѣланные мною намеки относятся къ нѣкоторымъ изъ бывшихъ, и, какъ сказано, уже выбывшихъ моихъ сослуживцевъ, которые дѣйствительно, считая себя орлами, парившими въ высяхъ небесныхъ, не любяши спускаться долу, т. е. въ аудиторіи, и, въ слѣдствіе ли обуревавшей ихъ лѣности, или по сложившимся въ ихъ мозгахъ убѣжденіямъ, говорили такъ: студентамъ нужно только указать—какъ слѣдуетъ заниматься, но не учить ихъ какъ школьниковъ, т. е. не читать имъ лекцій. Вступалъ я иногда съ сими свѣтозарными мужами въ пренія по этому дѣлу; но такъ какъ скупая природа не умудрила меня краснорѣчивою діалектикою, то я всегда отступалъ видимо побѣжденнымъ. Особенно остроумно-изобрѣтателенъ на этотъ разъ былъ покойный Парамоновичъ. Орелъ этотъ былъ не низкаго полета; но не любилъ слишкомъ часто просвѣщать юношество, вѣроятно памятуя латинскую поговорку: *omnia praesclara gaia*. Такого-же полету былъ орелъ нѣмецкой породы, впрочемъ орелъ уже подлинявшій и терпѣть не могшій русскихъ молодыхъ орловъ, во образѣ напр. г. Мечникова; но благо, онъ не долго оставался на нашемъ югѣ просвѣтителемъ юношества. Съ этимъ орломъ у меня бывали довольно жаркія препирательства; но онъ мнѣ не могъ доказать: почему въ русскихъ университетахъ не лзя читать лекцій въ теченіи 9 мѣсяцевъ, какъ это дѣлается въ германскихъ университетахъ; а у насъ дай

Богъ, чтобы набралось полныхъ 5 мѣсяцевъ для этихъ чтеній. Признаюсь, я не рѣдко думалъ: нѣтъ-ли у тебя, почтенный коллега, задней мысли, не боишься ли ты, что русскіе орлята повыше подымутся вась, нѣмецкихъ орловъ. Меня наводило на эту мысль странное поведение этого ученаго мужа: при находившихся въ его завѣдываніи кабинетахъ онъ стоялъ какъ церберъ, не допуская касаться предметовъ науки даже тѣхъ, которые на это имѣли всѣ права. Впрочемъ этому ученому нѣмецкому мужу ни въ какомъ случаѣ не подобало называться орломъ: мало-ли кто кѣмъ воображаетъ себя. А вотъ ученый мужъ, котораго не лзя не назвать орломъ: носясь такъ высоко, онъ имѣетъ дивную способность созерцать самыхъ мельчайшихъ тварей, и при этомъ служить образцомъ трудолюбія и достойной подражанія профессорской чести. Жаль, что юный университетъ лишился этого мужа науки и лишился въ слѣдствіе университетской пыли, развѣдавшей его драгоценное зрѣніе. Помню еще четвертаго орла, хотя далеко не съ орлиными дальнзоркими очами. Этотъ орелъ бойко ораторствовалъ, но когда-то сильно подмочивши могучія крылья, и подбивши зрѣніе, не поднимался въ раздольную область науки, и не любилъ двигаться по скромной стезѣ профессорской должности (въ годъ лекцій десять?); впрочемъ имѣлъ необыкновенную, достойную подражанія способность готовить на казенномъ газѣ яичницы, даже ростбифы и прочіе суррогаты для поддержанія брэннаго профессорскаго естества. Преданіе свѣжо, но вѣрится съ трудомъ. Давно ли, подумаешь, я видѣлъ подобныхъ профессоровъ и вступалъ съ ними въ пренія о вредѣ профессорской лѣни? Право, мнѣ такимъ дикимъ и такимъ страннымъ представляется нехождение въ аудиторію бывшихъ просвѣтителей юношества, что иной разъ приходитъ въ голову мысль: не другой-ли я вѣкъ живу? т. е. не 121 ли годъ идетъ моей жизни? не 100 ли лѣтъ тому назадъ были профессора,

лекціи читать не ходившіе, а на казенномъ газѣ мастерски яичницы приготавливашіе? Думалъ-бы такъ; но неумолимые факты доказываютъ, что назадъ тому 100 лѣтъ наши профессора не владѣли казеннымъ газомъ, что даровымъ огнемъ въ то время пользовались китайцы и огнепоклонники въ Баку, отъ которыхъ, какъ извѣстно, научились и наши мужички, какъ варить на этомъ огнѣ кашницу или уху: стоитъ де просверлить въ землѣ дырочку, — и ставь котелокъ. Точь—вточь, какъ оный профессоръ: отвернетъ кранъ казенной горѣлки — и ставить сковородку съ яичницей или разбитымъ кускомъ мяса.

Но возвратимся къ дому Общества, въ который также былъ проведенъ газъ, что сдѣлалъ на свой счетъ бывший казначей Общества, А. А. Рафаловичъ. Казначей тотъ, къ слову скажу, достойно занималъ свое мѣсто: умѣлъ не только сберегать, но и приращать не богатую казну Общества.

Говоря о построеніи дома Общества, я считаю не лишнимъ припомнить и о почтенномъ строителѣ его, Н. И. Изнарѣ, который чуть-ли не вдвое израсходовалъ противъ той суммы, за которую взялся выстроить это зданіе, и не домогался о возвратѣ передержанныхъ денегъ, въ чемъ едва ли отказало бы ему Общество. Г. Изнаръ, начавшій свою агрономическую дѣятельность еще при князѣ М. С. Воронцовѣ, по моему искреннему убѣжденію, очень почтенная личность, и принесъ такую огромную пользу краю, что мы едва ли достойно оцѣнили труды его. Пріятно теперь любоваться облѣсенными окрестностями Одессы, но разсадникомъ лѣсной и плодовой растительности для нихъ и для многихъ мѣстностей юга Россіи была ферма Общества с. хозяйства, директоромъ которой состоялъ г. Изнаръ, гдѣ онъ неутомимо работалъ, съ теплой любовію и знаніемъ дѣла, начавши свои труды среди голой степи. Рядомъ съ нимъ на этомъ поприщѣ подвизался другой дѣятель, г.

Десметъ (отецъ). Оба они не мало сообщали изъ области своей практики самыхъ дорогихъ свѣдѣній въ Записки Общества. Цѣня высокую важность лѣсоразведенія въ степяхъ юга Россіи, мы не можемъ не сохранить самой благодарной памяти объ этихъ почтенныхъ дѣятеляхъ. Главная заслуга ихъ въ указаніи пригодныхъ для юга Россіи и частіе для его приморской окраины древесныхъ и кустарниковыхъ породъ, и въ опредѣленіи способа воздѣлыванія ихъ, который можетъ быть выраженъ въ слѣдующихъ короткихъ словахъ: глубокая обработка земли (до 3—4 четв. арш.) и рыхленіе ея до полного отбненія посаженными и подростыми деревьями или кустарниками. Этого правила строго держался покойный В. П. Скаржинскій (дорого заплатившій за свои первоначальные опыты, противные этому правилу) и другіе почтенные лѣсоводы юга Россіи. Въ послѣдніе годы существованія, въ ближайшихъ окрестностяхъ Одессы, Главнаго училища садоводства съ ботаническимъ садомъ, вопросъ объ обработкѣ земли подъ лѣсную растительность и объ уходѣ за нею разрабатывался въ этомъ училищѣ не только практически, но и съ научной точки зрѣнія,—и великое дѣло возможности облѣсенія степей юга Россіи можно считать окончательно рѣшеннымъ. Не могу безъ глубокаго сожалѣнія вспомнить о переводѣ этого училища въ Умань. Сколько бы теперь, по уже проложенной имъ и другими дѣятелями дорогѣ, было добыто драгоценныхъ опытовъ при пособіи науки, которую преслѣдовало существовавшее училище съ своими питомниками и ботаническимъ садомъ. Можетъ быть, здѣсь акклиматизировались бы такія древесныя породы, которыя, по климатическимъ условіямъ, стали бы въ уровень съ драгоценными для края окаязіей, айлантомъ, софорой и гледичіей, а можетъ быть, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и превзошли бы ихъ. Переводъ изъ Одессы въ Умань Главнаго училища садоводства состоялся по представленію бывшаго инспек-

тора с. хозяйства, покойнаго Д. Н. Струкова, который хотя и составлялъ нѣкоторыя сельско-хозяйственныя „писанія“ (компиляціи); но научной, столь важной для его поста, подкладки у него не было: по образованію своему онъ былъ юристъ. И судите, въ какую ошибку впалъ покойный инспекторъ: главный мотивъ его ходатайства о переводѣ училища былъ тотъ, будто на южной окраинѣ Россіи не могутъ расти плодовые деревья и ученикамъ училища не чему здѣсь учиться. Такъ утверждалъ покойный даже въ то время, когда наслаждался дивными грушами изъ садовъ Вассала и др. Я много возражалъ противъ этого довода; но трудно было убѣдить челоуѣка съ предвзятымъ предубѣжденіемъ и, не къ ночи будь сказано, бюрократа до костей и мозга. Для всякаго ясно: гдѣ же и должны пособить своимъ влияніемъ наука и оказать свое пособіе казна, не гонящаяся за барышами, какъ не тамъ, гдѣ природа менѣе благопріятствуетъ (?) древесной растительности? Смѣшно бы было заводить, съ научными пособіями и жертвами со стороны казны, древесные питомники тамъ, гдѣ сѣянцы или корневая поросль въ дикомъ видѣ растутъ какъ бурьянъ. Но съ другой стороны покойный инспекторъ с. хозяйства далеко не изслѣдовалъ, на сколько южная окраина Россіи способна приурочить себѣ лѣсную или плодовую растительность. Я могъ бы привести не мало данныхъ, идущихъ въ разрѣзъ мнѣнію покойнаго инспектора, но ограничусь одною замѣткою. Оный инспекторъ и начальство училища въ подтвержденіе неспособности края къ садоводству указывали между прочимъ на то, что въ ботаническомъ саду училища не лзя воспитать даже розы; и дѣйствительно, этою царицею цвѣтовъ тамъ даже не пахло; но это они говорили въ то время, когда у одного не очень богатаго 3 гильдін купца (имени его не припомню) на Молдаванкѣ (извѣстная часть г. Одессы) близъ Конной площади, весь дворъ былъ за-

саженъ самыми роскошными сортами розъ (чуть ли не было здѣсь до 50 сортовъ). Конечно, этотъ выставленный мною аргументъ, подвергнутый личной со стороны покойнаго инспектора повѣрки трехъ его чувствъ: зрѣнію, обонянію и осязанію, не могъ не убѣдить его въ полной возможности развести розу въ ботаническомъ саду, которою теперь украшаются едва ли не всѣ порядочныя дачи г. Одессы, и заведены отличныя питомники ея. Но все-таки переводъ училища состоялся, и было разрушено одною рукою то, что созидалось столько лѣтъ и съ такими пожертвованіями другою. Надобно сказать, что ботаническій садъ въ послѣдніе годы своего существованія, подъ неутомимымъ надзоромъ бывшаго директора училища г. Обнискаго, доведенъ былъ до цвѣтущаго состоянія; его школы древесныхъ и кустарниковыхъ породъ были такъ поставлены и по количеству, и по качеству, что могли выдержать въ извѣстномъ отношеніи соперничество съ заграничными. Скажу коротко: садъ этотъ съ его прекраснымъ хвойнымъ отдѣленіемъ, заведеннымъ когда то изъ питомниковъ В. П. Скаржинскаго; съ его тѣнистыми аллеями и рошицами, былъ украшеніемъ г. Одессы и мѣстомъ очень поучительнымъ для любителей древесной растительности. Теперь здѣсь буквально мерзость запустѣнія. Не грустно ли, не тяжело ли это? Такова участь самаго святаго дѣла, если коснутся его руки бюрократа. Поступательное движеніе русскаго народа много замедлялось тѣмъ, что многія самыя благонамѣренныя мѣропріятія правительства, составлялись внѣ жизни его, т. е. рус. народа, чиновнымъ людомъ. Къ сожалѣнію, страсть къ празднему бумагописанію охватила и наши лучшія учрежденія позднѣйшаго времени: наши земства и нашъ мировой институтъ.

Кто долго жилъ въ одномъ домѣ, тотъ по себѣ можетъ судить, что съ домомъ можно сродниться. Не смотря на то, что я съ своей семьей занималъ въ домѣ Общества

всего три небольшія комнаты *) (впрочемъ зала собраній служила мнѣ и кабинетомъ) изъ которыхъ только двѣ имѣли по одному окну, — эти комнаты, свидѣтельница мои хъ трудовъ, семейныхъ радостей, дороги мнѣ. А потому я все еще не расстаюсь съ домомъ Общества, и припоминаю одно обстоятельство, которое имѣетъ неизмѣримо важное значеніе для всей нашей Россіи. Домъ Общества предполагено было выстроить изъ землебитнаго кирпича по способу г. Изнара; но это не состоялось по слѣдующимъ причинамъ: нужно было землю или сдѣланный изъ нея кирпичъ возить издалека; а камень былъ готовый у г. Изнара, и мы торопились постройкою дома; съ другой стороны, владѣніе городской землею было условное, именно: если бы Общество перестало существовать, то оно должно было снести свои постройки, что конечно удобнѣе было бы сдѣлать съ каменнымъ зданіемъ, чѣмъ съ землебитнымъ. Но все-таки нельзя не пожалѣть, что домъ Общества не сдѣланъ изъ землебитнаго кирпича. Здѣсь опущена очень важная цѣль: показать и доказать, что есть строительный матеріалъ у каждаго подъ руками, дешевый, прочный и совершенно пригодный для построенія не только сельско-хозяйственныхъ службъ, но и самыхъ жилищъ для человѣка. Конечно, этотъ примѣръ былъ не столько нуженъ для жителей Одессы, богатой раковистымъ известнякомъ, хотя и продувнымъ и не рѣдко (по присутствію въ немъ солей) сырымъ, сколько для пріѣзжающаго сюда люда изъ глубины Россіи; потому что и для жителей южной окраины ея этотъ поучительный примѣръ также не имѣетъ особаго значенія: здѣсь глинобитныя или такъ называемыя лимпачныя строенія всюду

*) Это въ новомъ домѣ; а при старомъ я помѣщался въ двухъ комнатахъ сыраго низенькаго флигеля, что и было причиною смерти моей первой жены, какъ объявилъ покойный, уважавшійся Одессоу докторъ Вагнеръ. Теперешнему помѣщенію секретаря Общества можно позавидовать.

распространены и считаются по сухости, теплотѣ, даже прочности самыми лучшими. Не только превосходные дома нѣмецкихъ поселенъ, напр: въ Крыму, но и обширные дома многихъ зажиточныхъ помѣщиковъ построены изъ этого матеріала *). Землебитныя постройки на дачахъ г. Извара существуютъ давно; нѣкоторыя изъ нихъ — едва ли не болѣе 50 лѣтъ. Общество с. хозяйства назначало не одну комиссію изъ хозяевъ и специалистовъ техникувъ для освидѣтельствованія этихъ построекъ, (последняя комиссія была въ концѣ сороковыхъ годовъ существованія ихъ), и каждый разъ эти комиссіи дѣлали такой отзывъ, что постройки изъ землебитнаго камня по способу г. Извара во всѣхъ отношеніяхъ могутъ назваться удовлетворительными: онѣ сухи, прочны, теплы (даже при толщинѣ стѣнъ около $\frac{1}{4}$ арш. въ томъ домѣ, гдѣ болѣе 30 лѣтъ жилъ г. Изваръ съ своимъ довольно многочисленнымъ семействомъ) дешевы и могутъ быть возводимы изъ всякой сухой земли: суглинистой, или чернозема, въ которомъ не преобладаетъ песокъ. Правда, выдѣлка землянаго кирпича требуетъ большаго вниманія, чѣмъ напр. выдѣлка подобнаго кирпича формами, т. е. изъ мокрой глины съ примѣсью половы или соломы; но что же прочно сдѣланное какънибудь? Къ тому же здѣсь не нужны ни вода, ни другіе суррогаты, напр. навозъ, солома, по-

*) Я самъ построилъ домъ въ Феодосіи на 10 саж. длины и около 5 саж. шир. изъ сырцоваго кирпича, обложивши стѣны снаружи обожженнымъ кирпичемъ. Домъ вышелъ сухой и теплый. Облицовкою дома обожженнымъ кирпичемъ устранилось одно изъ неудобствъ глинобитныхъ строеній — непрочность штукатурки на нихъ. Не знаю, извѣстенъ ли этотъ способъ постройки; но я его ни у кого не замѣтилъ. Меня страшали тѣмъ, что не льзя класть въ одно время сырецъ и обожженный кирпичъ; потому что не будетъ равномерной осадки. Конечно, лучше эту обкладку дѣлать черезъ 2 — 3 года; но я сдѣлалъ такъ, что осадка стѣнъ и облицовка ихъ шли одновременно. Домъ этотъ теперь стоитъ около 8 лѣтъ и никакой порчи не видно. Со временемъ я опишу способъ этого рода построенія стѣнъ.

лова, и т. п. Притомъ усовершенствованная г. Изваромъ землебитная машина (на которую онъ взялъ десятилѣтнюю, уже кончившуюся привилегію) упрощаетъ и ускоряетъ производство этихъ превосходныхъ кирпичей. Свои отзывы о постройкахъ г. Извара Общество передавало во всеобщую извѣстность. Даже вышла объ нихъ довольно обстоятельно составленная брошюрка.

Но все повидимому кануло въ вѣчность. И удивительно, какъ это многое полезное плохо прививается на русской землѣ. Вонъ какой нибудь занесенный на нее социализмъ или коммунизмъ нашли себѣ почву, хотя и среди тернія и волчцовъ русскаго народа. Явились для него, русскаго народа, особаго пошиба печальники и печальницы, которымъ хотѣлось бы мнѣ сказать: неизмѣримо больше добра сдѣлаете вы, благодѣтели и благодѣтельницы оплакиваемого вами русскаго крестьянства, если засучите ваши рукава, да подтыкаете ваши платья и пойдете мѣсить глину для кирпича, изъ котораго мужичекъ построитъ себѣ избу, и для черепицы, которою онъ покроетъ ее вмѣсто быстро-воспламеняющейся и разоряющей наше крестьянство соломы. Отправляйтесь и за границу, но не въ университетъ очаровательнаго Цюриха, откуда гонять нашихъ земляковъ и землячекъ, а на тѣ заводы, гдѣ дѣлаютъ такую прекрасную, выдерживающую до 700 лѣтъ и болѣе черепицу. Я самъ, сбросивши пальто и засучивши рукава, практиковался на нѣкоторыхъ изъ этихъ заводовъ, и добрые нѣмцы-работники такъ навострили меня, что я въ Феодосіи покрылъ плоскою, невиданною тамъ черепицею земскую больницу, которую привелось мнѣ строить. Послушайте моего добраго совѣта вы, наряжающіеся въ поддевки и дегтемъ мазанные сапоги: если вы, мѣся глину и дѣлая черепицу, не принесете существенной пользы (что неправдоподобно) нашимъ добрымъ поселенямъ, за то можете быть совершенно

покойны на счетъ вашихъ реберъ. Не сродни ваша проповѣдь русскому народу и не понятна она ему.

Не по моему одному мнѣнію, но по мнѣнію всѣхъ здравомыслящихъ людей, примѣръ постройки изъ землѣбитнаго кирпича по способу г. Изнара и его усовершенствованная машина для выдѣлки этого строительнаго матеріала изъ сухой земли имѣють неизмѣримую важность для опустошаемой пожарами Россіи.

Держаться ли этого способа, или прискаты другой, но намъ необходимо проститься съ бревенчатыми постройками и уничтожить соломенные крыши чрезъ всеобщее введеніе черепицы; въ противномъ случаѣ наше „историческое зло“ *), невѣдомое Западной Европѣ, т. е. наши опустошительные пожары не перестанутъ поглощать милліоны народнаго богатства и ввергать огромную массу народа, и безъ того не богатаго, въ нищету и разореніе. Легко сказать, Россія ежегодно теряетъ отъ своихъ пожаровъ, — на 60—70, 100 и болѣе милліоновъ руб. Но вѣдь это только итогъ стараемому имуществу! А во сколько десятковъ милліоновъ руб. оцѣнить пріостановку погорѣльцевъ отъ производительнаго труда, отъ уменьшенія въ народѣ оборотнаго капитала, которымъ онъ и безъ того бѣденъ, и который въ слѣдствіе пожаровъ обращается на постройку новыхъ жилищъ и усадебъ, т. е. переходитъ въ мертвый капиталъ? А чему, т. е. сколькимъ милліонамъ руб., равняется истребленіе на новыя постройки лѣсовъ? Какъ исчислить то зло, которое уже терпитъ Россія и которое грозитъ ей въ будущемъ ужаснѣйшимъ бѣдствіемъ: я разумью здѣсь недостатокъ топлива, измѣненіе къ худшему климата и оскудѣніе водъ, какъ неизбѣжнѣйшія послѣдствія истребленія лѣснаго покрова земли? Если всѣ мы убѣждены, что наши сахарные заводы и мануфактуры, будто бы пожирающіе ежегодно — первые

до 15 т., а вторыя до 30 т. десят. лѣсу; наши пароходы и паровозы внесли страшное опустошеніе въ наши лѣса; то едва ли не сильнѣйшее опустошеніе произвели въ нихъ постоянное горѣніе нашихъ бревенчатыхъ селъ, деревень и даже городовъ. Уже въ серединѣ Россіи почти вывелись строевые лѣса; рѣдѣють они и на сѣверной нашей окраинѣ, что грозитъ Россіи такимъ бѣдствіемъ, котораго мы теперь и вообразить не можемъ. По разрушеніи лѣсной и притомъ хвойной преграды, Ледовитый океанъ, при своихъ полгода длящихся ночахъ, при своихъ неизмѣримыхъ и вѣчныхъ льдахъ, будетъ обхватывать такимъ холодомъ русскую землю и такъ будетъ колебать температуру, что, по всей вѣроятности, тамъ, гдѣ теперь волнуются поля золотистой пшеницы, будутъ воздѣлывать одинъ ячмень или рожь. По томство, думаемъ, вспомнить наше пророчество.

При обширности и разнородности нашего государства, по новизнѣ статистическихъ работъ, даже по юности самой науки Статистики, по малой подготовкѣ съ умѣніемъ и терпѣніемъ взяться за подобный кропотливый трудъ, наша русская статистика не только не можетъ похвалиться приличными достоинствами, но, напротивъ, на каждомъ шагѣ видны у ней страшныя пробѣлы. Да и можетъ ли наша статистика похвалиться желаемыми достоинствами, когда статистическія данныя собираются чинами полиціи, которымъ даже смѣшно выраженіе: неумолимыя цифры доказываютъ и т. д. Уничтоженіе лѣсовъ въ Россіи, какъ предметъ первостепенной важности, повидимому должно бы вызвать на свѣтъ Божій самыя строгія, именно неумолимыя цифры, — цифры, которыя, по всей вѣроятности, привели бы въ ужасъ всякую русскую любящую свое отечество душу; но этихъ то цифръ мы и не имѣемъ. Приведенныя мною 15 и 30 т. десят. ежегодно истребляемаго лѣса взяты изъ газетныхъ статей; насколько вѣрны эти цифры — не знаемъ, хотя и есть основаніе думать, что онѣ въ общей слож-

*) Выраженіе взято изъ Статистики пожаровъ Россіи. Изд. М. В. Д.

ности вѣрнѣе цифрѣ, собираемыхъ полицейскими чинами. Допустимъ, что эти цифры близки къ дѣйствительности, и положимъ, что наши пароходы и паровозы истребляютъ вдвое противъ суммы вышестоящихъ цифрѣ, т. е. до 100 т. д.; да прибавимъ сюда лѣсной матеріалъ, уничтожаемый нашими пожарами,— и мы можемъ гадать объ ужасающей цифрѣ истребляемыхъ лѣсныхъ пространствъ. Конечно на извѣстной части этихъ пространствъ лѣсъ возобновляется, но на какой части? Если пространство ежегодно съ корнемъ уничтоженнаго лѣса выразится цифрою 25 т. дес.; то и эта цифра должна быть причислена къ ужасающимъ, и невольно ставится вопросъ: на сколько же лѣтъ станетъ лѣсовъ въ Россіи, — для удовлетворенія ея первостепеннѣйшихъ нуждъ и для уравненія ея континентальнаго климата? Не надолго. Если въ Харьковской губерніи назадъ тому 10—15 лѣтъ считалось до 120—140 т. д. казеннаго лѣса, а теперь осталось едва ли 40 и притомъ кое-какого; то этихъ однѣхъ цифрѣ достаточно, чтобы имѣть понятіе объ ужасающей цифрѣ, которою можетъ выразиться у насъ безвозвратное истребленіе лѣсовъ. Замѣйте, что сокращеніе 120 или 140 д. лѣснаго пространства на какихъ нибудь 40 т. д. совершилось въ казенныхъ лѣсахъ; а что сдѣлалось въ эти 10—15 лѣтъ въ той же губерніи съ частными лѣсами? не сократились ли они съ 10 на 1 или 0? О, помните, русскіе люди, что вы занимаете континентъ, гдѣ лѣсъ замѣняетъ собою то благотворное вліяніе на климатическія условія, какое оказываютъ на данныя страны или мѣстности океаническія воды. Горючій матеріалъ вы отыщите (вѣроятно, человечество когда нибудь будетъ отапливаться элементами воды, или обзаведется общими печами, чему примѣръ уже подали американцы); строительный древесный матеріалъ также замѣните камнемъ, глиною и желѣзомъ; но, уничтоживши лѣсныя пространства, имѣющія неизмѣримо важное вліяніе на климатъ, вы не иначе можете

возстановить климатическую благодать, какъ уравновѣсивши пространства степей лѣсами. А чего это будетъ стоить? И вездѣ ли можно возстановить лѣсной покровъ тамъ, гдѣ сорвала его невѣжественная рука хищника—человѣка, котораго отвратительнымъ прототипомъ едва ли не можетъ назваться русскій человѣкъ—какой-то заклятый врагъ лѣсной растительности. По моему замѣчанію, онъ не пройдетъ мимо зеленого куста, чтобы хоть листа не сорвать. Да, чего будетъ стоить на такомъ необъятномъ пространствѣ, какъ наша Россія, возобновить лѣсной покровъ? Если Франція исчисляетъ миллиардами облѣсеніе тѣхъ горъ на югѣ ея, которыя, давая свободный токъ дождевымъ водамъ, служатъ къ опустошительнымъ наводненіямъ; то какими миллиардами придется расплачиваться нашему потомству за смертный грѣхъ своихъ предковъ—мотовъ,—грѣхъ истребленія лѣсовъ? Мы хвалимся своимъ патріотизмомъ; но я пришелъ, подъ конецъ моей жизни, къ такому заключенію: мы, русскіе, самые холодные люди къ своей землѣ; мы люди настоящаго, но не будущаго. Истинный патріотизмъ—въ думѣ о судьбѣ потомства, о судьбѣ той земли, которая кормила насъ и будетъ кормить нашихъ дѣтей.

Но возвратимся къ пожарамъ. Чтобы взвѣсить все зло, которое терпитъ Россія отъ разливающагося по ней огненнаго потока, можно поставить слѣдующія слова: нищета, пріостановка производительныхъ силъ, изытіе изъ обращенія народнаго оборотнаго капитала, истребленіе лѣсовъ, а съ ними переменна къ худшему климата и оскуднѣніе водъ. Уму непостижимо, какъ мы равнодушно—дѣтски переносимъ наши пожары, и еще непостижимѣе, какъ это мы хотимъ избавиться отъ нихъ (да простятъ мнѣ выраженіе) бабьими средствами, въ родѣ огражденія сельскихъ построекъ вербами, или въ родѣ страхованія, т. е. перекладки бѣдныхъ грошей изъ одной сумы въ другую. Не похоже ли это на „спры-

скиваніе отъ глазу⁴²? или на витѣ веревокъ изъ песку, на что будто-бы чародѣи осуждаютъ провинившихся бѣсенятъ? Вербы садятъ; бѣдные гроши изъ одной сумы въ другую перекалдываютъ; но села и деревни съ убогимъ имуществомъ народнымъ горятъ и горятъ. Нѣтъ, не вербами, не страхованіемъ это народное бѣдствіе можетъ быть уничтожено или доведено до тѣхъ не крупныхъ жертвъ, которыя пожираетъ огонь на Западѣ Европы. Это бѣдствіе можетъ быть устранено только чрезъ повсемѣстное введеніе негорючаго матеріала: камня и глины въ сыромъ и въ обожженномъ видахъ. Эти матеріалы вездѣ у насъ есть, и какъ убѣдительнѣйшіе опыты доказываютъ, жилища людскія, сдѣланныя изъ глины—сырца, не только во внутреннихъ губерніяхъ, но и на сѣверѣ и въ сыромъ западномъ краѣ Россіи, оказываются совершенно удобными и прочными. При настоящемъ случаѣ не могу не припомнить одного разговора, подслушаннаго мною среди рабочихъ, строившихъ у меня домъ въ Θεодосіи. Дѣло было за завтракомъ. Сидятъ мужички—орловцы, на горкѣ, а внизу лощина, гдѣ цыгане готовятъ сырцовый кирпичъ. Вотъ одинъ мужичекъ, покачивая головою говоритъ: эхъ, дура ты дура! поучилась-бы ты хоть у цыганъ!—Кого ты бранишь? спрашиваютъ его товарищи.—Кого? да все-же ее, нашу матушку Рассею: горитъ себѣ да и горитъ, а чтобы избы-то не строить изъ глины, да не крыть ихъ черепицею?—Подслушанный мною разговоръ не выдумка; и въ немъ вполне виднѣнъ здравый смыслъ русскаго народа, который сознаетъ, что терпимое Россіей зло только тогда уничтожится, когда оно вырвется съ корнемъ, т. е. чрезъ введеніе во всеобщее употребленіе негорючихъ строительныхъ матеріаловъ, а не чрезъ прикрытіе сельскихъ усадебъ вербами или чрезъ обрызгиваніе огненнаго моря пожарными инструментами, большею частію у насъ дырявыми и изъѣденными ржавчиной.

Довольно Россія полагалась на время, которое дѣйствительно можетъ излечивать какія нибудь любовныя раны, но не страшныя застарѣвшія гангренозныя язвы, наносимыя государству опустошительными пожарами. А потому нужно приняться за мѣры дѣйствительныя, а не за полумѣры или лекарства въ родѣ синописмовъ. И если когда настало время для этихъ мѣръ, то въ настоящую пору. Смотри на всеобщее распространеніе въ народѣ ситцевыхъ сарафановъ и красныхъ платковъ, мы еще не можемъ заключать (какъ заключаютъ нѣкоторые изъ нашихъ публицистовъ) объ улучшеніи его благосостоянія. Здѣсь, можетъ быть, только одно повтореніе старинной русской пословицы: на брюхѣ шелкъ, а въ брюхѣ щелкъ. Мы думаемъ, что итогъ благосостоянія окажется другой, если сообразить: увеличившіеся налоги, изъ которыхъ одни земскіе (почти новые для народа) не малыхъ размѣровъ; распространеніе въ народѣ пьянства, охватившее даже женскій полъ; возросшее число прогульныхъ дней (особливо среди промысловаго или ремесленнаго рабочаго люда, который уже пересталъ работать по понедѣльникамъ); ослабленіе семейныхъ связей или правильнѣе—меньшее уваженіе отцовской власти, и т. д. и т. д. Всѣ эти прискорбныя явленія въ нашемъ народѣ мы признаемъ, а признавая, едва ли итогъ благосостоянія его можемъ выводить изъ суммы аршинъ проданнаго ситца или красныхъ платковъ. И если эти явленія могутъ исчезнуть или ослабѣть только съ появленіемъ свѣта образованія среди народной массы, на что потребуется время и время; такъ по крайней мѣрѣ нужно устранить то зло, разрушающее народное благосостояніе, на которое не требуется продолжительнаго времени; я разумю наши опустошительные пожары. Но какими мѣрами можно уничтожить или ослабить это историческое наше зло? Эти мѣры я позволю себѣ выразить однимъ словомъ: законъ, законъ не умолимый, не допускающій исключе-

ній. Такъ въ подобныхъ случаяхъ поступали и по­ступаютъ всѣ образованные народы запада Европы; тамъ, гдѣ народъ дремалъ, попуская то или другое зло, воз­ставалъ законъ во всемъ своемъ грозномъ величии. Смѣемъ сказать, если бы у насъ былъ изданъ законъ, по силѣ котораго черезъ 25 лѣтъ въ Россіи не должно су­ществовать ни бревенчатыхъ избъ съ хозяйственными службами, ни соломенныхъ и деревянныхъ крышъ *),— Россія была бы застрахована отъ огня. Пусть нашимъ селамъ, деревнямъ и городамъ, во имя закона, будетъ предписано, чтобы въ теченіи этого срока общины по­степенно обстраивались изъ не горючихъ матеріаловъ,— и онѣ обстроятся. Велѣли русскимъ молодцамъ по ра­скаленнымъ пескамъ съ томительною жаждою, сходить въ Хиву, и они сходили на изумленіе всего свѣта; при­казали тѣмъ же молодцамъ, среди трескучихъ морозовъ, вьюгъ и мятелей, по страшнымъ сугробамъ снѣга и про­пастямъ земнымъ, перешагнуть Балканы, и они такъ перешагнули, что удивленный міръ до сихъ поръ сто­итъ съ открытымъ отъ изумленія ртомъ. Построить же русскому народу, въ теченіи четверти вѣка, дома себѣ изъ камня или глины и покрыть ихъ черепицею,—для него то же, что, съ позволенія сказать, плюнуть. Для русскаго народа слова: батюшка царь велѣлъ — такія слова, что онъ или умретъ, или сбѣгаетъ.

*) Признаюсь, мнѣ не по сердцу и наши желѣзныя крыши, кото­рыя ввѣдѣ такъ не распространены, какъ въ Россіи; за границей кроютъ зданія или сланцемъ, или—что всего чаще—черепицею; даже въ Вѣнѣ, если я не ошибаюсь, дворецъ императора покрытъ чере­пицею. Желѣзная крыша—роскошь, и притомъ требующая большого ремонта. Съ другой стороны желѣзо на крышѣ—не производительный капиталъ; но пусть оно обратится въ домашній обиходъ народа—и получатся новыя производительныя силы. Желѣзо теперь считается первымъ рычагомъ въ промышленной дѣятельности человѣчества; но этотъ рычагъ играетъ такую слабую роль въ трудахъ русскаго на­рода: онъ у насъ на крышахъ.

Но общія силы для пересозданія Россіи изъ деревян­ной въ каменную необходимы: пусть данная община ны­нѣшній годъ построитъ дома Петру и Ивану, а на слѣ­дующій—Карпу и Ѳедору,—и дѣло будетъ приведено къ желаемому концу, на счастье и радость нашего доро­гого отечества. Миръ—великъ человѣкъ! да, онъ только и можетъ побѣдить великое зло, переносимое русскимъ народомъ. Пожалуй скажутъ водимые убогимъ или зад­нимъ умомъ печальники народа: такая перестройка ля­жетъ на народъ новымъ тяжелымъ бременемъ; но мы снова повторимъ: миръ—великъ человѣкъ, и убѣждены, что здѣсь не потребуется какихъ нибудь особыхъ жертвъ, а съ другой стороны не забудемъ, что и времени и средствъ у нашего народа найдется, если только онъ на это великое, именно государственное, всероссійское дѣло употребитъ одни ложно-праздничные дни, гдѣ у него, какъ говорятъ, пропадаетъ ежегодно до 300 милліоновъ рублей.

Скажутъ еще: предлагаемая мною мѣра не годится. Но я и не считаю себя папой, вѣрющимъ въ непогрѣ­шимость своихъ слябусовъ. Отыщите другія мѣры, а отыскать-то ихъ наконецъ необходимо; потому что только заклятые враги Россіи могутъ желать ей того зла, которое она терпитъ отъ своихъ опустошитель­ныхъ пожаровъ.

Удивительно, какъ это наши земства почти и пер­стомъ не каснулись этого тяжелаго бремени, страшно тяготящаго на плечахъ русскаго народа. Они сочув­ственно отнеслись къ одному страхованію; но мы еще разъ повторимъ: страхованіе не только не мѣра, но даже не можетъ быть отнесено къ полумѣрамъ, кото­рыя, какъ извѣстно, рѣдко достигаютъ желаемой цѣли. Мы не отвергаемъ дѣятельности земствъ, хотя уже и превратившихся въ бумажные департаменты; но убѣж­дены, что они болѣе хватаются за верхушки, но не за­ботятся о корняхъ, безъ которыхъ засыхаютъ и самыя

верхушки, какъ у дерева, котораго корни дойдутъ или до солонца, или до холоднаго и мокраго торфяника или камня. Кто будетъ спорить противъ медицины, на которую земство обратило довольно почтенное вниманіе: но пособія врачей и всей медицинской кухни — не касаются ли верхушекъ того дерева, у котораго корни гниютъ въ сырой и холодной средѣ, безъ приличной пици? И вотъ итогъ врачевной земской дѣятельности: буквально десятки тысячъ русскаго народа ежегодно умираютъ отъ тифа, дифтерита, скарлатины, сифилиса, оспы, кори и т. п. А между тѣмъ кто не знаетъ, что прежде нужно удалить причину болѣзни, а потомъ лечить больного? Любопытно бы было сравнить болѣзненность и смертность въ русскомъ народѣ до — и послѣ земскихъ учреждений. Одно, кажется, можно съ увѣренностію сказать, что сифилисъ никогда среди русскаго простаго народа не достигалъ такихъ ужасающихъ размѣровъ, какъ въ позднѣйшее время. И говорятъ, что все зло — въ нашихъ питейныхъ и постоялыхъ дворахъ, въ нашихъ харчевняхъ, изъ которыхъ нѣкоторые превратились и въ дома терпимости.

Да, гигиена — вотъ спасительница народа! Но для гигиены первое условіе — здоровыя жилища, но не гнилыя, не сырыя, не холодныя и исполненныя всякой нечести и смрада. Слѣдовало бы нашимъ земствамъ объявить конкурсы на составленіе плановъ для поселенскихъ домовъ, сообразно съ правилами современной гигиены. Здѣсь особенно нужно бы обратить вниманіе на переустройство печей, которыя безъ пользы поглощаютъ громадную массу горючаго матеріала, въ которомъ уже чувствуется сильнѣйшій недостатокъ чуть ли не половиною Россіи, на умноженіе свѣта въ поселенскихъ домахъ — этого живительнаго начала для всѣхъ высшихъ организмовъ; на вентиляцію, безъ которой невозможно удаленіе испорченнаго или зараженнаго воздуха, и т. д.

Такимъ образомъ вопросъ о переустройствѣ жилищъ

нашего народа вступаетъ въ новую фазу: они должны быть перестроены не только съ цѣлю застрахованія ихъ отъ опустошительныхъ пожаровъ негорючестію строительныхъ матеріаловъ; но и съ тою не менѣе важною цѣлю, чтобы улучшить гигиеническія условія жизни нашего народа, т. е. уменьшить болѣзни и смертность среди его, которыя достигаютъ у насъ невиданныхъ въ западно-европейскихъ государствахъ размѣровъ. Здоровье человѣка есть первое условіе развитія его духовныхъ и физическихъ силъ, и оно должно составить первую задачу нашихъ земствъ. Къ сожалѣнію земства наши страдаютъ дальнорочностію, и не видятъ того, что у нихъ подъ ногами. Они не перестаютъ сътовать, что права ихъ стѣсняются, что кругъ для земской дѣятельности слишкомъ суженъ. Такъ-ли это? Сдѣлали ли вы, наши земства, то, что дано вамъ сдѣлать, на что вы имѣете и силу, и власть, и средства? Русскія усадьбы вообще отличаются самою возмутительною нечистотою, порождающею и болѣзни, и смертность поселянъ. Но какое земство употребило дѣйствительныя мѣры, чтобы уничтожить это зло? Гдѣ въ грязную пору тонетъ русскій народъ? гдѣ до середины лѣта стоятъ зловонныя лужи, заражающія воздухъ? По улицамъ нашихъ селъ и деревень. Но нашлось ли хоть одно земство чтонибудь сдѣлать, чтобы этого зла не было? Къ нашимъ колодцамъ въ грязную пору подойти не лзя, и въ нихъ обыкновенно стекаютъ всевозможныя нечистоты, убивающія здоровье жителей. Но въ какомъ земствѣ рѣшено: сдѣлать все, чтобы вода не служила отравою для народа? А свалка навоза и падали въ рѣчки и протоки или въ овраги, находящіяся посреди или вблизи жилищъ поселянъ? вывелось-ли это вопіющее зло при содѣйствіи нашихъ земствъ? Подобныхъ вопросовъ можно бы поставить великое множество. Я такого убѣжденія, что если наши земства вопіютъ о какой-то узкости круга ихъ дѣйствій, то этому

одна причина, что мы люди слова, а не дѣла, что намъ, по врожденной славянству лѣни, не хочется заняться дѣломъ. Право это такъ. Вы скажете: итъ. Просимъ васъ нарисовать другую картину. А я позволю себѣ сказать вамъ на ушко вотъ что: легко съ мужичковъ собрать деньги на медицину; но помогутъ ли она имъ, если они будутъ пить навозную воду и жить среди заразительныхъ мѣзмовъ? При этомъ случаѣ повторимъ и то, что къ сожалѣнію рѣдко передается во всеобщую извѣстность: не мало земскихъ врачей, назначаемыхъ собственно для сельскаго населенія, въ селы и не заглядываютъ, и земства, платя имъ собранные съ бѣдныхъ мужичковъ гроши, смотрятъ на это безчестное дѣло сквозь пальцы, по слагающемуся въ нихъ обычаю смотрѣть такъ на общественную пользу. Это напоминаетъ мнѣ тѣхъ мировыхъ судей, которые хотя и назначаются для поселянъ, но живутъ въ городахъ, якобы для облегченія поселянскаго сословія. Оно, говорятъ эти судьи, кстаті вѣздитъ въ городъ на базары. Но оказывается, что эти базары бывають по воскреснымъ днямъ (на нашъ срамъ предъ христіанскимъ міромъ!), когда камеры мировыхъ судей закрыты. Удивительно, какъ это при открытіи мирового института не были указаны центры для судебныхъ камеръ, которыя конечно теперь были бы построены и тамъ, гдѣ не имѣлось готовыхъ зданій. Да не лучше ли было бы опредѣлить, сообразно даннымъ мѣстностямъ и народонаселенію, и самое количество миров. судей? Они легли на земскую казну тяжелымъ бременемъ, но насколько полезны собственно поселянамъ: отвѣтъ на этотъ вопросъ покрыть мракомъ.

III.

Одесса. — Ея красивыя и не красивыя стороны. — Распространеніе на югѣ Россіи сельско-хозяйственныхъ усовершенствованныхъ орудій и машинъ. — Сдѣйствіе этому дѣлу со стороны Общества с. хозяйства южной Россіи. — Пробужденіе практическаго ума южно-русскихъ сельскихъ хозяевъ. — Топчакъ съ крысами и плуги съ гириями. — Орудіе В. Г. Христофорова и ученая подкладка.

Не вините меня, любезный читатель, что я, поговоривши о домѣ Общества с. хозяйства, перешелъ къ лѣсоводству, грѣшному уничтоженію Главнаго училища садоводства въ Одессѣ, къ землѣбитнымъ кирпичамъ г. Изнара и причалилъ подъ парусомъ самой строгой логической послѣдовательности къ тому огненному морю, которое разливается по бѣдной въ этомъ отношеніи русской землѣ. Эти переходы, отчасти не ожидаемые, отъ одного предмета къ другому, доказываютъ, что внутри насъ дѣйствительно существуетъ такъ называемое средство идей (*associatio idearum*), которое въ свою очередь подтверждаетъ ту старую истину, что мы мыслимъ и припоминаемъ не по рефлексамъ мозга. Вотъ бы, въ самомъ дѣлѣ, въраціе въ магическую силу этихъ рефлексовъ объяснили: какъ это мозгъ нашъ сохраняетъ въ себѣ отпечатки видѣннаго, слышаннаго или прочитаннаго, однимъ словомъ — всего, что воспринимается нашими чувствами чрезъ нервную систему, — сохраняетъ, прибавимъ, цѣлые десятки лѣтъ, а у избранныхъ натуръ, въ родѣ Фомы Парръ, и по цѣлому столѣтію съ половиной. Въдъ мозгъ постоянно питается, ежеминутно изъ него выбываютъ устарѣвшія, или точнѣе, от-

жившія частицы, которыя, чрезъ новый притокъ крови, замѣняются новыми; коротко, въ мозгу нашемъ совершается непрерывный процессъ разрушенія и возрожденія. Послѣ этого трудно понять, какъ отпечатки, произведенные на мозгу рефлексами, не выбываютъ изъ головы вмѣстѣ съ отжившею мозговою тканью?

Но я опять уклоняюсь и притомъ въ чуждую для меня страну; лучше снова обращу мое лицо на дорогой для меня домъ Общества с. хозяйства. Въ сосѣдствѣ съ нимъ возвышается довольно почтенныхъ размѣровъ зданіе, принадлежащее Обществу, въ дѣлахъ котораго оно извѣстно подъ именемъ магазина для постоянной выставки сельско-хозяйственныхъ орудій и машинъ; а теперь, кажется, по временамъ тамъ пиръ идетъ горой. Но объ этомъ зданіи думаю подробнѣе сказать въ другомъ мѣстѣ; здѣсь же, въ слѣдствіе угрызенія совѣсти, покаюсь предъ Одессою въ одномъ грѣхѣ, повисшемъ на мой душѣ по причинѣ постройки этого магазина. Мы строили его якобы на дворикѣ, принадлежавшемъ Обществу; но на самомъ дѣлѣ прихватили нѣсколько сажень и городской земли. Правда, мы могли бы указать и не на такіе захваты въ той же Одессѣ; но чужіе грѣхи никогда не искупаютъ нашихъ собственныхъ, хотя мы не рѣдко стараемся оправдать себя, указывая на болѣе тяжкіе грѣхи, творимые нашими ближними; а по какой это логикѣ—не вѣдаю. Впрочемъ, можетъ быть, въ вышеозначенномъ грѣхѣ, которому минуло около двухъ десятилѣтнихъ давностей, и каяться не слѣдуетъ, потому что тогдашнія добрыя власти и добрѣйшіе граждане г. Одессы смотрѣли на нашъ захватъ сквозь пальцы: очевидно, что для нихъ цѣль постройки такого полезнаго зданія была дороже 3—4 кв. сажень криводушно захваченной земли.

Вообще къ чести гражданъ г. Одессы надобно сказать, что они никогда не были скупы тамъ, гдѣ дѣло шло или объ наукѣ и ученіи, или о благотворительности

и другихъ добрыхъ дѣлахъ. Приадамался бы иной городъ уступить такія бойкія, выгодныя мѣста, какія занимаютъ Общество с. хозяйства и Общество исторіи и древностей. Не многіе наши города могутъ похвалиться такими лечебницами, какъ лечебница А. С. Стурзы *), устроенная и содержимая на частныя средства; или такими образцовыми пріютами для сиротъ, какъ тотъ пріютъ въ Одессѣ, который согрѣвается истинно-материнскимъ сердцемъ достойной супруги незабвеннаго князя М. С. Воронцова, свѣтлѣйшей княгини Елизаветы Кеаверьевны. Не каждый городъ у насъ отпуститъ значительныя суммы на построеніе католической церкви или на украшеніе православнаго собора. На памятникъ свѣтлѣйшему князю М. С. Воронцову, на что была открыта подписка по всей имперіи, граждане Одессы внесли самую крупную сумму (едва ли не болѣе $\frac{1}{4}$ всей собранной). Конечно, скажутъ: кому, какъ не Одессѣ, созданной покойнымъ княземъ, и послужить къ увѣковѣченію его памяти. Это правда, но правда и то, что въ нашъ матеріальный, торгашескій, старающійся забыть всѣ высшіе идеалы, вѣкъ, ничто такъ легко не забывается, какъ сдѣланное добро, особенно послѣ смерти того, кто его сдѣлалъ. Мы нынѣ признательны и глубоко благодарны только при ожиданіи добра и услугъ; но какъ только получимъ ихъ, то постараемся переходить на другую сторону улицы, чтобы не встрѣтиться съ нашимъ благодѣтелемъ. Видите, теперь въ обычаѣ входить, не быть никому обязаннымъ, даже ни во что ставить любовь и попеченіе отца съ матерью. Нынѣ всякій хочетъ жить самостоятельно, по „своимъ убѣжденіямъ“.

*) Кратковременно было мое знакомство съ этимъ почтеннымъ мужемъ, бывшимъ до меня вице-президентомъ Общества; но не забуду я ни добраго его вниманія ко мнѣ, ни его поучительныхъ бесѣдъ. Было кого послушать!

Но возвратимся къ Одессѣ, о которой при настоящемъ случаѣ не лзя не сказать нѣсколько словъ: она дала пріютъ Обществу с. хозяйства. Дѣйствительно Одесса становится лучшимъ европейскимъ городомъ. Ея прекрасныя мостовыя, замѣтимъ, первыя такого рода въ Россіи; обиліе воды *), недостаткомъ которой страшно страдаетъ даже наша первопрестольная; умножившіяся разнаго рода учебныя заведенія; роскошныя магазины; желаніе, осуществляемое на дѣлѣ, развести внутри города по возможности большую массу зелени, столь необходимой по климатическимъ и гигиеническимъ условіямъ края, и т. д. и т. д.; всѣ эти явленія въ жизни Одессы много говорятъ въ ея пользу, не смотря на разнородность ея населенія, которое по видимому труднѣе согласить на что-нибудь полезное и пріятное, чѣмъ народонаселеніе однородное. Правда, смотря на этотъ величаво-роскошный городъ, не вольно думаешь: все это создано выею смиреннаго вола и согбенною спиною пахаря. А ты, роскошная Пальмира, что сдѣлала на поль-

*) Правда, вода эта обошлась и обходится городу довольно дорого; но кто знаетъ, какъ мучительна жажда (а кто не знаетъ, совѣтуемъ прочесть объ этомъ хоть въ Физиологій Люсса), тотъ пойметъ, что здѣсь одни естественно могли обсчитаться, а другіе, пользуясь этимъ случаемъ, хорошо посчитать, вѣдая, что свой карманъ, какъ и своя рубашка, ближе къ собственному тѣлу, чѣмъ къ чужому, хотя бы и нестерпимо томимому жаждою. Продолжительная жажда мучитъ родъ людской такою же страшною мукою, какъ и животныхъ. Посмотрите, что дѣлаетъ она съ дикими животными, пасущимися подъ раскаленнымъ небомъ Африки на которое походитъ въ лѣтнее время и небо Одессы: стала ихъ, какъ вихрь степной, несутся къ источнику воды, бросаются къ нему и попадаютъ въ когти свирѣлаго Африканскаго льва. Что же мудренаго, если Одесса, томившаяся столько десятковъ лѣтъ, страшною жаждою, бросилась къ чистому источнику Дибетровской воды и откутилась въ лапахъ британскаго льва, да притомъ же не кстати откровеннаго, но за то и награжденнаго молчаливо-горделивымъ презрѣніемъ утолившихъ свою жажду Одесситовъ. Подумаешь: какая высокая гражданская доблесть!..

зу тѣхъ, по милости которыхъ ты есть то, что есть? Относительно неразумной рабочей силы ты сочувственно отнеслась къ Обществу состраданія къ животнымъ, едва-ли не къ первому въ Россіи. Похвально твое сочувствіе, Одесса, къ этому святому дѣлу; но насколько ты приняла живое, теплое участіе напр. въ просвѣщеніи темной массы пахарей, которыхъ трудами ты существуешь? насколько ты своими капиталами приняла участіе въ улучшеніи быта этихъ тружениковъ, живущихъ въ сырыхъ, грязныхъ избенкахъ и питающихся высѣвками или послѣдомъ, а ты—отборнымъ зерномъ? По крайней мѣрѣ отказались ли нѣкоторые изъ грѣшныхъ гражданъ твоихъ отъ обмѣриваній и обвѣшиваній тѣхъ, которые собираютъ хлѣбъ въ житницы твои, обливаясь кровавымъ потомъ? Но все это далеко отъ тебя: картины невѣжества, бѣдности и тяжелаго труда въ широкіхъ степяхъ; ты не видишь ихъ. Въ такомъ случаѣ мы укажемъ тебѣ на ту возмутительно-безобразную картину, которую ты ежечасно видишь, на тѣ безобразные инструменты, называемые повозками, на которыхъ провозятъ по твоимъ роскошнымъ улицамъ милліоны пудовъ зерна, шерсти, сала и другихъ продуктовъ внутренней и ви́шней торговли. Безобразіе этихъ допотопныхъ инструментовъ, съ вервочной сбруей, съ избитыми, полуживыми лошадьми, составляетъ поразительно-возмутительную противоположность съ твоею красотою, Одесса, съ зеркальными окнами твоихъ магазиновъ, съ щегольскими экипажами, съ шелками, бархатами и разнаго рода драпами, въ которые одѣваются твои изящные граждане и беззаботно-веселыя гражданки. Но этого мало. Движущіяся по твоимъ европейскимъ, достойнымъ щегольскаго Парижа и угрюмо-практическаго Лондона, мостовымъ повозки съ грузами до такой степени безобразно—тяжелы, столько поглощаютъ не производительнаго рабочаго времени, такъ замедляютъ грузку товаровъ, настолько

служать мукою для рабочихъ силъ, разумныхъ и животныхъ, что если бы послать лучшую изъ нихъ на любую всемирную выставку Старога Свѣта или Новаго, съ предложеніемъ конкурса: представить, изобрѣсти или отыскать болѣе тяжелую и менѣе сообразную съ цѣлью своего назначенія повозку; мы увѣрены, что одесская, да кстати даже с.-петербургская или московская, получили бы первый призъ; конкуренты въ средѣ образованныхъ народовъ здѣсь не мыслимы; и какъ-бы ни-былъ великъ конкурсный гонорарій за изобрѣтеніе достойной, по своей неуклюжести и малогодности, соперницы нашей повозкѣ, не нашлось бы охотника подобную соперницу создать даже среди гениальныхъ Белловъ, Эдисоновъ и Юзовъ съ ихъ чудесами, во образѣ телефоновъ, фонографовъ и микрофоновъ. Говоримъ это не шутя. А между тѣмъ исправить этотъ вопіющій недостатокъ въ движеніи грузовъ, облегчить рабочія силы, удешевить нагрузку, городу ничего бы не стоило. Нужно только подумать объ этомъ важномъ для него и для рабочихъ силъ дѣлѣ, но подумать съ теплымъ участіемъ къ пользѣ города, торговли и рабочаго класса,—и дѣло можетъ осуществиться; по осуществленіи же, навѣрное мы не стали-бы считать такъ, что доставка изъ города нашей пшеницы на гавань дороже обходится, чѣмъ доставка ея въ Марсель и даже въ Лондонъ. Намъ кажется, это дѣло осуществиться могло бы, если бы городъ ассигновалъ не большой капиталъ на постройку, по составленному техниками плану, двухъ или трехъ сотъ повозокъ и раздалъ бы ихъ возчикамъ, съ уплатою въ извѣстные сроки той суммы, во что онѣ обошлись городу, даже съ легкими процентами. Не лзя думать, чтобы, при явныхъ преимуществахъ новыхъ повозокъ, не нашлись на нихъ охотники, и чтобы онѣ не распространялись далѣе безъ содѣйствія со стороны городской казны. Съ повозкою, сдѣланною по всѣмъ правиламъ механики, съ приспособленіями для нагруз-

ки и выгрузки, не мыслимо соперничество той повозки, которая во всѣхъ отношеніяхъ должна назваться тяжелымъ безобразіемъ. Въ Лифляндіи, еще не очень давно поселяне, даже многіе городскіе ломовые извозчики не употребляли желѣзныхъ осей. Имѣющій полное право на вѣчную благодарную память покойный строитель Одесской желѣзной дороги, баронъ Унгернъ-Штернбергъ, сказывалъ намъ, что онъ первый устроилъ заводъ съ специальной цѣлью приготовления желѣзныхъ осей и другихъ принадлежностей для колесъ. Сначала, по словамъ покойнаго барона, дѣло распространенія этихъ осей шло очень туго; заводъ принужденъ былъ продавать ихъ себѣ въ убытокъ, даже отдавать даромъ; но когда, какъ говорится, раскусили дѣло,—оси пошли на расхватъ, и баронъ, при жизни своей, имѣлъ удовольствіе видѣть полное отсутствіе деревянныхъ осей.

Да простить мнѣ Одесса, что я въ своихъ воспоминаніяхъ каснулся нѣкоторыхъ не совсѣмъ красивыхъ сторонъ ея. Она живетъ произведеніями сельскаго хозяйства, и кто же имѣетъ право запретить пахарямъ сказать ей нѣсколько хотя бы и горькихъ словъ, во имя ихъ личныхъ выгодъ. Одесса не будетъ спорить съ нами, если мы скажемъ, что дороговизна движенія грузовъ по ея улицамъ на безобразныхъ повозкахъ отнимаетъ часть капиталовъ у сельскихъ хозяевъ. Покупчики рассчитываютъ на эту дороговизну и, конечно, платятъ производителямъ дешевле. Кажется, это безспорно. Тяжесть построенія одесскихъ мостовыхъ естественно легла не на отправителей пшеницы или кукурузы, а все на ту же многострадальную выю смиреннаго вола, на ту же согбенную спину пахаря, тонущаго съ своими волами въ грязныхъ зыбяхъ степнаго бездорожья.

Впрочемъ, признавая за непреложную ту истину, что свѣтъ просвѣщенія, образованія и улучшенія вѣшняго быта исходить въ народныя сельскія массы изъ

городовъ, мы должны по всей справедливости сказать, что Одесса, просвѣщаясь, украшаясь и улучшая свой бытъ, естественно не остается безъ добраго вліянія и на жителей внутри края. Презрѣнны тѣ ворочающіе милліонами скупцы, которые, при всемъ своемъ богатствѣ, живутъ жизнью животныхъ: отъ нихъ ближнему ни тепло и ни свѣтло. Не мало такихъ грязненькихъ, скотоподобно живущихъ милліонеровъ среди іерусалимскихъ гражданъ; но едва-ли ихъ не больше среди русскаго купечества, мѣщанства и крестьянства, — не чесаннаго, покрывающагося дырявой сермягой и не рѣдко живущаго со своимъ домашнимъ скотомъ въ одной грязной избѣ.

Да, Одесса роскошничаетъ, но роскошью своей жизни даетъ возможность заработать добрую копѣйку и рабочему классу. Обыкновенно высокостоящія здѣсь поденная и задѣльная платы могутъ служить подтвержденіемъ нашей мысли. Правда, есть въ этомъ городѣ и такіе граждане, которые, забывая тѣхъ, трудомъ которыхъ нажили себѣ состояніе, не рѣдко излишки свой отсылаютъ на пользу родственныхъ имъ земляковъ въ чужіе края; но можно ли ихъ укорять за это? Свой своему по неволѣ брать. Я также не раздѣляю нападокъ на тѣхъ нашихъ добрыхъ нѣмцевъ, которые, считаясь русскими подданными и кормясь на русской землѣ, стѣны своихъ жилищъ украшаютъ портретами германскаго императора съ его желѣзнымъ канцлеромъ или другими картинами фатерланда. Но, признаюсь, мнѣ каждый разъ хотѣлось удиичнуть за ухо того южно-русскаго татарченка (какихъ нибудь 6—7 лѣтъ), который на вопросъ: гдѣ твой падишахъ? отвѣчаетъ: Стамбуль, при чемъ и рукой махнеть по направленію къ Царьграду. Какъ видите, благодаря безчисленному множеству муллъ, великое дѣло обрусенія, и притомъ на уязвимой окраинѣ Россіи, всасывается съ молокомъ матери.

Теперь я перейду къ такому дѣлу, за которое нѣкоторые порицали Общество, а другіе говорили ему большое спасибо, именно: я буду говорить о распространеніи въ краѣ улучшенныхъ орудій и машинъ.

Послѣ того кроваваго боя на холмахъ Севастополя, гдѣ одна сторона лила свою кровь во имя христіанской любви и заслужила величаво-безсмертную страницу въ исторіи человечества; а другая билась въ угоду золотому тельцу, — русскій народъ какъ-будто пробудился для новой дѣятельности; но когда онъ призванъ былъ къ свободному труду, — сталъ думать, что пора новой дѣятельности дѣйствительно для него наступила. Эту пору естественно прежде всѣхъ почувствовали тѣ землевладѣльцы, которые пользовались крѣпостнымъ трудомъ.

Но что значить море, удобство общенія съ западомъ Европы! По видимому потребность удешевить свободный трудъ чрезъ введеніе машинъ и улучшенныхъ орудій скорѣе всего должна бы открыться внутри Россіи, въ центрахъ бывшаго крѣпостнаго труда, а не на югѣ, гдѣ при обширныхъ сельско-хозяйственныхъ производствахъ и при малолюдности мѣстнаго населенія, свободнымъ трудомъ издавна пользовались въ самыхъ широкихъ размѣрахъ; но на дѣлѣ вышло не такъ. Это заключеніе мы выводимъ изъ слѣдующаго факта. Въ то время, когда на югѣ Россіи уже десятками считались локомобили, приводящіе въ движеніе молотильныя машины и мельницы, Владимірскаго Общества сельскаго хозяйства спрашивало наше Общество: дѣйствительно ли здѣсь молотятъ хлѣбъ при помощи пара? Да, югъ Россіи положительно можетъ сказать, что онъ первый ознакомился съ усовершенствованными орудіями и машинами Англіи и Франціи, и первый ввелъ ихъ у себя, чему не мало содѣйствовало и его Общество, но главное — море.

Если я не ошибаюсь, помѣщикъ Александрійскаго

уѣзда, г. Гербель, первый вывезъ изъ-за границы локо-мобиль съ молотильной машиной. Какъ только пронеслась молва объ этомъ чудѣ, явившемся въ степяхъ Новороссійскихъ, гдѣ доселѣ раздавался не свистъ пара, а скрипъ худо мазанныхъ фуръ, графъ М. Д. Толстой предложилъ мнѣ съѣздить, посмотрѣть и описать этого новаго, никогда не бывшаго въ крѣпостной зависимости работника. Я отправился. Поѣздка эта памятна мнѣ не только тѣмъ, что я въ первый разъ увидѣлъ молотбу хлѣба помощью пара, но и другимъ обстоятельствомъ. Верстахъ въ 50 или 60 отъ Николаева пьяный ямщикъ, сбившись съ дороги, выбросилъ меня въ глухую полночь среди степи, а самого съ лошадами и слѣдъ простылъ. Страхъ быть съѣденнымъ волками обуялъ меня, и отъ него, и отъ холоду осенней ночи я дрожалъ, какъ осиновый листъ; но благо, часа чрезъ два меня отыскали и, конечно, какъ рѣдкость, искомую и днемъ съ огнемъ, — отыскали съ фонарями.

Машина г. Гербеля въ это время работала у почтеннаго, бывшаго однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ и полезныхъ членовъ нашего Общества, у И. И. Гулака. Къ нему я послѣ страшной ночи и направился. Работа при мнѣ производилась цѣлый день. Я все высмотрѣлъ и при помощи такого опытнаго хозяина, каковъ И. И. Гулакъ, составилъ всему видѣнному подробный докладъ, который былъ прочитанъ въ собраніи Общества и напечатанъ въ его Запискахъ. Смѣю сказать, что этотъ докладъ далъ довольно сильный толчекъ распространенію какъ этого, такъ и другихъ усовершенствованныхъ сельско-хозяйственныхъ орудій и машинъ. И вотъ братья Штифель открыли довольно почтенныхъ размѣровъ депо ихъ; но такъ какъ это депо въ то время было единственнымъ, и хозяева, ознакомясь съ цѣнами, назначенными въ заграничныхъ преисъ-курантахъ, находили цѣны братьевъ Штифель высо-

кими, то Общество, избравши одного изъ представителей этой фирмы покойнаго К. С. Штифеля (хорошая это была личность!) своимъ дѣйствительнымъ членомъ и комиссіонеромъ, заключило съ нимъ условіе, чтобы фирма эта брала за продаваемыя заграничныя орудія и машины не свыше 10% противъ заграничныхъ цѣнъ. Но такъ какъ Общество, заключивши это условіе, не обязывалось держаться одной фирмы; то по предложенію графа М. Д. Толстаго я написалъ отъ Совета Общества письмо къ извѣстному заводчику въ Англии Клейтону, въ которомъ предлагалось ему открыть депо орудій и машинъ въ Одессѣ подъ непосредственнымъ покровительствомъ Общества. Получая орудія и машины изъ первыхъ рукъ, мы думали удешевить ихъ для края. Клейтонъ отвѣчалъ Совету Общества, что онъ избралъ своимъ исключительнымъ (генеральнымъ) комиссіонеромъ Беллино-Фендерихъ и К^о, съ которымъ Общество и можетъ имѣть дѣло. Сколько мнѣ извѣстно, эта фирма никогда не предполагала заниматься этимъ дѣломъ, и надо же такъ случиться, что представитель фирмы, покойный и весьма почтенный г. Беллино, какъ разъ былъ у Клейтона въ то время, когда послѣдній получилъ вышеупомянутое письмо. Въ скоромъ времени прибылъ старикъ Беллино въ Одессу, но съ пустыми руками. Явившись ко мнѣ, онъ объявилъ, что положительно не имѣетъ понятія о сельско-хозяйственныхъ орудіяхъ и машинахъ и частицею о тѣхъ, которыя нужны югу Россіи. Мы рассмотрѣли съ нимъ всевозможные заграничныя преисъ-куранты, составили каталогъ тѣхъ орудій и машинъ, которыя могли бы найти примѣненіе къ южно-русскому хозяйству. Но при этомъ я положительно объявилъ почтенному представителю почтенной фирмы, что дѣло распространенія иностранныхъ орудій и машинъ не пойдетъ успѣшно, если не будетъ завода для починки, а впоследствии, въ видахъ большаго удешевленія, и выдѣлки ихъ на мѣстѣ, т. е.

въ Одессѣ, съ чѣмъ и согласился г. Беллино. Другое я сдѣлалъ ему предложеніе, съ согласія графа М. Д. Толстаго, такого рода: чтобы сбытъ выписываемыхъ имъ или на мѣстѣ изготовляемыхъ орудій и машинъ производился подъ непосредственнымъ руководствомъ и нѣкотораго рода ручательствомъ Общества сельскаго хозяйства, было бы весьма полезнымъ соорудить особое зданіе для постоянной выставки ихъ; при чемъ было указано и мѣсто для этого зданія—дворикъ при домѣ Общества. Г. Беллино согласился и на это дѣло, которое было оформлено условіемъ такого рода: фирма пользуется выстроеннымъ ею зданіемъ 8 лѣтъ, но съ обязательствомъ имѣть здѣсь постоянную выставку, даже нѣкоторыя машины въ движеніи; по прошествіи же этого времени зданіе поступаетъ въ собственность Общества. Не долго шла постройка, и выставка была открыта. Но какъ фирмѣ, по нѣкоторымъ расчетамъ не выгодно было держать орудія и машины въ этомъ зданіи, то она и уступила его Обществу задолго до окончанія восьмилѣтняго срока.—Приступлено было и къ устройству завода на первый разъ въ не большихъ размѣрахъ, и онъ, благодаря знанію и энергіи еще многимъ памятнаго покойнаго инженера Джона Кука, скоро устроился и открылъ свои дѣйствія. Освященіе его совершилось по русскому обычаю; а за роскошными столами, рядомъ съ хозяевами и гостями, сидѣли и рабочіе. Мнѣ же, какъ виновнику мысли о построеніи завода, была предоставлена честь пустить изъ вагранки первый расплавившійся чугуны.

Не много прошло времени послѣ открытія этого завода, какъ онъ началъ расти, можно сказать, не по днямъ, а по часамъ, и выросъ въ такой заводъ, съ такимъ богатымъ депо сельско-хозяйственныхъ орудій и машинъ, что не ударилъ бы себя въ грязь лицомъ, если бы поставить его и въ самой Англій. Не безъ риска почтенная фирма вложила въ это дѣло, по всей вѣро-

ятности, огромный капиталъ, и мы должны быть ей признательны по многимъ причинамъ. Во первыхъ она образуетъ мастеровыхъ: на заводѣ работаетъ ихъ отъ 500 о 800 душъ; притомъ эти мастеровые почти исключительно русскіе, которыхъ самъ покойный Кукъ всегда предпочиталъ даже своимъ землякамъ. Народъ этотъ находить здѣсь отличный заработокъ, и его честно рассчитываютъ. При мнѣ нѣкоторые формовщики, работающіе отъ штуки, выработывали до 200 руб. въ мѣсяцъ, конечно, при спѣшной работѣ, производившейся и по ночамъ. Во вторыхъ на этомъ заводѣ изготовлялись (и, вѣроятно, изготовляются) разнаго вида паровыя машины, молотилки, мельничные механизмы, водоподъемные снаряды и множество другихъ машинъ, нисколько не уступавшихъ англійскимъ, даже, по большому примѣненію къ краю и по большей прочности, превосходившихъ издѣлія этого рода, получаемыя изъ-за границы. Такъ по крайней мѣрѣ при мнѣ было, и я не рѣдко былъ свидѣтелемъ, какъ наши хозяева предпочитали локомотивы и молотилки, сдѣланные на этомъ заводѣ, даже Клейтоновскимъ. Сказывали мнѣ, что въ прошедшую войну заводъ этотъ оказалъ огромную услугу, приготовляя разнаго рода военные снаряды. Новая честь ему и русское спасибо! Конечно онъ не избѣгъ укоровъ, и особенно укоряли его за дороговизну. Но кто же откажется отъ большей прибыли? и можно ли за это укорять предпринимателя? А сельскіе хозяева не берутъ, если могутъ, по 15 р. за четверть пшеницы, или по 10 р. за пудъ грязной шерсти? Заводчика можно укорять только за худыя издѣлія и не своевременное исполненіе заказа. Не безгрѣшна была на этотъ разъ почтенная фирма; мы иной разъ, хотя и очень, очень рѣдко, обличали ее въ этихъ грѣхахъ, особливо въ не своевременномъ исполненіи заказовъ; если она продолжаетъ и теперь грѣшить этими грѣхами; то мы присоединяемся къ обличителямъ ея.

Утѣшительно сознание, что и я съ своей стороны содѣйствовалъ къ открытію этого завода и къ распространенію въ край улучшенныхъ орудій и машинъ. Но эта услуга краю не обходилась мнѣ безъ огорченій, подѣ часть очень тяжелыхъ, потому что они были не заслужены мною. Вотъ покупаютъ плугъ, и онъ, или по неумѣнію взяться за него, или по предубѣжденію рабочихъ противъ новизны, не пошелъ,—на меня сыпятся укоры; вотъ сломалась молотилка, везутъ ее на заводъ, а съ нею—и на мою голову упреки; вотъ взяли цѣну дорогую,—и опять я виноватъ. И не смотря на это, приходилось иной день по два и по три раза побывать съ хозяевами на заводѣ или въ какомъ нибудь депо. Одно мнѣ оставалось и остается утѣшеніе, что меня не ввели во искушеніе извѣстнаго рода вознагражденія за распространеніе улучшенныхъ орудій и машинъ: здѣсь я, какъ говорится, дѣйствовалъ ex amore, и мнѣ такъ вѣрили, что если иной разъ кололи глаза негодностью какого-нибудь плуга, то никто не дерзнулъ намекнуть на какіе-нибудь процентики.—Но не гдѣя не покаяться; одинъ разъ согрѣшилъ. Купивши въ какомъ-то депо для одной помѣщицы рублей на триста какихъ-то сельско-хозяйственныхъ инструментовъ, я получилъ отъ содержателя депо перочинный ножичекъ съ маленькими щипчиками. Держась своего правила, я не бралъ этого подарка; но дорогою нахожу его у себя въ карманѣ. Читайте дальше. Въ этотъ же день я прихожу на одну дачу и застаю живущую тамъ мать, совершенно растерявшеюся: маленькая дочка ея (3—4 лѣтъ), играя пуговкой, засунула ее себѣ въ носикъ, который и началъ уже краснѣть. Что дѣлать? доктора нѣтъ и нѣтъ лошадей поскорѣе послать за нимъ. Я вспомнилъ про очутившійся въ моемъ карманѣ ножичекъ, и щипчиками его, къ собственному моему изумленію, ловко вынулъ пуговку изъ глубины дѣтскаго носика; такимъ образомъ всѣ страхи и боли миновались. Нынѣшніе великіе маги

и велемудрые философы, по силѣ своихъ мозговыхъ рефлексовъ, скажутъ: случай; и мы скажемъ: да, случай, но только случившійся по мановенію Того, безъ Котораго не падаетъ и волосъ съ головы человѣческой. Такъ учить христіанская философія, признающая верховное Существо и промыслъ его, и мы знаемъ, откуда эта философія: а ваше ученіе выходитъ отъ мозговыхъ рефлексовъ, и вы сами не знаете: что это за рефлексъ, и какъ они могутъ родить мысль, хотя бы и такую убогую, какъ ваша.

Но не намъ пахарямъ, роющимъ въ землѣ, вступать въ подобныя пренія; у насъ есть свои дѣла, къ которымъ мы и возвратимся.

Съ открытіемъ завода Беллино-Фендерихъ и К^о великое дѣло распространенія улучшенныхъ орудій и машинъ можно было считать совершенно упрочившимся въ край. Но кромѣ этого завода и при немъ самаго богатаго и разнообразнаго депо, явились и другіе заводы и депо, какъ въ Одессѣ, такъ и въ нѣкоторыхъ городахъ юга Россіи, напр: въ Херсонѣ, Бердянскѣ, Ростовѣ на Дону, Елизаветградѣ и проч.; и сверхъ этого открылись небольшія мастерскія въ частныхъ имѣніяхъ. Не только въ настоящее время, но и назадъ тому 10 и болѣе лѣтъ, локомобили, конныя и паровыя молотилки, вѣялки, соломорѣзки, даже жнейки, а въ особенности сѣнокосилки, составляли необходимую принадлежность всякаго порядочнаго хозяйства. Явилось не мало и странствующихъ локомобилей съ молотилками, работавшихъ по найму. Что же касается до желѣзныхъ (Рамсона) или гогенгеймскихъ плуговъ, до желѣзныхъ или деревянныхъ усовершенствованныхъ боронъ, конныхъ граблей, экстирпаторовъ или легкихъ сложныхъ плуговъ и т. п.,—ихъ можно считать въ Новороссіи, Бессарабіи, Подоліи, Землѣ Войска Донскаго и проч. не сотнями, а тысячами; исходною же точкою для нихъ въ первое время была Одесса, гдѣ не безъ вліянія на

это великое дѣло оставалось Императорское Общество сельского хозяйства южной Россіи.

Распространеніе въ краѣ сельско-хозяйственныхъ машинъ пробудило охоту къ механическому дѣлу и въ нашихъ самородныхъ механикахъ, не исключая отсюда и хозяевъ—практиковъ. Вслѣдствіе этого въ привозимыхъ изъ-за границы орудіяхъ и машинахъ явились не маловажныя улучшения и примѣненія къ условіямъ края. Если я не ошибаюсь, помѣщикъ г. Лутковскій—первый устроилъ конныя грабли съ сидѣніемъ и съ подъемомъ дѣйствующей части ногами. Не спорю, можетъ быть, это важное улучшение въ типѣ заграничныхъ конныхъ граблей сдѣлано въ первый разъ на заводѣ, открытомъ при мнѣ въ Херсонѣ. Конныя грабли найдены нашими хозяевами такимъ важнымъ орудіемъ при мѣстныхъ обширныхъ сѣнокосахъ (они въ извѣстныхъ случаяхъ, напр: при малорослости хлѣба, не допускающей вязанія его въ снопы, употребляются съ огромною пользою и при уборкѣ хлѣба), что спросъ на нихъ былъ самый большой; но теперь едва-ли требуемое число ихъ не изготовляется на мѣстныхъ заводахъ. Въ началѣ появленія иноземныхъ орудій не мало было привезено боронъ самыхъ разнообразныхъ сортовъ, особливо сложныхъ желѣзныхъ; мѣстная практика указала на типъ болѣе соотвѣтствующій *); онъ быстро распространился въ краѣ, и бороны этого разряда стали изготовляться не только на мѣстныхъ заводахъ, но и въ кузницахъ землевладѣльцевъ. Такъ называемый желѣзный „русскій“ плугъ Рамсона сдѣланъ по указанію нашихъ хозяевъ—практиковъ, и онъ сдѣлался самымъ излюбленнымъ плугомъ не только на югѣ Россіи, но и далеко за предѣлами его. Прочность, простота, устойчивость во время

*) Въмѣстѣ съ хозяевами—практиками и я указывалъ на типъ средней величины сложныхъ желѣзныхъ боронъ; бороны эти, въ теченіи извѣстнаго времени, спрашивались на заводѣ Беллино-Фендерихъ и К^о подъ именемъ „палимисестовскихъ“.

работы—отличительныя достоинства этого орудія; но я всегда порицалъ его за ширину лемеха, на что и указалъ покойному старику Рамсону въ Ипсвичѣ, во время пробы этого плуга на его поляхъ.—Мы сами сознаемъ этотъ недостатокъ, препятствующій большому дробленію земли, отвѣчалъ мнѣ почтенный заводчикъ; но на этотъ разъ намъ не лзя не удовлетворить желанія вашихъ хозяевъ.—Прибавленіе полоза съ лѣвой стороны дышла, особливо у самыхъ тяжелыхъ плуговъ этого разряда, принадлежитъ мнѣ, на что мною было указано и въ Ипсвичѣ, и на заводѣ Беллино-Фендерихъ и К^о. Въмѣсто полоза ставятъ колесо; но это не совсѣмъ удобно. Такъ называемые гогенгеймскіе двухъ-колесные плуги, которые были выписаны по моему указанію и нашли довольно большое распространеніе въ краѣ для обработки легкихъ почвъ, также въ нѣкоторыхъ частяхъ измѣнились по указанію мѣстныхъ хозяевъ—практиковъ,—и измѣнились къ лучшему. Улучшенная топка соломой локобилей также принадлежитъ южно-русскому хозяину. Появленіе конныхъ молотилокъ съ передаточнымъ ремнемъ, вмѣсто хрупкихъ зубчатыхъ колесъ, также вызвано нашими хозяевами; по ихъ же настоянію стали изготовляться за границею и на мѣстныхъ заводахъ: вѣялки съ болѣею устойчивостью и прочностью, съ иного сорта рѣшетами; машины для очищенія зеренъ пшеницы отъ куколя, или льна отъ свирѣпы и т. д. Конечно, на этихъ указаніяхъ мѣстнаго опыта дѣло не остановится; и мы вѣримъ, что со временемъ создадутся такіе усовершенствованные типы орудій и машинъ, что съ ними совершенно примирится практика, хотя въ основѣ ихъ и будетъ лежать теорія. Отраднo то, что польза улучшенныхъ орудій и машинъ большинствомъ нашихъ землевладѣльцевъ созвана и что не малое число не только орудій въ родѣ бороны или конныхъ граблей, но и машинъ, начиная съ локобилей, молотилокъ, вѣялокъ и т. п., производится на мѣстныхъ

заводахъ и нѣкоторыя изъ нихъ едва-ли совершенно не вытѣснили привозъ иностранныхъ. Подумаешь: еще такъ не давно наши хозяева едва-ли имѣли понятіе о тачкахъ, на которыхъ перевозятся мѣшки на токахъ и въ амбарахъ; а теперь эти инструменты почти во всеобщемъ употребленіи. Да и нужно ли было думать о какихъ то тачкахъ, когда была даровая спина и притомъ долготерпѣливая.

Да, появленіе въ краѣ улучшенныхъ сельско-хозяйственныхъ механизмовъ оказало новую услугу, пробудивъ практическій умъ нашихъ хозяевъ и заставивъ ихъ подумать: что для нихъ удобнѣе и полезнѣе. Конечно, можно бы на этотъ разъ ожидать большихъ улучшеній въ привозимыхъ изъ-за границы орудіяхъ и машинахъ, примѣнительно къ условіямъ края; вслѣдствіе чего и не сложилась бы значительная часть ихъ въ сараи въ видѣ сельско-хозяйственнаго хлама; но для такихъ улучшеній, кромѣ пракческаго ума, которымъ такъ щедро надѣлены наши хозяева, нужна еще научная подкладка въ дѣлѣ механики. Но ея-то, этою-то подкладкой, мы и бѣдны; въ слѣдствіе чего иные хозяева изобрѣтаютъ такую механику, о которой безъ смѣха и вспомнить не лзя. Не знаю, откуда почерпнуть текстъ: мѣшай дѣло съ бездѣльемъ, и спасенъ будешь; но я придержусь его и расскажу слѣдующую исторію, какъ характеристику того времени, когда наши хозяева воодушевились механикой.

Приходить ко мнѣ одинъ изъ почтенныхъ землевладельцевъ,—мужъ, своею полноувѣренностью, особливо-же своею крупною, покрытою сѣдыми волосами головою, внушающій невольное къ себѣ довѣріе и уваженіе. То былъ покойный И. П. А.—Открою вамъ, говоритъ онъ, большой секретъ; только, пожалуйста, никому ни гу-гу; я непременно возьму привилегію и посрамлю дураковъ заграничныхъ механиковъ, даже самыхъ нѣмцевъ, хотъ они, какъ говорятъ, и выдумали обезьяну. Я слушаю.

Видите-ли, я изобрѣлъ (только прошу васъ не разгласите другимъ и сами не воспользуйтесь моимъ изобрѣтеніемъ; впрочемъ, я вѣрю вашей честности: при чемъ онъ подалъ мнѣ руку, которая и была знаменательно пожата мною),—я изобрѣлъ топчакъ, который почти самъ ходитъ. Вы не подумайте, что это какое нибудь глупое перпотуумъ-мобиле; нѣтъ: для моего топчака потребуется всего одна какая нибудь кляченка, а не 6—8 здоровыхъ лошадей. Весь секретъ въ томъ, что на ходовое колесо я ставлю на ребро, на оси, два большихъ жернова, которые, вертясь, движутъ его (колесо) вмѣсто лошадиныхъ ногъ.—Но вѣдь нужно, возразилъ я, чтобы кто нибудъ заставилъ вертѣться эти жернова.—Для этого, отвѣтилъ мнѣ почтенный изобрѣтатель, нужно поставить на колесо предъ жерновами одну какую-нибудь кляченку: она только заведетъ музыку, а плясать-то на топчакѣ будутъ мои жернова, конечно, самыхъ большихъ размѣровъ. Я сдѣлалъ, батенька, и модель моего топчака: чудо да и только! глазамъ своимъ не вѣрилъ.—Но кто-же у васъ въ этой модели замѣнилъ лошадь? спросилъ я.—Не смѣйтесь: я запретъ пару крысъ. Треклятыя! сначала сильно покусали мнѣ руки, какъ и моему Трофиму досталось; но послѣ обошлись. Пожалуйста, прошу васъ, не открывайте никому моего изобрѣтенія. Я непременно возьму привилегію, но не въ Россіи, гдѣ русскимъ изобрѣтеніямъ не даютъ ходу; я съ своей моделью прямо отправлюсь въ Лондонъ или въ Ипсвичъ къ самому Рамсону.—Я далъ слово, которое теперь можно и не держать: прошло болѣе двухъ десятилѣтнихъ давностей; да и почтенный изобрѣтатель не нуждается въ сохраненіи ввѣренной мнѣ тайны, онъ теперь созерцаетъ другія тайны міра, которыя и мы съ вами, читатель, будемъ созерцать.....

И сколько подобныхъ проэктовъ приходилось выслушивать! Не знаю, сохранились ли въ музеумѣ Общества двѣ модели, представленныя однимъ самородкомъ-

механикомъ на устройство плуга, который приводился бы въ движеніе посредствомъ гирь, какъ стѣнные часы. По мнѣнію изобрѣтателя, при этихъ гиряхъ, для обработки земли не нужны ни парь, ни лошади, ни волю; стоитъ только завести машину, и она начнетъ дѣлать свое дѣло. Грустно, что на эти машины потрачены и деньги, и время, и все отъ того, что механикъ не имѣлъ даже простой научной подкладки.

Не такимъ представляется то наше доморощенное южно-русское орудіе, которое строено на прочныхъ основахъ науки и о которомъ, какъ въ Англии, такъ и во Франціи, отозвались съ должнымъ уваженіемъ. Я разумѣю такъ называемый универсальный культиваторъ почтеннаго В. Г. Христофорова. По видимому, это орудіе забыто, какъ и многое полезное забывается у насъ, въ Россіи; но мы думаемъ, придетъ время, когда вспомнятъ о немъ и оцѣнятъ его высокія достоинства. На мой взглядъ: орудія болѣе совершеннаго по выполненію работы и болѣе легкаго для человѣка, обрѣченнаго въ потѣ лица ѣсть хлѣбъ, не изобрѣтала сельско-хозяйственная механика. Съ своей стороны Общество с. хозяйства южной Россіи сдѣлало все, чтобы этому орудію, возвратившемуся изъ-за границы съ вѣнкомъ изъ миртовъ, дать ходъ въ краѣ. Главное препятствіе къ распространенію его—дороговизна, которой мы страшимся, щедро иногда бросая деньги на бездѣлицы, въ родѣ, напр.: роскошной мебели, совершенно не гармонирующей съ простотою сельской жизни. Мы вообще любимъ крайности: въ комнатахъ чуть не саженыя зеркала, бронза, золотистыя обои, на мебели шелкъ; а выйдешь на крыльцо и боишься ступить съ него: того и гляди по колѣна погрузишься въ зловонную грязь. Или: фуры для перевозки сельскихъ тяжестей самаго неуклюжаго образа, и рядомъ съ ними самый щегольской кабріолетъ или фаэтонъ. Впрочемъ, такъ какъ нравоописаніе, хотя и не бесполезное въ видахъ улучшенія сельской промыш-

ленности, не должно имѣть мѣста въ моихъ воспоминаніяхъ, то я болѣе не буду распространяться на эту тему, ограничиваясь одной замѣткой слѣдующаго содержанія. Если я не ошибаюсь, покойный основатель рациональнаго сельскаго хозяйства Теэръ сказалъ: „если я подъѣзжаю къ какой-нибудь усадьбѣ и вижу господскій домъ съ колоннами; то прямо заключаю, что здѣсь живетъ плохой с. хозяинъ; но если я увижу въ другомъ имѣніи только одни улучшенныя орудія, то для меня достаточно, чтобы судить о высокихъ достоинствахъ хозяина и его производства.“—Я не буквально цитирую эти слова; но смыслъ высказаннаго мнѣнія безсмертнымъ Теэромъ одинаковъ съ высказаннымъ мною.

Смотря на живые элементы края, хотя-бы и создающіе топчаки съ крысами или плуги съ гирями, мы должны признать, что элементы есть и дѣло стоитъ только за ученою подкладкою. Эту подкладку мы въ особенности ожидаемъ отъ нашихъ реальныхъ учебныхъ заведеній. Я самъ завзятый поклонникъ классицизма, но глубоко уважаю и реализмъ. Можно ли утверждать, что только тѣ и красавицы, у которыхъ черныя брови и черные, огнемъ горящіе глаза, а съ русыми бровями и съ томно-нѣжно-голубыми глазами должны быть отчислены въ разрядъ дурнушекъ? Вы скажете, примѣръ этотъ касается сферы изящнаго и сюда не подходитъ. Извините. Если-бы здѣсь у мѣста было, я доказалъ бы, что сфера изящнаго не только соприкасается съ сферою умственной работы, даже чернаго труда; но и входитъ въ эти сферы. Однако, спрошу васъ: чего вы хотите достигнуть чрезъ классицизмъ? возвысить идеальность, представить высшіе идеалы человѣческой породы и пробудить стремленіе къ нимъ: не такъ-ли? Но я спрошу: что такое идеалы? Это прекрасное, къ чему должна стремиться облагороженная просвѣщеніемъ душа; это своего рода боги, живущіе въ сферѣ или области изящнаго. Увѣрять, что противъ такого, признайтесь, не

неглубокаго умозаключенія никто и ничего возразить не можетъ. Если-бы идеальнѣйшій міръ самъ по себѣ не былъ прекрасенъ; то мы давно бы забыли даже о существованіи его, а плѣняющіе нашъ умъ, наше сердце, идеалы непремѣнно подверглись бы той же не завидной участи, какой подвергаютъ наши пахари сорную траву: они безъ милосердія вырываютъ ее, да на межу. — Но мы и забываемъ эти идеалы, говорятъ реалисты, — забываемъ какъ оныхъ мечтательныхъ красавицъ. Извините, гг. реалисты, вы здѣсь говорите двѣ неправды: во первыхъ, относительно прекраснаго пола вы уже слишкомъ держитесь реальной почвы *); а во вторыхъ вы и въ реальности ищите идеальности, или что почти одно и то же — изящнаго, но только эта идеальность, это изящное относится къ брѣнной оболочкѣ человѣческаго существа, а не къ духу безсмертному и нетлѣнному. А такъ какъ человѣкъ состоитъ изъ духа и плоти, и связь между ними самая тѣсная; то я рѣшительно недоумѣваю: почему-бы не помириться классицизму, преслѣдующему идеальную сторону духа, съ реализмомъ, думающимъ объ идеальности или о прекрасномъ брѣнной оболочке тѣла; и почему-бы на скамьяхъ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній не сидѣть рядомъ, плечо къ плечу, классикамъ съ реалистами? Геніальный Фародей даже въ то время, когда былъ чернорабочимъ, не обезчестилъ-бы созерцателей идеальнаго міра, если бы сѣлъ съ ними рядомъ. Просторъ всюду у насъ самый большой. Думаемъ, что и добрая лопата нашлась бы, которая отвѣяла бы не подготовленныхъ, т. е. не вызрѣвшихъ реалистовъ отъ полновѣсныхъ зеренъ, налившихся и вызрѣвшихъ на почвѣ классицизма. Въ такомъ случаѣ, скажутъ, за чѣмъ же этой половой и наполнять классическое гумно? — За чѣмъ-же? — А вы по-

*) Благодаря реализму или матеріализму нынѣ 14—16 лѣтніе школьники не прочь коснуться запрещеннаго плода.

ручитесь, что въ этой половѣ не отыщутся и полновѣсные зерна въ образѣ какого-нибудь Фародея? Если бы у насъ существовали такъ называемые правительственные экзамены, — экзамены на должности, какъ это введено въ германскихъ или австрійскихъ университетахъ; то здѣсь отыскалась бы такая грозная лопата, предъ которой не захотѣлъ-бы переступить университетскаго порога не только не дозрѣвшій реалистъ, но и тотъ классикъ, у котораго даже очи помутились отъ идеальнаго міросозерцанія. Такъ какъ бываютъ и такіе классики, то едва-ли можно утверждать, что между реалистами, пожалуй и не дозрѣвшими, не найдется Фародей, Фультоны и подобная имъ братія. Кто разрѣшилъ мировую задачу тяготѣнія не только земныхъ, но и небесныхъ тѣлъ? Не реализмъ-ли въ видѣ упавшаго къ ногамъ великаго Ньютона яблока?

Идеальною стороною русскій народъ богатъ, едвали не неизмѣримо богаче грековъ и римлянъ: доказательство — обильнѣйшіе потоки крови, пролитые за идею; но реальная сторона у него хромаетъ, — и вотъ нашъ мужичекъ едва ли не болѣе тысячи лѣтъ пашетъ землю неуклюжею сохою; а для нашей интеллигенціи даже зубочистки вывозятся изъ за границы, — зубочистки въ видѣ заостренныхъ спичекъ. Не разойтись ли намъ на этотъ разъ съ нѣмцами, которые не допускаютъ своихъ реалистовъ въ тѣ высшія учебныя заведенія, гдѣ притомъ значительная доля наукъ имѣетъ подъ собою чисто реальную почву? Хотя аргументъ въ родѣ получаемыхъ изъ за границы зубочистокъ и очень маловѣсенъ; но онъ до очевидности показываетъ, какъ слабо, какъ мало развита у насъ матеріальная индустрія. И мы полагаемъ, что она разовьется на Руси только подъ однимъ условіемъ: если и воспитанные на реализмѣ найдутъ себѣ мѣсто безъ исключенія во всѣхъ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ. Тамъ онъ можетъ и облагородиться, и получить новую силу. Помнить надобно, что мы еще не оту-

чились съ презрѣніемъ смотрѣть на чернѣйшій трудъ *). Въ силу такого воззрѣнія и наука с. хозяйства еле еле держится или терпима въ нашихъ университетахъ. (Здѣсь мы расходимся съ нѣмцами). Въ самомъ дѣлѣ стоитъ ли пускать **) науку чернорабочихъ въ святилище идеальнаго міра? Да; но эта черная наука такова, что безъ продуктовъ ея съежился бы въ три погибели и безсмертный духъ человѣка, какъ онъ въ настоящее время ежится въ тощихъ тѣлахъ громаднѣйшей голодающей массы народа въ стѣнахъ разжирѣвшаго Лондона, — разжирѣвшаго, конечно, вслѣдствіе обильнаго питанія кровью индѣйцевъ, болгаръ, сербовъ, босняковъ, герцеговинцевъ и т. д.; но и драгоцѣнная русская кровь едва ли не лилась въ ту же ненасытную утробу. Но помни, дщи Вавилоня окаянная: придетъ и для тебя великій постъ, да притомъ, можетъ быть, русскій постъ, съ русскою рѣдкою, съ русскою капустою, да съ квасомъ—сыровцомъ.

Знаю, что мой взглядъ на реализмъ не понравится созерцателямъ классическаго міра. Но защищая реализмъ, я все-таки скажу, что для развитія духовныхъ молодыхъ силъ классицизмъ несравненно пригоднѣе реализма. Опытъ — великое дѣло, а онъ въ пользу классицизма. Съ другой стороны не лѣзя общипывать крылья и у воспитавшихся на почвѣ реализма. Здѣсь выдутъ крайности, предъ которыми, какъ извѣстно, золотая середина всегда занимаетъ первое мѣсто.

*) Этому между прочимъ могло бы послужить доказательствомъ и то, что у насъ и бездарности, и безграмотность, нарываютъ занять мѣста или судебныхъ слѣдователей, или прокуроровъ, тогда какъ прямая имъ дорога въ кузницы и т. п. мастерскія чернаго труда.

**) По силѣ не въ мѣру щедро дарованныхъ намъ правъ, ученые мужи настояли, чтобы наука с. хозяйства въ Новорос. университетѣ считалась не обязательною и экзаменовъ дѣлать изъ нея не слѣдуетъ. Это значитъ: вы, гг. студенты, можете и не слушать этой науки; а вы, гг. профессора, не читать ее; но казеннаго жалованія за свое нечтеніе не лишаетесь.

Мы теперь все въ одинъ голосъ кричимъ: свѣту побольше! свѣту побольше! Я благоговѣнно склоняюсь и предъ свѣтомъ образованія, и предъ тѣми, которые такъ щедро распространяютъ его. Сколько въ послѣдніе годы зажглось просвѣтительныхъ огней въ широкомъ русскомъ царствѣ! Они засвѣтились и тамъ, гдѣ была одна непроглядная мгла. Но смотря на не кончающую своего образованія массу молодежи обоого пола, и особливо на дочекъ башмачницъ и кухарокъ, обучающихся (т. е. дочекъ) въ нашихъ гимназіяхъ и носящихъ башмаки на высочайшихъ подпятникахъ, я невольно задаю вопросъ: выйдутъ ли изъ этой массы люди производительнаго труда? Не кричатъ ли намъ: грамотности народной побольше, да побольше кузницъ и другихъ мастерскихъ! Не теплѣе ли и не свѣтлѣе ли будетъ тогда русскому народу? Эти вопросы — вопросы нашего земства.

IV.

Вижу туманное пятно въ ореолѣ, окружающемъ почтенный ликъ Общества с. хозяйства южной Россіи въ день его полустолѣтняго юбилея. — Раскрываю по видимому не всѣмъ извѣстную истину, что для цвѣтковъ необходимы корни. — За симъ идутъ размышленія, имѣющія важное значеніе для всего русскаго народа. — Припоминаю до-стопочтеннаго Дж. — Росселя и презрѣннаго собирателя человѣческихъ череповъ. — Какъ грамотный человѣкъ, нашель умѣстнымъ ка-снуться и грамотности.

Я былъ всегда, какъ говорится, человѣгомъ увлекающимся. Увлёкся и теперь. Гдѣ остались мои воспомина-нія о дорогомъ для меня Обществѣ сельскаго хозяй-ства южной Россіи? Да, оно дорого для меня, — дорого не потому, что я трудился въ немъ, что въ числѣ чле-новъ его были искренно любившіе меня и сочувство-вавшіе трудамъ моимъ, что въ домѣ Общества я пере-несъ тяжелое семейное горе, которое потомъ смѣнилось новымъ семейнымъ счастьемъ; нѣтъ, скажу по чистой совѣсти, не по этимъ причинамъ дорого мнѣ Общество, а потому, что оно дѣйствительно трудилось на пользу края, и, чтобы ни говорили, труды его не остались безплодными. Не бесполезными были и останутся соб-ранныя имъ данныя, относящіяся до почвы, климата и вообще мѣстныхъ условій юга Россіи. Не безслѣдными остались его указанія на приуроченіе къ краю извѣст-ныхъ растений, особливо изъ древесныхъ и кустарни-ковыхъ породъ. Читали не безъ пользы и изданныя имъ руководства. Кто напр. не помнитъ, какъ высоко, на первыхъ порахъ, цѣнилось руководство по тонко-рунному овцеводству, составленное однимъ изъ дѣятель-

нѣйшихъ членовъ общества покойнымъ Демолемъ? Чи-тали и руководство по шелководству покойнаго Рай-ко, хотя усилія этого ревнителя по распространенію шелководства и были поглощены и поглощаются жаж-дою къ пшеничнымъ посѣвамъ. Еще въ началѣ 50 го-довъ чуть ли не поголовно всѣ наши хозяева отвер-гали возможность льсоразведенія въ краѣ; но Обще-ство, опираясь на мѣстные же опыты, думаю, успѣ-ло доказать противное. Содѣйствіе Общества къ рас-пространенію въ краѣ улучшенныхъ орудій и ма-шинъ едва ли подлежитъ сомнѣнію. Нѣтъ, еще разъ повторю, дѣятельность Общества была плодотворна для края.

Но не возгордись, Общество с. хозяйства южной Рос-сіи, моею хвалебною пѣсню! Я сдѣлаю тебѣ нѣсколько такихъ намековъ, что ты сразу спустишься съ высоты твоего величія долу и не посмѣешь такъ горделиво смот-рѣть во имя своей пятидесятилѣтней плодотворной дѣя-тельности. Что же касается лично меня, отдавшаго тебѣ лучшіе 17 лѣтъ жизни, я совершенно смиряюсь предъ тѣмъ приговоромъ, который услышитъ отъ меня почтенное Общество. Не сомнѣваюсь, что съ тою же покорностію преклонять свои убѣленные почтенными сѣдинами головы и бывшіе президенты, и вице-прези-денты Общества, включая сюда и бѣлѣйшую главу К. М. Базили, котораго, къ слову скажу, я искренно ува-жалъ и уважаю за его глубокой, свѣтлый, христіанскій умъ, но не за сельско-хозяйственные знанія, во имя которыхъ мы не рѣдко вступали въ крупныя пренія. Однажды въ собраніи Общества мы до такой степени спорили, что я, признавая правду на моей сторонѣ, даже позволилъ себѣ ударить кулакомъ о столъ... О срамъ, о стыдъ моимъ сѣдинамъ! и да проститъ меня бывший почтенный вице-президентъ Общества, дѣлами котораго онъ съ такою же любовію и ревностію зани-мался, какъ и я, но только кулакомъ не билъ стола,

чего, конечно, не лзя не отнести къ его болѣе просвѣщенному міросозерцаію. — Это слово я употребилъ здѣсь единственно, чтобы не отстать отъ современныхъ писателей, которые употребляютъ его при всякомъ маломальски подходящемъ случаѣ, и кстати, и, что чаще всего, не кстати, какъ и я употребилъ его.

Какой же укоръ можно сдѣлать почтенному Обществу с. хозяйства южной Россіи? Что это за пятно, которое можетъ набросить мрачную тѣнь на свѣтлый ореолъ, окружающій его въ день 50-лѣтняго юбилея?

Общество! доселѣ ты занималось цвѣтками, но не касалось корней; цвѣтки же могутъ оказаться и пустоцвѣтами, если не будутъ здоровы корни, если не дать имъ тучной почвы. Цвѣтки—это высшіе, болѣе или мене богатые слои земледѣльцевъ; а корни это земледѣльская народная масса, которая и составляетъ всю суть дѣла въ сельско-хозяйственной промышленности даннаго государства или извѣстной области. Мы спросимъ (какъ бывший секретарь я дрожу всѣмъ тѣломъ врьдъ этимъ вопросомъ) тебя: что ты, посвящая свою дѣятельность цвѣткамъ, сдѣлало въ 50 лѣтъ для корней, для народной массы пахарей? Ты съ благородною гордостію указываешь на составленные и изданныя тобою руководства по различнымъ, чуть ли не по всѣмъ отраслямъ сельскаго хозяйства; указываешь на десятки томовъ твоихъ Записокъ; но пользуется ли ими народная масса? Ты способствовало устройству заводовъ для выдѣлки сельско-хозяйственныхъ орудій и машинъ, открытію депо ихъ и вообще старалось, чрезъ усовершенствованные механизмы, удешевить и облегчить трудъ; но чей?—Не народной массы. Ты открываешь выставки разныхъ сельско-хозяйственныхъ предметовъ; но ты само сознаешься, что массѣ народной, за ничтожными исключениями, отъ этихъ выставокъ не свѣтле и не тепло. Ты такъ сочувственно отнеслось къ появленію Земскаго банка Херсонской губерніи, что, для упроченія вѣры

въ закладные листы его, на послѣдніе свои деньги прибрѣло нѣсколько этихъ листовъ; но что сдѣлало ты для распространенія кредита среди мелкихъ пахарей, нещадно обираемыхъ жадными ростовщиками? Ты старалось о разведеніи лѣсовъ и садовъ, и многіе землевладѣльцы воспользовались твоими указаніями; но сколько деревьевъ при твоёмъ содѣйствіи посадили поселане? Они истребили даже посаженные *). Ты указывало на лучшія племянныя животныя, и не мало крупныхъ землевладѣльцевъ обзавелось ими; но улучшилось ли скотоводство поселанъ? Ухудшилось—да. И вотъ мы видимъ, быть народной сельской массы, его единственная промышленность, остаются такими же, какъ и во времена отдаленныя: тѣ же нездоровыя и нечистыя жилища; тѣ же допотопныя орудія земледѣлія; тотъ же малосильный скотъ, даже при худшихъ пастбищахъ, ухудшившійся; та же безобразно тяжелая упряжная система; тѣ же опустошенія отъ чумы и конокрадства; тѣ же, разоряющіе въ конецъ нашихъ поселанъ, страшные пожары; та же дурная обработка земли; то же отсутствіе побочныхъ отраслей с. хозяйства, каковы: садоводство, шелководство и тому подобное; то же общинное землевладѣніе, убивающее всѣ силы нашего сельскаго населенія, давящее какъ неотвязный кошмаръ его умъ, его предпріимчивость, его производительность. — Повторимъ, въ народной сельской массѣ — корень с. хозяйственной промышленности — этой основы нашего могущества и нашего богатства; но если этотъ корень будетъ гнить, или, по недостатку питанія, плохо развиваться; то не поднимется эта промышленность на желаемую высоту, и мы все будемъ считать въ общей сложности наши урожаи самъ-четверть, тогда какъ въ западно-европейскихъ государствахъ ихъ

*) Я здѣсь, между прочимъ, разумѣю посаженные лѣски въ бывшихъ военныхъ поселеніяхъ.

считаютъ самъ-восемь, самъ-десять и даже самъ-двѣ-надцать.

Конечно, если трудно было на первыхъ порахъ бороться съ рутинною, предубѣжденіями и холодною болѣе или менѣе образованныхъ земледѣльцевъ; то тѣмъ болѣе голосъ улучшеній въ области сельскаго хозяйства среди народной массы могъ оставаться гласомъ вопіющимъ въ пустынь; а потому, можетъ быть, и очень естественно было Обществу с. хозяйства прежде обратить свое вниманіе на цвѣтки, а не на корни. Но я думаю, что не лзя же было совершенно оставить въ сторонѣ и поселянское с. хозяйство; надобно было какъ нибудь проникнуть въ эту темную среду съ лучами свѣта и добра. И неужели слѣдуетъ и на будущее время оставлять народъ и его главную промышленность саморазвитію, подъ водительство мѣроѣдовъ старшинъ и пьяницъ волостныхъ писарей? Высказанныя нами слова укора могутъ быть отнесены и къ другимъ русскимъ Обществамъ с. хозяйства, даже къ старѣйшему изъ нихъ, Вольному Экономическому, которое каснулось народной массы едва ли не однимъ оспопрививаніемъ, за которое, конечно, народъ долженъ быть глубоко признателенъ ему.

Мы готовы ослабить наши укоризны Обществамъ с. хозяйства Россіи и не выставлять имъ въ примѣръ заграничныя подобныя общества, въ составъ которыхъ входятъ и поселяне, и трудами которыхъ пользуется народная сельская масса. Въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть и правы наши Общества, что каснулись цвѣтковъ, а не корней, когда мы видимъ, что и самые цвѣтки не рѣдко отклоняютъ свои головки отъ свѣта науки, отъ рациональнаго труда. Мы здѣсь разумѣемъ холодность къ трудамъ русско-хозяйственныхъ Обществъ самихъ членовъ ихъ, именующихъ себя, „дѣйствительными“, и еще большую холодность тѣхъ землевладѣльцевъ, которые стоятъ въ сторонѣ отъ этихъ Обществъ, не рѣдко

презрительно улыбаясь даже надъ самыми благоразумными порывами ревнителей усовершенствованій въ области с. хозяйства. Но мы все-таки скажемъ: оставляя съ благодарностью прошедшую дѣятельность нашихъ с. хозяйственныхъ Обществъ, желали бы, чтобы они выступили на новый путь дѣятельности, распространили бы свое плодотворное вліяніе на улучшение быта и сельской промышленности среди поселянскаго народа.

Но какъ это великое дѣло сдѣлать? Мы не беремся рѣшать подобнаго вопроса; но вѣримъ въ одно, что при врожденномъ русскому народу здоровомъ смыслѣ, при энергіи передовыхъ болѣе или менѣе просвѣщенныхъ дѣятелей; при самоуправленіи, данномъ нашимъ земствамъ; наконецъ, при той помощи, которую всегда готово оказать наше правительство нуждамъ народа, особливо такой первостепенной нуждѣ, какъ улучшеніе главной его промышленности, — дѣло это можетъ устроиться. Здѣсь, по нашему мнѣнію, прежде всего нужно рѣшить слѣдующіе вопросы: 1) Убѣждены ли мы, что корень основной промышленности нашего государства—въ поселянской народной массѣ?—Отвѣтъ не можетъ быть отрицательный. 2) Тѣсно ли связаны улучшения и доходность с. хозяйственной промышленности болѣе или менѣе крупныхъ земледѣльцевъ съ улучшеніемъ быта и с. хозяйства народной массы?—Непремѣнно; одно съ другимъ связано самыми естественными узами. 3) Могутъ ли улучшаться бытъ и хозяйство народной массы безъ посторонней помощи, безъ водительства болѣе или менѣе просвѣщенныхъ дѣятелей въ области с. хозяйства?—Если на этотъ вопросъ не лзя дать прямо отрицательнаго отвѣта, то во всякомъ случаѣ мы должны признать, что эти улучшения пойдутъ слишкомъ медленно. Доказательствомъ этого можетъ служить то, что громадное большинство нашего сельскаго народа живетъ въ тѣхъ же избахъ, пашетъ тою же сохою или плугомъ, ѣздитъ на тѣхъ же телѣгахъ или фурахъ, дер-

жить тотъ же мало-производительный скотъ, что и во времена Гостомысла. (Почтенный Гельмерсенъ возводитъ подобный бытъ ко временамъ Рюрика; но мы вѣримъ, что онъ былъ таковымъ гораздо раньше). 4) Желательно ли, чтобы нашъ народъ оставался въ подобномъ застоѣ или двигался по пути улучшеній черепашимъ ходомъ, между тѣмъ какъ почти въ немъ, въ развитіи его производительныхъ силъ, — вся сила, все богатство государства? „Бѣденъ народъ, бѣдно и государство“. — На этотъ вопросъ никто не отвѣтитъ — да.

Кого же вызвать въ руководители народа по пути улучшенія его быта и его сельской промышленности? Много могутъ здѣсь сдѣлать земства; но у нихъ и другихъ дѣлъ не мало; по нашему мнѣнію, для такого неизмѣримо важнаго дѣла должны быть созданы новые органы, именно: сельско-хозяйственные общества, и во главѣ ихъ должно стоять то же благородное сословіе, которое такъ вѣрно и такъ искренно служило государству, когда только оно обращалось къ его силамъ, и которое всегда болѣло о нуждахъ русскаго народа; за то и онъ чтить его даже при суровомъ правѣ крѣпостнаго труда.

Были тираны крестьянъ, но многихъ и очень многихъ изъ помѣщиковъ поселяне считали „отцами родными“. Да не подумаютъ, что я пою хвалебную пѣснь крѣпостному труду; такого тяжкаго грѣха я не возьму на свою душу; но, не боясь укоровъ, скажу слѣдующее: чтобы ни говорили, но едва ли подлежитъ сомнѣнію, что между нашимъ передовымъ сословіемъ, между нашимъ кореннымъ дворянствомъ и народомъ русскимъ не только есть исторически упрочившаяся тѣсная связь, но и искренняя любовь.

Пусть на этотъ разъ прильпнетъ языкъ къ гортани у нашихъ извѣстнаго пошиба радѣтелей народа. Они не знаютъ его; а потому онъ и гонитъ этихъ благодѣтелей дубьемъ, или вяжетъ имъ назадъ руки. Настоящіе эк-

сплуататоры народа, какъ было прежде и какъ теперь, послѣ уничтоженія крѣпостной зависимости, еще явственнѣе обнаруживаются, это — личности, вышедшія изъ среды самаго народа, которыхъ и величаетъ народная молва міроѣдами, живодерами и кулаками. Правда, были грѣхи, притомъ не рѣдко тяжкіе, за бывшими владѣльцами душъ человѣческихъ *); но эти грѣхи прикрывались историческимъ правомъ, даже — самыми законами; съ чѣмъ, въ силу законности, мирился и народъ. За то, какъ честно, какъ охотно и сознательно эти грѣхи искуплены во время крестьянской реформы. Мы такого мнѣнія: если злоупотребленіе силами темнаго народа освящается закономъ; то на это явленіе приходится смотреть съ болѣзнію сердца; такъ смотреть и страдалецъ — народъ; но если злоупотребляютъ этими силами, пользуясь единственно темнотою и бѣдностію ихъ; то подобное явленіе можетъ вызвать одно проклятiе. Не безъ глубокаго отвращенія я вспоминаю одинъ случай. Присутствую я при молотбѣ хлѣба помощью пара у одного хозяина, и онъ, похвалившись, что вымолачиваетъ болѣе 200 копъ въ день, и указавши на рабочаго, подававшего хлѣбъ подъ барабанъ, сказалъ: это уже третій кандидатъ на тотъ свѣтъ! — Это что значить? спросилъ я. — У него тоже чахотка отъ барабанной пыли; но вѣдь на то его добрая воля: я, кромѣ поденной платы, даю ему отъ каждой обмолоченной копы; вотъ онъ и надрываетъ свои легкія. — Я съ отвращеніемъ посмотрѣлъ на этого безчеловѣчнаго хозяина — тирана, и теперь не могу помириться съ нимъ, хотя онъ и на томъ свѣтъ. Былъ же онъ не то купеческой, не то мѣщанской крови.

Рѣшивши такъ вышепредложенные вопросы, мы при-

*) Впрочемъ тяжесть этихъ грѣховъ, за, сравнительно, не многими исключеніями, болѣе надаетъ на старость, прикащиковъ или тѣхъ проходимцевъ — управляющихъ, которые русскаго человѣка не иначе называли (и называютъ), какъ собакой. Многие помѣщики, неся службу государеву, и не вѣдали о тираніи крестьянъ въ ихъ имѣніяхъ.

ходимъ къ убѣжденію, что необходимо поднять бытъ и промышленность народа, и что это могутъ сдѣлать только передовые слои народа, но не его саморазвитіе, не его благодѣтели извѣстнаго пошиба, и не его старшины и волостные писаря.

Но не рѣшить ли этой, по истинѣ государственной задачи,—задачи объ улучшеніи быта народа и развитіи его производительныхъ силъ, образованіе, грамотность? Что и говорить: ученье—свѣтъ, а неученье—тьма. Но мы, припоминая развитіе народовъ и тѣ столь убѣдительные примѣры, которые видимъ среди нашего же народа, не можемъ не согласиться съ извѣстнымъ глубокимъ мыслителемъ—Боклемъ, который приблизительно такъ говоритъ на счетъ этого предмета: до тѣхъ поръ, пока народъ работаетъ для насущнаго куска хлѣба, у него нѣтъ ни времени, ни охоты посвящать себя умственному труду, т. е. образованію и облагороженію своей души.—Да, улучшеніе внѣшняго быта даннаго народа должно предшествовать образованію духовной стороны его.

Хотя мы и не беремся рѣшать вопроса: какимъ образомъ можно поднять бытъ и сельское хозяйство нашего народа, и какое участіе въ этомъ первостепенной важности дѣлѣ могли бы принять сельско-хозяйственныя общества и во главѣ ихъ наше передовое сословіе? но мы сдѣлаемъ нѣсколько намековъ, которые едва ли здѣсь будутъ неумѣстны. Прежде всего надобно умножить самое число сельско-хозяйственныхъ обществъ. Могушественное вліяніе этихъ обществъ признано на Западѣ Европы, и тамъ считаютъ ихъ не сотнями, а тысячами (есть даже общества улучшенія куръ, голубей и т. п., надъ чѣмъ мы, пожалуй, при своей наивности и посмѣемся, какъ многие смѣялись надъ моею мыслию открыть въ Одессѣ Общество состраданія къ животнымъ), а наше отечество едва ли можетъ считать ихъ десятками: между тѣмъ оно болѣе, чѣмъ образованныя госу-

дарства Западной Европы, нуждается въ помощи подобныхъ свободныхъ отъ всякой формальности учреждений. Конечно, могущественное вліяніе обществъ с. хозяйства у насъ можетъ осуществиться только при денежныхъ средствахъ; но едва ли наше правительство откажется отъ пожертвованій на такое дѣло, какъ поднятіе быта народа и его основной промышленности, отъ улучшенія которыхъ зависятъ и сила, и могущество, и богатство государства. На такое великое дѣло если ежегодно будутъ отпускатся и миліонъ, и два, и три,—этого будетъ не много для обширѣйшей имперіи въ свѣтѣ и притомъ для такой промышленности, которая даже для заводско-торговой Англій служитъ основаніемъ въ богатства. Если правительство изъяснитъ готовность на такую сравнительно съ государственными доходами незначительную сумму, то общества с. хозяйства не замедлятъ умножиться и примутся за рѣшеніе своихъ задачъ, къ чему непременно должны быть призваны поселяне, съ ихъ практическимъ умомъ и богатымъ здравымъ смысломъ. Надобно только, чтобы подобныя общества не задавались какими нибудь отвлеченными вопросами или вопросами напр. объ открытіи агрономическихъ станцій, а спустились бы изъ области научныхъ вопросовъ долу, въ чисто поселянскій бытъ, въ ту избу, которая то вѣчно горитъ, то сыра и холодна, то облѣплена тараканами,—къ той печкѣ, которая нагрѣваетъ твердъ небесную, а не жилище поселянина, къ той сохѣ, которая ковыряетъ землю, но не обрабатываетъ ее и т. д.

По нашему мнѣнію, на первый разъ можно бы заняться слѣдующими важными задачами. 1) Разработать вопросъ, сообразно даннымъ мѣстностямъ или краямъ, о болѣе правильномъ и равномерномъ распредѣленіи народонаселенія, или иначе, о надѣлѣ тѣхъ поселянъ землею, которые имѣютъ ее мало. Естественно, здѣсь дѣло каснется тѣхъ обширныхъ и плодородныхъ земель,

которыми владѣть или казна, или магометанское духовенство (вакуфы), на югѣ и юговостокѣ Европейской Россіи, включая сюда и Кавказъ со вновь приобрѣтенною территоріею. Эти земли куплены драгоцѣнною кровію народа. Сверхъ этого, на рубежѣ означенныхъ окраинъ нашего отечества надежнѣе имѣть чисто-русскія поселенія, чѣмъ иноплеменническія. Тяжело смотрѣть на тысячи русскихъ рабочихъ, проходящихъ сотни верстъ на заработки въ этихъ окраинахъ, гдѣ такой просторъ и куда гонять ихъ изъ глубины Россіи и скудость земельныхъ угодій, и желаніе заработать копѣйку на подушную подать,—заработать не рѣдко у тѣхъ пришельцевъ или иноплеменниковъ, которые и капли крови не пролили за владѣемую ими землю. — Намъ скажутъ: уравненіе народонаселенія или правильное заселеніе пустопорожнихъ земель, особливо на отдаленныхъ окраинахъ, возможны только при громадныхъ капиталахъ—правительственныхъ и народныхъ; но есть ли они у насъ? Смѣемъ думать, что если пустопорожнія земли будутъ раздѣлены на участки, положимъ по 50—60 дес., и эти участки будутъ передаваться въ неотъемлемую собственность поселянъ, то охотники найдутся и притомъ переселятся на эти участки люди достаточные, а старыя пепелища съ землями унаслѣдуются оставшимися. При участковомъ надѣлѣ южно-русскихъ нѣмецкихъ поселенцевъ, хозяйства ихъ пришли въ цвѣтущее состояніе; а между тѣмъ эти пришельцы не принесли въ Россію громадныхъ капиталовъ; они явились почти съ однимъ трудолюбіемъ и бережливостію. Вотъ ихъ капиталъ, владѣя которымъ они теперь владѣютъ большими участками земли, купленными ими на собственные трудовые деньги. Кто можетъ сказать, что русскій поселанинъ не способенъ къ такому прибыльному для него роду хозяйничанья? Да, мы вѣримъ, что при участковомъ надѣлѣ найдутся охотники къ переселенію. Если теперь на пустопорожнія наши земли, въ самыя отдален-

ныя окраины устремляются массы народа, не зная ни земли, ни кому она принадлежитъ, и будетъ ли позволено поселиться хотя бы и на чужой землѣ; то что сказать о той порѣ, когда поселанинъ будетъ знать, куда идти, а придетъ, сядетъ, да скажетъ: вотъ эта земля моя, моихъ дѣтей, внуковъ и правнуковъ, и никто не стоитъ меня съ отведенной мнѣ въ вѣчную собственность земли?

При рѣшеніи вопроса о надѣлѣ поселянъ землею частныя права на земли должны оставаться священными и никакое посягательство на нихъ не должно здѣсь имѣть мѣста. Но при разработкѣ вопроса о болѣе прибыльномъ пользованіи земельными угодьями, естественно можно найти способы: какъ при сохраненіи частныхъ правъ на землю, можно къ собственной же пользѣ землевладѣльцевъ поступиться частію владѣемыхъ ими земель въ пользу поселянъ? Рано или поздно, но рѣшеніемъ этого вопроса займутся сами же землевладѣльцы; потому что, какъ опытъ показываетъ, по уничтоженіи крѣпостнаго труда и при возвысившейся заработной платѣ, крупныя имѣнія не могутъ быть доходными, оставаясь при слабомъ населеніи ихъ.

Задача, предложенная нами трудная; но во всякомъ случаѣ она не можетъ разрѣшиться въ департаментахъ; ее рѣшить, и рѣшить удовлетворительно, только здравый, практическій смыслъ русскаго народа и ихъ руководителей (не старшинъ и писарей: Боже избави!), рѣшить на мѣстѣ, среди полей и степей, но не за тѣми столами, гдѣ скрипятъ одни перья, и не за тѣми, гдѣ тупѣетъ мысль, козыряя то съ бубней, то съ червей. Рѣшеніе же этой задачи вопіетъ на самое небо.

2) Другой вопросъ, рѣшеніемъ котораго должны бы завятыя сельско-хозяйственныя общества, и рѣшить который могутъ только одни поселяне и знающіе ихъ быть передовые люди—это вопросъ объ общинномъ владѣніи,—этомъ, по нашему искреннему убѣжденію, гру-

бѣйшемъ тормазѣ, задерживающемъ и улучшеніе быта народа, и развитіе его промышленности и, что всего важнѣе — убивающемъ въ народѣ самостоятельность, драгоценнѣйшій даръ, данный человѣку, — его свободу, безъ которой не мыслимъ плодотворный трудъ. О вы, бумажные рѣшители этой великой задачи! подите въ среду поселянъ, но не въ волостное правленіе, гдѣ за сѣдаютъ міроѣды, и послушайте, какъ рѣшаетъ этотъ вопросъ здравый смыслъ русскаго народа, котораго вы не найдете въ самыхъ толстыхъ томахъ печатнаго слова. Здѣсь не мѣсто рѣшать вопроса: какой способъ владѣнія землею нашимъ поселянствомъ выгоднѣе для него и производительнѣе для государства; но мнѣ хотѣлось бы сказать поборникамъ общиннаго владѣнія: мыслимъ ли для нашего обширнѣйшаго и слабо населеннѣйшаго государства тотъ пролетаріатъ, которымъ они такъ стращаютъ, какъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ раздѣленія земель въ подворную собственность, на участки, съ правомъ ихъ отчужденія? не похожъ ли этотъ страхъ на тотъ страхъ, которымъ мы стали бы пугать живущихъ напр. при оз. Байкалѣ, — страхъ: вы можете умереть отъ жажды? Съ другой стороны, не желательна ли у насъ образованіе безземельниковъ, конечно до извѣстныхъ размѣровъ? не послужитъ ли это къ развитію въ народѣ промысловой или правильнѣе — мастеровой дѣятельности, отсутствіемъ которой русская земля страдает? Не забудемъ, что у насъ въ иныхъ обширныхъ селахъ даже простаго кузнеца или сапожника не лѣзя найти. Отъ того-то на Руси и оси деревянные, и колеса безъ шиней, и русскій человѣкъ ходитъ въ своихъ прародительскихъ лаптяхъ, разрушающихъ его здоровье. Но все это въ сторону. Мы полагаемъ, что уничтоженіе общиннаго владѣнія послужитъ къ рѣшенію одной изъ величайшихъ государственныхъ задачъ; задача эта — заселеніе нашихъ обширнѣйшихъ пустопорожнихъ земель, которыхъ станеть и на 1000 лѣтъ, чтобы достиг-

нуть извѣстной народной густоты. Одва наша богатая. Амурская Область можетъ прокормить не одинъ десятокъ милліоновъ народа. Между тѣмъ заселеніе этого края, а равно и многихъ изъ нашихъ Средне-Азіатскихъ и Малоазійскихъ владѣній, — заселеніе при томъ чисто-русскимъ народомъ, необходимо; иначе, чего добраго, добытое дорогою народною кровью можетъ попасть и въ чужія руки. — И въ добрый часъ! скажутъ наши домо-рощенные космополиты, которые не перестаютъ кричать, что и западный край намъ въ тягость; и Остзейскій край не лежокъ; и Средне-Азіатскія владѣнія намъ не нужны и т. д. Такъ могутъ разсуждать только заклятые враги Россіи, и мы въ преніе съ ними вступать не будемъ.

Да, по нашему убѣжденію, уничтоженіе общиннаго владѣнія послужитъ къ рѣшенію одной изъ государственныхъ задачъ — къ распредѣленію народонаселенія по обширнѣйшей имперіи, что тѣсно соединено съ ея могуществомъ, съ неприкосновенностью ея границъ. А вотъ и другая задача. Мы не должны скрывать отъ себя, что малоземеліе, которое чувствуется нашимъ народомъ во многихъ губерніяхъ, и которое ставитъ его почти въ безвыходно-нищенское положеніе, когда нибудь вызоветъ со стороны правительства болѣе дѣятельныя мѣры къ надѣлу поселянъ землею, и въ числѣ этихъ мѣръ будетъ стоять на первомъ планѣ предоставленіе народу права селиться на пустопорожнихъ казенныхъ земляхъ — гдѣ ему угодно, безъ всякой посторонней помѣхи или указаній чиновнымъ людомъ. Но это переселеніе, повторимъ, возможно только по уничтоженіи общиннаго владѣнія; по крайней мѣрѣ, легче при этомъ условіи оно совершится. При переуступкѣ дворовыхъ участковъ у желающихъ выселиться найдутся средства для переселенія и первоначальнаго обзаведенія.

И такъ, вотъ двѣ чаши вѣсовъ: въ одной воображаемый отъ безземелья пролетаріатъ; въ другой — распре-

дѣленіе народонаселенія по имперіи въ видахъ сохраненія ея могущества и надѣленія русскаго народа землями, которыя обезпечили бы его благосостояніе.

3) Третій вопросъ касающійся жизни, здоровья и благосостоянія поселянскаго сословія — это вопросъ о его жилищахъ, болѣе соответствующихъ гигиеническимъ правиламъ и болѣе застрахованныхъ отъ разорительныхъ пожаровъ. Съ этимъ вопросомъ тѣсно связанъ вопросъ объ улучшеніи его земледѣльческихъ орудій. Мы всё признаемъ, что военные успѣхи не мыслимы безъ хорошаго оружія; но по видимому до сихъ поръ не додумались до той простой истины, что успѣхи въ области сельскаго хозяйства также не мыслимы, также не возможны безъ лучшихъ орудій. И вотъ почему намъ давно бы пора приступить къ устройству возможно-большаго количества заводовъ для изготовленія земледѣльческихъ орудій, телѣгъ и т. п., приспособленныхъ къ состоянію и потребностямъ поселянъ. Очевидно, что здѣсь первымъ вкладчикомъ на это доброе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и государственное дѣло, должна быть казна.

4) Четвертый вопросъ о кредитѣ для сельскаго населенія, въ самыхъ широкихъ и легкихъ размѣрахъ. Впрочемъ объ этомъ предметѣ много и писали, и говорили; но жалъ одного, что у насъ болѣе любятъ слово и букву, чѣмъ дѣло; а между тѣмъ безъ оборотнаго капитала можетъ ли идти хоть одно какое нибудь производство? — Не можетъ; тѣмъ болѣе сельско-хозяйственная промышленность, находящаяся въ зависимости не только отъ неба и земли, но и отъ такихъ презрѣнныхъ тварей, каковы жучки, черви, травяныя вши, саранча и т. п. И здѣсь дѣло казны; безъ ея вкладовъ, во всякомъ случаѣ не только не обременительныхъ для нея, — но и прибыльныхъ, — поселянскій кредитъ, который обнималъ бы весь бытъ народа, — не мыслимъ. У насъ многіе жалеютъ на избытокъ бумажекъ. Насколько это справедливо — не знаемъ; но если избытокъ дѣйствительно су-

ществуетъ, то, пособивши въ самыхъ широкихъ размѣрахъ кредиту поселянъ, правительство могло бы громадную сумму ассигнацій превратить въ процентныя бумаги.

5) Чтобы въ среду народную проникали лучи науки и разумнаго опыта, слѣдовало бы обществамъ с. хозяйства: а) издавать краткія, но приспособленныя къ пониманію народа руководства или рассказы, касающіеся его быта и производительнаго труда; б) открыть публичное чтеніе наставленій о народномъ здоровьи и объ улучшеніяхъ въ области с. хозяйства. Если мы не ошибаемся, Минпстерство Г. И. имѣетъ въ виду чтеніе публичныхъ лекцій с. хозяйства чрезъ странствующихъ профессоровъ. О пользѣ подобныхъ чтеній мы когда-то, давно впрочемъ, заявляли въ печати. Но желательно, чтобы эти чтенія не ограничивались залами дворянскихъ собраний, а отыскивали бы себѣ аудиторіи въ классахъ народныхъ школъ или въ зданіяхъ волостныхъ правленій, хотя иной разъ, по рѣшеніи великихъ судебныхъ мірскихъ дѣлъ, и превращающихся въ распивочныя, впрочемъ, не „на выносъ“, а „на вносъ“.

Къ сожалѣнію, не легко найти подобныхъ чтецовъ, какъ съ немалымъ трудомъ мы находимъ порядочныхъ учителей даже для нашихъ народныхъ школъ. Кромѣ практическаго знанія разныхъ отраслей с. хозяйства, „народный“ чтець долженъ знать бытъ народа, складъ его ума, даже повѣрья и предрасудки его; умѣть приспособиться къ понятіямъ и существеннымъ потребностямъ народа, быть, какъ говорится, въ живую струну его жизни, его промышленности. Сверхъ этого, скажемъ къ слову, такъ какъ бываютъ всякаго рода чтецы или проповѣдники, то желательно, чтобы народные чтецы не вѣрили, подобно Самсону, въ силу длинныхъ волосъ, т. е. были бы люди въ здоровомъ умѣ и твердой памяти, и не возлежали бы на персяхъ извѣстныхъ подстриженныхъ Далидь. — Понимаете, въ чей поросшій терніемъ

и волчками, огородъ летить оный камень? Да, здѣсь выборъ надобно дѣлать съ большою осмотрительностію. Развѣ намъ не попадались учителя земскихъ школъ, которые знакомили крестьянскихъ мальчиковъ съ кошачьими и куриными скелетами, а между тѣмъ дѣти читали по звуковой методѣ, т. е. мычали. Одинъ государственный мужъ Англии, если не ошибаюсь, Дж. Россель, на торжественномъ актѣ, не помню какой школы, сказалъ великую истину, которая должна бы быть принята въ руководство всѣми ревнителями народной грамотности: научите дѣтей читать такъ, чтобы чтеніе не составляло для нихъ труда; если это достигнется, то разнаго рода знанія будутъ пріобрѣтаться легко. Да, вотъ надъ чѣмъ должны трудиться въ нашихъ школахъ! Къ сожалѣнію, мы не кладемъ этого основанія уча грамотности; а потому бойкостію чтенія дѣти даже нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній далеко не отличаются. Мы какъ-то вездѣ любимъ скачки: не зная ни склоненій, ни спряженій, ни частей рѣчи, наши дѣти изучаютъ составъ предложеній или знакомятся съ знаками препинаній; или, не выучившись правильно и свободно читать полатыни, не ознакомясь съ склоненіями даже именъ существительныхъ, принимаются за переводы. Оно правда, что останавливаться надъ пустяками? Ужъ просвѣщать, такъ просвѣщать полнымъ свѣтомъ, а не слабымъ мерцаніемъ сальнаго огарка. Этого правила вѣроятно держался и тотъ учитель школы, (конечно, составляющій исключеніе и выгнанный изъ школы), который для ознакомленія своихъ юныхъ школьниковъ съ строеніемъ того вмѣстилища, гдѣ совершаются рефлексы, родящіе свободную мысль, ходилъ съ ними на кладбище, собиралъ человѣческіе черепы *) и

*) Намъ передавали, что оный учитель даже разрывалъ могилы; но признаться, трудно этому повѣрить. А что онъ былъ счастливымъ обладателемъ не бѣдной коллекціи череповъ — это фактъ, и знакомилъ съ нею своихъ юныхъ питомцевъ—это другой.

составлялъ изъ нихъ коллекцію. Конечно, стоитъ ли останавливаться на буквобдствѣ; пусть этимъ скучнымъ дѣломъ занимаются въ своихъ школахъ старыя папады.

На эти школы, какъ и вообще на домашнія школы нашихъ духовныхъ лицъ,—школы, замѣтимъ, нѣкогда бывшія единственными свѣтильниками среди темной народной массы, многіе въ настоящее время смотрятъ съ очень невыгодной стороны. Въ этихъ-де школахъ учили и учать читать Часословъ и Псалтырь, а въ наше время не то нужно. Но что же? „Жили дѣдъ да баба; у нихъ курочка ряба?“

Кто былъ близокъ къ русскому народу, въ съ нимъ одинъ хлѣбъ и прислушивался къ его разуму, тотъ (и только тотъ) можетъ знать, какъ высоко нашъ народъ смотритъ на грамотность; и если, скажемъ къ слову, онъ невольно отказывается отъ нея, то единственно—по своей недосужести и бѣдности. Да, если грамотность для народа—не нѣчто въ родѣ святыни; то во всякомъ случаѣ она представляется ему чѣмъ-то высокимъ, какою-то силою, могущею раскрыть предъ нимъ то, что сокрыто отъ безграмотнаго, и научить тому, что полезно для его жизни не только временной, но и загробной *). Если же таковъ взглядъ нашего народа на грамотность; то понятно, какъ высоко ставить онъ то чтеніе, которое сообщаетъ ему истины выше его обыденной жизни, тѣ „глаголы“, которые вводятъ его въ иной, лучший міръ. Повѣрьте: онъ съ презрѣніемъ отворачивается отъ дѣтей, читающихъ какія-нибудь присказки и побасенки. Видишь, говоритъ онъ, какимъ пустякамъ учать! — Какъ бы низко ни стоялъ человѣкъ по своей

*) Въ глазахъ какого-нибудь лавочника или торгаша высокое значеніе грамотности большею частію ступевывается: намъ бы умѣлъ сынишко посчитать и записать. Но мы здѣсь разумѣемъ народъ и преимущественно—сельскаго труда, т. е. самое огромное большинство народа.

развитости, какъ бы глубоко ни погрязъ онъ въ дрязги будничной жизни, но все-таки для него дороже всего достоинство человѣческой природы,—то, что отличаетъ его отъ безсловесной твари и указываетъ ему на призваніе къ чему то высшему и лучшему, чѣмъ его обыденная жизнь, съ ея чернымъ трудомъ, нуждой и печалями*). А если такъ, то понятно, почему темная народная масса назвала ученье свѣтомъ, а неученье тьмою. Въ ученьи, въ грамотности, она хочетъ найти именно то, что ознакомило бы ее съ лучшею стороною ея существа, съ достоинствомъ человѣческой природы, которое, еще разъ повторимъ, для человѣка всего дороже. Доказательство—желаніе даже самаго грубаго человѣка или народа стать выше окружающей его твари и господствовать надъ нею. Здѣсь далеко не то, что называется „борьбою за существованіе“.

Многое можно бы сказать на эту тему, но здѣсь не у мѣста. Однако сообщу слѣдующій многозначительный фактъ. Спрашиваю я одного ретиваго (на югѣ Россіи) земца (члена учил. Совѣта): есть ли у васъ дѣти, которыя могутъ прочесть „шестопсалміе“ въ церкви? — Вы лучше спросите, отвѣчалъ онъ: есть ли у насъ учителя дьячки? Таковъ былъ отвѣтъ земца, считающаго себя, по своей крикливости, передовымъ; и при этомъ отвѣтъ онъ смѣрилъ меня съ ногъ до головы, какъ бы вопрошая: не выходецъ ли вы съ того свѣта?

Простите мнѣ, добрый читатель; но я здѣсь поставлю нѣсколько вопросовъ и отвѣтовъ.

— Религія должна ли быть положена въ основаніе

*) Замѣчательно, что грамотный человѣкъ въ средѣ нашего народа неизмѣримо выше ставитъ себя прель народною безграмотною массою, называя ее мужичьемъ неотесаннымъ, необразованщиной. Этими названіями онъ какъ будто даетъ знать, что только чрезъ грамотность человѣкъ и становится настоящимъ человѣкомъ, образомъ чего-то высшаго.

просвѣщенія нашего народа, возвышенія его нравственнаго уровня и пробужденія въ немъ высшихъ и болѣе чистыхъ потребностей жизни?

— Отрицательный отвѣтъ могутъ дать только антихристы, въ образѣ напр. нашихъ нигилистовъ (нигилистовъ, съ ихъ бабьимъ умишкомъ (?) мы и въ счетъ не ставимъ), для которыхъ нѣтъ русскаго народа и нѣтъ ничего чистаго и святаго. Далѣе.—Необходимо ли для нашего народа общественное богослуженіе, которое признаетъ таковымъ человѣчество отъ своей колыбели до позднѣйшаго своего возраста?—Только тѣ же сумасброды, какъ намъ доподлинно извѣстно, желаютъ превращенія мѣстъ богослуженія въ какія-нибудь мастерскія, гдѣ по временамъ читалось бы: „Что намъ дѣлать“. — Но если общественное богослуженіе необходимо для нашего народа, то нужно ли, чтобы онъ понималъ „глаголы“ его, т. е. то, что читается и поется тамъ?

— Едва ли кто, владѣя здравымъ умомъ и признавая необходимость перваго, осмѣлится не признавать необходимости послѣдняго. А если такъ, то, пожалуй, старыя пошлости, уча чтенію и даже, по мѣрѣ силъ своихъ, разуму божественныхъ пѣсней царя Давида, и выше стоятъ тѣхъ учителей, которые твердятъ съ своими школярами: „жили дѣдъ да баба, у нихъ курочка ряба“;—выше даже тѣхъ, которые сообщаютъ сельскимъ дѣтямъ теорію Дарвина и вообще занимаются съ ними антропологіей.

Не фанатикъ я православія, во всякомъ случаѣ для меня святаго, и не пропитанъ аскетизмомъ; но скажу, прямо смотря въ глаза каждому встрѣчному и поперечному, что грамотность народа прежде всего должна имѣть въ виду то, что кладется въ основаніе жизни даннаго народа,—религію; она должна пробудить и развить въ немъ высокое религіозное чувство; но это возможно только при одномъ условіи: если народъ будетъ пони-

мать „глаголы живота вѣчнаго“, выраженные въ словѣ; а возможно ли пониманіе первыхъ безъ пониманія послѣдняго?

Удивительно, какъ у насъ многое понимается иначе, чѣмъ на Западѣ Европы! Тамъ дѣти католическаго вѣроисповѣданія, лютеранскаго, евангелическаго и другихъ дѣлаются дѣйствительными членами церкви, ознакомившись не только съ основами вѣроученія, но и съ кругомъ общественнаго богослуженія, и тамошнее молодое поколѣніе, по достиженіи извѣстнаго возраста, дѣйствительно знаетъ, что читается и поется въ церкви, и само участвуетъ въ томъ и другомъ. Но что мы видимъ у насъ? Наше молодое поколѣніе, даже просвѣтившись грамотою, остается въ церкви и глухимъ, и нѣмымъ. И мы хотимъ развить въ нашемъ народѣ религиозное чувство, возвысить его нравственность, оставляя его въ прежнемъ невѣдѣніи того, что могло бы это сдѣлать! Напрасный трудъ! Это значить пересыпать изъ пустаго въ порожнее. И не говорите, что слабому пониманію нашего богослуженія препятствуетъ славянскій языкъ. Если ему съ пониманіемъ самаго существеннаго содержанія научаютъ дѣтей старшія попады, начетчицы, дьячки и отставные солдаты; то это значить, что языкъ нашей церкви, при порядочныхъ учителяхъ, не такъ труденъ, какъ это многимъ представляется, и во всякомъ случаѣ легче и удобнѣе научиться ему, чѣмъ измѣнять то, что освящено вѣками и что, измѣнившись, можетъ имѣть невыгодныя послѣдствія для единства нашей вѣры.

Еще нѣсколько словъ и кончаю слово на эту тему. Наши старообрядцы отличаются большею трезвостію и чистотою жизни; но не слѣдуетъ ли отнести этого къ той грамотности, которая вкладется у нихъ въ основаніе обученія дѣтей? Знаю, найдутся извѣстнаго пошиба люди, которые скажутъ: пишущій эти строки желаетъ превратить русскій народъ въ какихъ-то псаломщи-

ковъ*), и, какъ старый человекъ, вспоминаетъ о томъ золотомъ вѣкѣ, когда все ученіе если не кончалось, такъ по крайней мѣрѣ начиналось каѳизмами. Нѣтъ, не этого я хочу, хотя и могу припомнить читателю, что чтеніе славянскаго Псалтыря не помѣшало работать генію Ломоносова, государственному уму графа Сперанскаго и многихъ, очень многихъ другихъ, начавшихъ свою грамотность съ чтенія Часослова у дьячка; нѣтъ, не возвращенія вѣка Часослововъ и Псалтырей я хочу, а единственно только того, чтобы нашъ народъ понималъ то, что можетъ сознательно развить и укрѣпить въ немъ религиозное чувство. Если это развитіе и это укрѣпленіе необходимы для домашней и общественной жизни русскаго народа и для развитія силъ нашей родной земли; то, еще разъ повторимъ, необходимо, чтобы народъ понималъ то, что можетъ создать это великое дѣло; въ противномъ случаѣ тщетны будутъ наши усилія—просвѣтить, очистить, возвысить и облагородить темную народную массу, которая и по признанію нашихъ недруговъ имѣетъ слишкомъ большой запасъ силъ — быть истинно великимъ народомъ. Если при тускломъ пониманіи своей вѣры, русскій народъ, во имя этой вѣры, сдѣлался однимъ изъ могущественныхъ народовъ, съ мировымъ значеніемъ, отмѣтивши свою исторію самыми высокими доблестями, на которыя способенъ человекъ могучихъ силъ и высшаго призванія: то чего можно ожидать отъ этого народа, когда онъ дѣйствительно просвѣтится, и свѣтъ своего просвѣщенія возметъ отъ того Свѣта, котораго никакая тьма не можетъ объять?

*) Почтенный от. протоіерей Кустодіевъ въ одной изъ своихъ статей, помѣщавшихся въ М. В., указывалъ на прекрасный примѣръ, существующій въ Галиціи: тамъ всѣ собравшіеся въ храмъ исполняютъ то, что исполняется у насъ на клиросахъ, т. е. вся церковь поетъ. Тотъ же обычай существуетъ въ нѣкоторыхъ церквахъ Сиріи и Палестины. Примѣры достойные подражанія.

Не совсѣмъ дурно вы пишете, бывшій секретарь Общества с. хозяйства; но мы все-таки будемъ читать съ дѣтьми: „жили дѣдъ да баба; у нихъ курочка ряба“. Читайте; но это только до времени, до всеобщаго нашего отрезвленія, послѣ котораго, мы вѣримъ, будутъ просвѣщать и возвышать нѣжныя души дѣтей высочайшею поэзіею міра, пережившею вѣка, — божественными пѣснями пророка Давида. Намъ не впервые обращаться вспять. Еще у всѣхъ на свѣжей памяти, когда семинаристовъ кололи латынью, дѣлавшею такія крѣпкія головы *) у сыновъ Левитова племени, а теперь что? Ту же латынь, которую желали отнести въ конюшни и кормить ею лошадей, положили въ главу угла образованія юношества. И лучшаго выдумать не могли!

Снова отступленіе, снова уклоненіе и притомъ въ область грамотности! Но развѣ эта область чужда земледѣлію? Развѣ не изъ нея сельское хозяйство должно заимствовать свою силу? О когда-то русскій народъ доживетъ до того золотого вѣка, когда наши пастухи, наши пахари, наши жницы, будутъ, въ свободное отъ трудовъ время, бойко читать книжки. Со слезами радости я смотрѣлъ на работавшаго у меня каменщика, когда онъ въ часы отдыха вынималъ изъ своей котомки св. Евангеліе (купленное у книгоноши) и читалъ его своимъ товарищамъ. Ожидаемому золотому вѣку въ настоящее время положено основаніе; но мы не отступимся отъ той мысли, что этотъ вѣкъ для всего русскаго народа настанетъ только тогда, когда онъ не будетъ биться съ нуждой, изъ-за куска насущнаго хлѣба.

*) Въ этомъ не откажетъ Левитову племени исторія. Намъ часто приходитъ въ голову: почему бы какому-нибудь досужему человѣку не издать перечня видныхъ дѣятелей изъ этого племени. Можетъ быть, поменьше бросали бы грязи и на это племя, и на то образованіе, которое столько разъ осмѣивали и не перестаютъ осмѣивать. Не было ли это племя поставщикомъ людей труда, двигателей русской мысли и русской жизни? Конечно, въ большой семьѣ не безъ уродовъ.

и когда разовьются въ немъ потребности лучшей жизни; а онѣ, эти потребности, пробудятся только за удовлетвореніемъ первостепенныхъ нуждъ существованія человѣка.

Обращаясь къ задачамъ нашихъ сельско-хозяйственныхъ обществъ, выраженныхъ нами въ пяти пунктахъ, мы сознаемся, что далеко не каснулись всего, чѣмъ бы должны заняться эти общества; нами сдѣланы только намеки, и то, можетъ быть, односторонніе: но съ другой стороны, едва ли эти намеки не касаются самыхъ первыхъ задачъ нашихъ сельско-хозяйственныхъ обществъ. Въ одномъ я увѣренъ, что только отъ подобныхъ обществъ, не связанныхъ формальностями бюрократизма и поставленныхъ въ самую среду народную, можно ожидать успѣховъ въ нашей основной, государственной промышленности, — въ сельскомъ хозяйствѣ, во всѣхъ его отрасляхъ. До тѣхъ поръ, пока самъ народъ не почувствуетъ тяжести гнетущей его нужды и не возьмется самъ сбросить ее съ своихъ плечъ; до тѣхъ поръ эта нужда будетъ тяготить его, и всякое постороннее содѣйствіе къ облегченію этого тяжелаго бремени не принесетъ существенной пользы, какъ не приносятъ или приносятъ незначительнѣйшую долю пользы народному хозяйству образцовыя казенныя фермы или разнаго рода усовершенствованія въ частныхъ имѣніяхъ. Да, народныя сельско-хозяйственныя общества, съ вліяніемъ того передоваго сословія, которое сжилось съ народомъ и которому вѣрить народъ, — общества съ самою щедрою поддержкою ихъ со стороны казны: вотъ отъ кого мы должны ожидать улучшенія быта народа, поднятія его производительныхъ силъ и наступленія того золотого вѣка, который будетъ отмѣченъ въ исторіи русскаго народа вѣкомъ всеобщей грамотности.

Но пора возвратиться къ родному для меня Обществу, — къ Обществу с. хозяйства южной Россіи.

Отъ всей полноты сердца я желаю, чтобы оно, считаясь въ числѣ старѣйшихъ и дѣйствительно принесшихъ краю большія услуги, первое протянуло руку помощи поселянскому хозяйству; и если оно сосредоточить свою дѣятельность преимущественно на немъ, то чрезъ новыя 50 лѣтъ Общество услышитъ хвалебную пѣснь не отъ такого грѣшнаго пѣвца, какъ я и подобные мнѣ; но—отъ народа.

Отъ народа? Не слишкомъ ли много я обѣщаю?—Пожалуй, и такъ. Народъ слагаетъ свои хвалебныя пѣсни про своихъ великихъ вождей, про высокія доблести своихъ героевъ, про благотворную силу своихъ чудо-богатырей,—словомъ—про своихъ народолюбцевъ. И съ чѣмъ могутъ сравниться эти пѣсни? Сладко, обаятельно шумитъ зеленая дубрава, величавы пѣсни изъ края въ край поющаго моря; но священныя пѣсни народныхъ волнъ слушаетъ само небо. Сложилъ русскій народъ былинныя-пѣсни про свое Красное Солнышко—князя Володимира, но изъ какихъ словъ и звуковъ онъ сложитъ свою хвалебно-благодарную пѣснь про то Свѣтозарное Солнышко, при тепломъ свѣтѣ котораго онъ выступилъ на пространный путь свободы и образованія?...

V.

Указываю Обществу с. хозяйства южной Россіи на поле для его дѣятельности. — Быстрое развитіе производительныхъ силъ юга Россіи.—Кто и что ускорили это развитіе?—Воспоминаніе о графѣ П. Е. Коцебу.—Скромное Общество съ неизмѣримо-важною будущностію.—Графы А. А. Бобринскій и Д. Е. Остенъ-Сакенъ, А. И. Левшинъ.

Поле дѣятельности для почтеннаго Общества сельского хозяйства южной Россіи необозримо обширно и разнообразно; а почва, какъ опытъ показываетъ, самая благодарная, воспріимчивая. Мы разумѣемъ ту благодатную окраину, которую съ одной стороны омываютъ два моря славянскія; съ боковъ ласкаютъ два родныхъ тоже брата (той же славянской крови)—„веселый“ Донъ и Дунай Ивановичъ; а внутри текутъ Днѣпръ, Днѣстръ и Бугъ, то — живые пути для народной жизни края. Почти на всей этой благодатной окраинѣ могутъ разводиться кукуруза и виноградъ—такія растенія, которыя считаются самыми доходными для умѣренно теплыхъ странъ свѣта.

Благодаря географическимъ, климатическимъ и почвеннымъ условіямъ, край этотъ, безъ особенныхъ усилій со стороны обитателей его, достигъ замѣчательнаго развитія; онъ можетъ быть поставленъ въ числѣ передовыхъ областей нашего обширнаго отечества, — передовыхъ не только по матеріальнымъ производительнымъ силамъ, но и по явленіямъ умственной стороны. По крайней мѣрѣ одно не подлежитъ сомнѣнію, что ростъ этого края необыкновенно быстръ, боекъ и крѣпокъ. Въдѣ и столѣтія не прошло, какъ изъ этой обширной

пустыни явился край съ цвѣтущими городами, высшими учебными заведеніями (мы причисляемъ къ нимъ и наши женскіе институты), со множествомъ среднихъ и низшихъ школъ, съ превосходно устроенными нѣмецкими колоніями, съ русскими селами, гдѣ въ иномъ селѣ двѣ и три богатыхъ церкви, съ народными школами; край съ желѣзными дорогами, съ необозримыми полями золотистой пшеницы, съ многочисленными стадами тонкорунныхъ овецъ, съ миллионными оборотными капиталами и т. д.

Если бы лицо, совершенно незнакомое съ южною обширною окраиною Россіи, взглянуло только на Одессу, чуть не на людской памяти бывшій татарскій Гаджибей, — Одессу, вступающую въ соперничество съ лучшими городами Старого и Нового Свѣта; и отсюда этотъ незнакомецъ перенесся на вершину горы Митридатъ въ Керчи, и съ нея посмотрѣлъ на Керченскій проливъ съ лѣсомъ корабельныхъ мачтъ; мы увѣрены, что нашъ незнакомецъ сказалъ бы: довольно, я знаю югъ Россіи, его производительныя силы, его богатства, и могу сказать, чего достигъ онъ въ такое короткое время.

Соединенные Штаты Америки, даже часть Австраліи гордятся быстротою своего роста. И дѣйствительно, тамъ города растутъ какъ будто по мановенію волшебнаго жезла; тамъ энергія и предприимчивость не знаютъ границъ, а сельская промышленность развивается въ такихъ широкихъ размѣрахъ, что вытѣсняетъ своими произведеніями на европейскихъ рынкахъ произведенія Старого Свѣта, въ томъ числѣ и наши южно-русскія, еще недавно первенствовавшія по крайней мѣрѣ на рынкахъ Англіи. Но не забудемъ, что тѣ страны населены и постоянно населяются выходцами изъ болѣе образованныхъ государствъ, чѣмъ нашъ край; а стало быть и съ болшею подготовкою на болѣе разумный и болѣе производительный трудъ, чѣмъ наши остатки

гайдамачества или жалкіе подковки бывшаго крѣпостнаго труда *).

А если такъ, то невольно спрашиваешь: кто же вдохнулъ дыханіе сильной и плодотворной жизни въ широкія степи юга Россіи? кто творецъ той умственной бойкости, которую мы видимъ здѣсь не только въ городахъ, но и въ селахъ (конечно не татарскихъ), и которую можно приравнять только къ бойкости нашихъ поволжанъ?

Ты ли море, широкій путь, цивилизующій человѣчество, стихія свободы и вѣчно кипучей, безконечно разнообразящейся жизни? О, силы твои неизмѣримо велики! Или вы, раздольныя степи, въ которыхъ такъ широко, такъ свободно, а подъ часъ и такъ сладко дышется?— Неотразимо вліяніе на человѣка и вѣчно живаго моря, и раздолья необозримыхъ степей. Но мы думаемъ, большую услугу развитію производительныхъ силъ этого края оказалъ свободный приливъ въ него иноземцевъ, включая сюда и поселеніе образцово-трудолюбивыхъ нѣмецкихъ колонистовъ. Укоряли покойнаго князя М. С. Воронцова за радушный пріемъ пришельцевъ изъ чужихъ краевъ; но геній его видѣлъ далеко. Его же мудростію прикрывались и тѣ бѣглецы изъ глубины Россіи, которые поняли, что самый благодатный даръ неба — свобода. Этотъ свободно располагавшій своими силами народъ не только умножалъ рабочую силу края, но селился въ немъ, дѣлая нѣкоторые города и села „безсмертными“ **).

*) Извѣстно, что многіе помѣщики выселяли сюда крестьянъ въ наказаніе или за дурное поведеніе, или за лѣность, но во всякомъ случаѣ бѣдняковъ, или бездомниковъ, изъ которыхъ теперь нѣкоторые имѣютъ и собственныя земли, и большія стада овецъ и другого скота.

**) Однимъ изъ самыхъ безсмертныхъ городовъ былъ Аккерманъ: въ немъ хотя и умирали и Петры, и Иваны; но на мѣсто ихъ всегда являлись новые.

Но надобно сказать, что югъ Россіи своимъ развитіемъ много обязанъ правителямъ его, изъ которыхъ нѣкоторые вполне заслужили имя государственныхъ мужей. Первые сѣмена въ край бросилъ великолѣпный князь Тавриды, и бросилъ такъ размахисто, такую широкою горстью, какъ это только прилично русскимъ богатырямъ. Много заглохло изъ этихъ сѣмянъ; но нѣкоторые дали обильнѣйшій плодъ. Не такъ размахисто, но съ большею увѣренностію и расчитанностію производилъ посѣвъ на поляхъ благодатнаго юга незабвенный Дюкъ де-Ришелье. Но жизнь и ростъ этимъ посѣвамъ, продолжая и собственные посѣвы, далъ свѣтлѣйшій князь М. С. Воронцовъ. На доли графа А. Г. Строганова и графа П. Е. Коцебу выпали такія дѣла, за которыя край также вѣчно будетъ благодарить ихъ. Первый содѣйствовалъ къ открытію высшаго разсадника просвѣщенія; исходатайствовалъ г. Одессѣ самоуправленіе, которое вскорѣ распространилось и на другіе города юга Россіи. Кромѣ этихъ и подобныхъ важныхъ дѣлъ, онъ избавилъ южную Пальмиру и отъ удрушающей пыли, и отъ непроходимой, даже не проѣздной грязи. Второй соединилъ югъ Россіи съ центромъ ея желѣзными дорогами и чрезъ устройство портовъ облегчилъ торговое движеніе края. На этотъ разъ достаточно припомнить неимоверно быстрое развитіе одного Николаевского порта, связаннаго съ плодороднѣйшими краями Россіи желѣз. дорогою: онъ началъ отпускать болѣе 2 мил. четвертей зерна, когда старый, насиженный портъ Одессы отпускаетъ ср. ч. 3½ мил.

Упомянутые нами, достойные самаго глубокаго уваженія, дѣятели на югѣ Россіи сдѣлали для него много, и дѣятельность одного восполняла дѣятельность другаго. Были и другіе дѣятели, которые хотя не отличались широтою взгляда, но всегда относились сочувственно къ нуждамъ юга Россіи. Насколько они старались осушествить на дѣлѣ свое сочувствіе: это другой вопросъ.

Графъ П. Е. Коцебу самымъ сочувственнымъ образомъ относился и къ дѣятельности Общества сельскаго хозяйства южной Россіи. Объ участіи графа въ трудахъ Общества, въ качествѣ его президента, я ничего не могу сказать; потому что въ это время я уже былъ изъ Общества. Въ качествѣ же почетнаго члена (какъ это было при мнѣ) графъ П. Е. нерѣдко посѣщалъ собранія Общества и всегда принималъ самое живое участіе при сужденіи возбужденныхъ вопросовъ; а какъ генералъ-губернаторъ постоянно поддерживалъ всѣ ходатайства или представленія его. Помню я напр., какъ сочувственно графъ отнесся къ представленію Общества о злоупотребленіяхъ на южныхъ желѣзныхъ дорогахъ. Правда, эти злоупотребленія, по разслѣдованіи дѣла, нѣсколько притихши, совершенно не прекратились; но что съ ними можно было сдѣлать, когда это зло сдѣлалось эпидеміею едва ли не на всѣхъ нашихъ желѣзныхъ дорогахъ, — зло, отъ котораго такъ страшно страдаетъ наша промышленность, противъ котораго всѣ жалобно вопіютъ, но которое, вѣроятно, устранится только всеильною десницею всемогущаго Карателя всякаго зла, особливо такого зла, каково напр. избіеніе пассажировъ, гніеніе грузовъ, содержаніе дирекцій, такъ тяжело отзывающееся на государственномъ бюджетѣ (по гарантіи ж. дорогъ) и т. п.

Я выше сказалъ, что графу П. Е. Коцебу югъ Россіи обязанъ своими желѣзными дорогами, хотя нѣкоторые глубокомыслившіе мужи и говорили (а можетъ быть и говорятъ) что „время“ сдѣлало это великое дѣло. Мы и спорить не будемъ съ такимъ глубокомысліемъ: не даромъ время называется всемогущимъ, только это всемогущество едва ли не болѣе относится къ разрушенію труда человѣческаго, чѣмъ къ созиданію его. Подъ лежачій камень, говоритъ русская пословица, и вода не течетъ. А время и пространство существуютъ и для текучей воды, и для лежачаго камня.

Въ дѣлѣ построенія южныхъ желѣзныхъ дорогъ и Общество с. хозяйства приняло живое участіе. По этому важному дѣлу было нѣсколько собраній столь многочисленныхъ и бурныхъ, что одного члена (слабаго, но не карманомъ, а другими принадлежностями брэннаго естества человѣческаго) поторопились вывести или вынести на чистый воздухъ и едва—едва удержали маленькую человѣческую душу въ маленькомъ скудельномъ сосудѣ, т. е. въ тѣлѣ. Общество с., хозяйства, если память не измѣняетъ мнѣ, представило правительству двѣ докладныя записки о необходимости построенія южныхъ желѣзныхъ дорогъ. Графъ П. Е. благодарилъ Общество за поддержку его ходатайства по этому дѣлу; но отъ покойнаго строителя этихъ дорогъ, барона Унгернъ-Штернберга, съ которымъ я имѣлъ честь познакомиться вскорѣ по пріѣздѣ его въ Одессу, мнѣ довелось услышать слѣдующія слова: „адресъ вашего Общества рѣшилъ дѣло, когда оно все еще колебалось“. Я не думаю, что бы почтенный баронъ хотѣлъ польстить мнѣ, какъ секретарю Общества, а если слова его справедливы; то край не можетъ не признать новой заслуги со стороны Общества с. хозяйства.

Я выше привелъ одну изъ русскихъ пословицъ. Позволю себѣ остановиться на ней. Странное мы переживаемъ время, которое нѣкоторые мыслители называютъ „переходнымъ“, (не сами ли они—кальби переходіе?) и эту, какую-то „переходность“ видятъ во всемъ. Вотъ цѣлая дюжина малоосмысленныхъ букварей, грамматикъ, или подобныхъ имъ руководствъ; пожимаешь плечами и спрашиваешь: что это такое?—Это должно быть такъ, отвѣчаютъ: мы живемъ въ переходномъ времени. И куда ни обернешься, на что ни помотришь, вездѣ видишь, что дѣла (разумѣется, по преимуществу общественныя и лично отъ насъ зависящія) не такъ дѣлаются, какъ бы слѣдовало имъ дѣлаться; вездѣ проглядываетъ больше ребячества, излишняго самолюбія или самого мелоч-

наго самолюбія, и все это относится къ какому-то „переходному времени“. Мнѣ кажется, что слагая все наши настоящіе грѣхи въ нашемъ самоуправленіи, въ нашей частной жизни, въ дикомъ направленіи (искоса нѣкоторыми одобряемомъ) извѣстной части нашей недоучившейся молодежи, на какое-то переходное время, мы не даемъ себѣ отчета: что это за переходное время; откуда, куда и чрезъ какой мостъ или бродомъ чрезъ какую рѣку мы переходимъ? Если на эти вопросы отвѣтить такъ: мы переходимъ отъ нашего дѣтства, нашей незрѣлости, въ возрастъ возмужалости и зрѣлости. Хорошо; но вѣдь для перехода, вѣрнаго, безопаснаго, строятъ мостъ изъ прочнаго матеріала или ищутъ такого брода, гдѣ бы не лезъ было завязнуть въ грязи по самую маковку. Если мостить нашъ переходъ изъ дѣтскаго возраста въ возмужалый тѣмъ же малосмысленнымъ ребячествомъ, какое прилично незрѣлому возрасту, то это значить не выходить изъ этого возраста, а коснѣть въ немъ. И на самомъ дѣлѣ, двигаемся ли мы впередъ при данныхъ намъ правахъ для самой широкой дѣятельности во всѣхъ сферахъ общественной и частной нашей жизни? Не больше ли у насъ околобродничества, чѣмъ стремленія твердаго, разумнаго, неустаннаго, къ опредѣленной цѣли? Не отвѣчаемъ на эти вопросы, но снова повторяемъ, что мы напрасно нашу несостоятельность относимъ къ какому-то переходному времени; мы слишкомъ снисходительны къ себѣ и не хотимъ назвать предмета какъ онъ есть, а назвать этотъ предметъ, т. е. насъ самихъ, а не время, ни въ чемъ неповинное, очень легко: мы просто не дозрѣли для твердой, безпристрастной, самостоятельной дѣятельности и тѣмъ менѣе созрѣли для трудовъ общественныхъ; мы вездѣ и во всемъ видимъ только однихъ себя—это первый признакъ незрѣлости, ребяческаго самолюбія, по силѣ котораго иногда самыя благія общественныя предположенія рушатся только пото-

му, что намъ хочется отстоять свою фразу. Если же намъ это не удастся, и благое предположеніе перейдетъ въ область дѣйствительности; то мы, по силѣ того же дѣтскаго себялюбія, хотимъ если не въ самомъ совершившемся фактѣ, такъ въ виновникѣ его найти чтонибудь такое, что набросило бы тѣнь на его твореніе. Всегда такъ бываетъ: если мы сами ничего порядочнаго сдѣлать не можемъ, то стараемся чернить или порицать труды другихъ, хотя бы эти труды и были у всѣхъ передъ глазами. Кто прислушивался къ говору говорливой массы нашего общества; тотъ не могъ не замѣтить, что среди насъ слишкомъ развитъ духъ порицанія; мы или вообще чернимъ все относящееся до нашего отечества, бичуемъ себя самымъ свирѣпымъ образомъ и ничего не находимъ путнаго ни въ своихъ силахъ, ни въ своихъ дѣлахъ; или ставимъ, какъ говорится, на зубокъ самыхъ почтенныхъ дѣятелей, предъ которыми слѣдовало бы только преклоняться съ глубокою благодарностію. Мы готовы въ грязь втоптать даже тѣхъ кумировъ нашихъ, предъ которыми преклонялась наша исторія, которыми можетъ гордиться не русскій только человѣкъ, но цѣлое человѣчество *), и только потому готовы втоптать ихъ въ грязь, что и на нихъ неумолимый рокъ постепеннаго развитія человѣчества оставилъ извѣстные слѣды, недостойные человѣка. Нечего сказать, странное переходное время! Мы были свидѣтелями такихъ дѣлъ на югѣ Россіи, которыя дали новую силу и новое значеніе этому краю, и что же слышали отъ нашихъ говоруновъ?... Вотъ открывается университетъ.—Что же тутъ особеннаго, говорятъ: еще свѣтъ

*) Къ числу такихъ кумировъ всеконечно принадлежит Великій Петръ, хотя одинъ германскій историкъ и называетъ его пьянымъ человѣкомъ, а всѣ его великія дѣла сдѣланными подъ пьяную руку. Полагаемъ, что подобный отзывъ объ Отцѣ Отечества не мѣшало бы выпустить въ переводѣ на русскій языкъ руководства для русскихъ среднихъ учебн. заведеній.

князь Потемкинъ хотѣлъ открыть его. Вотъ прокладывается сѣть желѣзн. дорогъ среди степей юга Россіи, и эта окраина соединяется съ внутренними краями Россіи. Дѣло громаднѣйшей важности! И здѣсь, говорятъ, ничего нѣтъ необыкновеннаго; еще покойный кн. М. С. Воронцовъ хлопоталъ о желѣзныхъ дорогахъ на югѣ Россіи, и если бы послушались его, не было бы и Крымской войны. Является баронъ Унгернъ-Штернбергъ и съ изумительною энергіею принимается за постройку паровыхъ путей. Говорятъ: онъ обманулъ насъ, обѣщавшись строить дороги по американскому способу, а строить, какъ строятся онѣ вездѣ. Одесса задыхается отъ своей классической пыли и буквально тонетъ въ грязи, такъ что нѣкоторыя улицы загораживаются для проѣзда; вездѣ, въ слѣдствіе отсутствія сточныхъ канавъ, нестерпимое зловоніе; жители и торговля страдаютъ отъ этихъ неудобствъ; смертность среди дѣтей достигаетъ до 75%. Строятся и выстроились мостовыя, и городъ буквально преобразился. И здѣсь, говорятъ, дѣло обыкновенное; въ Германіи послѣдняя деревенька имѣетъ прекрасную мостовую. Мы могли бы не мало привести подобныхъ примѣровъ, которые еще болѣе подтвердили бы нашу мысль, что мы по своей недозрѣлости, мелочному самолюбію и готовности все порицать, не любимъ признавать заслугъ другихъ. Правда, официально мы признаемъ заслуги и сладко улыбаемся виновникамъ ихъ; но что говоримъ за угломъ?... У насъ одного еще не достаетъ: гражданской чести. Вотъ если бы этого добра побольше намъ, да основательнаго образованія, на которое у насъ времени довольно, мы не стали бы грѣхи свои складывать на какое-то переходное время. Это время всегда будетъ при насъ, если не позаботимся запастьсь вышеозначенными добродѣтелями.

Прося извиненія, я снова обращаюсь къ моимъ воспоминаніямъ. Насколько почтенный графъ П. Е. цѣнилъ труды мои по Обществу и въ послѣдствіи по зем-

ству—про то знаетъ моя глубокая благодарность, которая сойдетъ со мной и въ могилу.

Я глубоко сознаю, какъ лезть и гнусна, и вредна; и потому думаю, что меня не посмѣютъ заподозрить въ этомъ порокѣ, если я въ своихъ воспоминаніяхъ каснусь достойной подражанія черты бывшаго правителя юга Россіи. Черта эта: доступность, необыкновенная мягкость въ обхожденіи, полная готовность всякаго выслушать, поддержать и направить. Нѣкоторые порицали графа за такое якобы праздное препровожденіе времени, т. е. за терпѣливое выслушиваніе разнаго рода объясненій представлявшихъ ему лицъ, — объясненій иной разъ дѣйствительно нелѣпыхъ или вздорныхъ *). Но намъ кажется: не думалъ ли графъ и въ навозной кучѣ отыскать жемчужное зерно? Преданіе говоритъ, что и князь М. С. Воронцовъ отличался этими высокими начальническими качествами. Присутствуя при разнаго рода объясненіяхъ представлявшихъ графу П. Е. лицъ, мы не рѣдко думали: сойдите сюда, и посмотрите, не посмотрите умными, добрыми очами, вы, начальствующіе въ разныхъ сферахъ государственнаго механизма, — посмотрите и познайте, что вы для народа, но не на-

*) Для примѣра приведу одинъ случай. Приходить ко мнѣ, какъ къ секретарю Общества, одинъ землевладелецъ и говорить, что желаетъ сообщить высокой важности проэктъ: онъ касается снабженія всей нашей арміи хлѣбомъ по самымъ дешевымъ цѣнамъ, и пришелъ мнѣ въ голову послѣ бывшей со мной горячки. Выслушавши тему проэкта, я отозвался полнымъ своимъ невѣжествомъ въ этомъ дѣлѣ; но не смотря на мое чистосердечное признаніе, приужденъ былъ болѣе часу слушать моего собесѣдника. Слушалъ я его и, признаюсь, ничего не понималъ. — Какъ вы думаете, спросилъ онъ меня, не правда ли, счастливая мысль? Я снова отозвался непониманіемъ этого дѣла. Мы распростились. На другой день весь сіяющій отъ радости вбѣгаетъ ко мнѣ этотъ благодѣтель нашей арміи и объявляетъ, что генераль-губернаторъ цѣлый часъ слушалъ его. Что же онъ отвѣтилъ вамъ? спросилъ я. А вотъ что: можетъ быть, сказалъ онъ, я хорошеенько и не понималъ васъ; не лучше ли бы вамъ изложить ваши мысли на бумагѣ?—Вотъ я теперь и составляю огромную докладную записку. Я

родъ для васъ. Если вы достигнете эту простую истину, то мужички не будутъ по цѣлымъ днямъ съ открытыми головами, переминаясь съ ноги на ногу, стоять предъ вашими „палатами“, ожидая вашего лицезрѣнія. И удивительно, чѣмъ мельче личность, тѣмъ она ставитъ себя выше предъ народною толпою. Всмотривались ли вы, благосклонный читатель моихъ такъ увлекательно излагаемыхъ воспоминаній, всматривались ли вы, спрашиваю васъ, въ высокомерное выраженіе лицъ нѣкоторыхъ начальниковъ желѣзнодорожныхъ станцій? Вотъ такъ и написано на нихъ, на этихъ презрительно-горделивыхъ лицахъ: мы перуны—громовержцы; смотрите на насъ съ достоюльнымъ уваженіемъ; въ противномъ случаѣ не только будутъ переломаны ваши руки, ноги, ребра, но и сами вы съ разможеннымъ тѣломъ и преогорченною душою отправитесь на тотъ свѣтъ!—Есть и на нашихъ пароходахъ непуны, — на мель пароходы съ пассажирами садящіе, скотоподобно на пассажировъ 3 и 4 кл. глядящіе *), бока пароходамъ и пассажирамъ прободающіе, грузы съ грубостію отвергающіе; но эти непуны составляютъ такое ничтожное

посмотрѣлъ на восторженное лицо моего гостя и подумалъ: прошелъ ли у него горячечный бредъ? А графу Павлу Евстафьевичу вѣроятно думалось: не отыщется ли и здѣсь жемчужнаго зерна? Черта въ высокопоставленной особѣ достойная подражанія? Къ сожалѣнію, не все таковы оныя особы. Есть и такія изъ нихъ, что и рта разпнуть не позволяютъ, не вѣдая, что иной разъ и въ грубой оболочкѣ таится глубокая мысль. Не даромъ про русскаго мужичка сложилась поговорка: хоть кафтанъ на немъ и сѣръ; да умъ его не чертъ съѣлъ. Да гдѣ черту съѣсть русскій умъ! Другое дѣло оныя мореходы: они, какъ исторія свидѣтельствуетъ, во все времена покусывали и не перестаютъ кусать доврчивый, рыцарски честный русскій умъ. Но не бѣда; пусть ихъ покусываютъ; какъ ужъ слишкомъ больно будетъ, глядишь, и у русскаго добродушнаго человѣка пайдутся львиные зубы и когти.

*) Извините за неточность выраженія; я хотѣлъ сказать: какъ на скотовъ смотрящіе; но меня прельстило это увѣсистоое нарѣчіе: скотоподобно.

исключение, что если бы я въ свѣихъ воспоминаніяхъ не держался самой строгой логической послѣдовательности,—и не упомянулъ бы о нихъ.

Эта логическая послѣдовательность заставляетъ меня обратиться и къ Обществу состраданія къ животнымъ, на которое я намекнулъ выше. Выколоть глаза у лошади; избить ея голову въ кровь, валожить непомятую тяжесть, подъ которою и подъ тяжелыми ударами—чѣмъ попало—падало животное; мчаться съ грузами во всю прыть, иной разъ на хромыхъ и вообще тощихъ какъ скелетъ лошадяхъ; наконецъ убить вола или лошадь, изнемогшихъ подъ тяжестью груза: эти возмутительныя зрѣлища совершались среди бѣлаго дня нерѣдко на самыхъ людныхъ улицахъ Одессы, и нельзя было не отворачиваться отъ нихъ безъ глубоко потрясеннаго сердца. „На то торговля: говорили нѣкоторые одесситы; если лошадь проработала два мѣсяца, то можно ее убить; она свое заработала“. Когда я побывалъ въ нѣкоторыхъ государствахъ западной Европы и посмотрѣлся на тамошній сытный, здоровый и весело смотрящій рабочій скотъ и на кроткое обращеніе съ нимъ (я не видѣлъ, чтобы хоть легкой ударъ былъ нанесенъ ему); то немедленно по открытіи осеннихъ собраній Общества с. хозяйства представилъ проэктъ объ основаніи Общества состраданія къ животнымъ въ Одессѣ,—этомъ мѣстѣ возмутительной тираніи надъ бѣднымъ рабочимъ скотомъ. Я извѣдалъ за границею, какую огромную пользу принесли тамошнія подобныя общества. На нихъ тамъ смотрѣли и смотрятъ какъ на первую ступень къ смягченію сердца простаго народа, къ искорененію его грубыхъ нравовъ, которые ведутъ къ болѣе тяжкимъ преступленіямъ, чѣмъ жестокое обращеніе съ животными, раздѣляющими труды человѣка или служащими ему другой стороною своей полезности. Мое предложеніе объ основаніи этого Общества нѣкоторыми даже повидимому просвѣщенными членами бы-

ло встрѣчено не только съ холодностію, даже съ улыбающею презрѣніемъ; но большинство членовъ и въ особенности почтенный президентъ Общества графъ М. Д. Толстой поддержали его, и составленный мною уставъ былъ представленъ на утвержденіе. Впрочемъ общества состраданія къ животнымъ и за границею въ началѣ были встрѣчены не только съ недоумѣніемъ и холодностію, но какъ ребяческая затѣя, которая, какъ теперь все сознають тамъ, достигла самыхъ блестящихъ послѣдствій: кроткое обращеніе съ животными воплотилось въ нравы тамошняго народа, и нѣкоторыя изъ обществъ, достигши своей цѣли, закрылись. По открытіи этого общества въ Одессѣ, открылось подобное въ С.-Петербургѣ и, кажется, въ другихъ городахъ Россіи. Дай Богъ, чтобы этихъ благодѣтельныхъ обществъ какъ можно больше развелось въ нашемъ отечествѣ, и особливо желательно, чтобы сознаніе важности кроткаго обращенія съ животными перешло въ сердечное убѣжденіе нашихъ дѣтей. „Если бы, сказалъ одинъ изъ заграничныхъ ревнителей этихъ обществъ, дѣти съ самаго ранняго возраста пріучались кротко обращаться съ животными; то наши тюрьмы не наполнялись бы уголовными преступниками; потому что, какъ показываетъ статистика уголовныхъ преступленій, первая ступень къ нимъ—жестокое обращеніе съ животными въ дѣтскомъ возрастѣ преступниковъ“. Этотъ выводъ статистики особенно должны бы помнить вы, воспитательницы будущихъ матерей, будущихъ воспитательницъ дѣтей. Да, если бы наши матери и начальницы женскихъ учебныхъ заведеній не смотрѣли съ свойственною женскому полу легкомысленностію на это великое дѣло; то, можетъ быть, не появлялись бы у насъ нравственныя уродства во образъ Засуличей и другихъ подстриженныхъ гражданокъ, которыя за непринятіе проповѣдей ихъ непросвѣщенными мужичками готовы и поджечь ихъ бѣдныя жилища со всею ихъ бѣднымъ скарбомъ. По этому

случаю сказалъ бы я и вамъ, пастыри словесныхъ овецъ, назидательное словцо; но отложу его до другаго времени, коротко замѣтивъ: вмѣсто туманно-ученыхъ богословскихъ назиданій, говорите почаще русскому народу о пользѣ и необходимости кроткаго обращенія съ животными и о сокращеніи словаря ругательныхъ словъ, памятуя, что бранное слово родитъ худую мысль и худое дѣло.

Вспомнивши объ Обществѣ состраданія къ животнымъ, не могу умолчать о томъ, что графъ П. Е. Коцебу, при всей многосложности своихъ занятій, принималъ самое живое участіе въ дѣятельности этого Общества.

Однако пора и къ концу приводить мои воспоминанія; но я не могу окончить ихъ, не упомянувши о трехъ почтенныхъ личностяхъ, какъ о достойнѣйшихъ почетныхъ членахъ Общества с. хозяйства южной Россіи: о покойномъ графѣ А. А. Бобринскомъ, графѣ Д. Е. Остенъ-Сакенѣ и Т. С. А. И. Левшинѣ.

Возвышенные, проникнутыя самой искреннею любовью ко всему полезному и прекрасному, особенно же къ рабочему классу людей, качества благороднѣйшей души графа А. А. и его неутомимая просвѣщенная дѣятельность въ области русскаго сельскаго хозяйства извѣстны всѣмъ, знавшимъ графа и слѣдившимъ за его трудами. Памятникъ, воздвигнутый ему, какъ сельско-хозяйственному дѣятелю, принимавшему живое участіе и въ рѣшеніи многихъ государственно-экономическихъ вопросовъ, свидѣтельствуетъ, что дѣятельность покойнаго графа оцѣнена достойнымъ образомъ, и мнѣ остается съ гордостью сказать, что мысль о сооруженіи этого памятника была подана мною, въ рѣчи, сказанной въ экстраординарномъ собраніи Общества, по случаю кончины этого почетнаго и достойнѣйшаго его члена. Съ чувствомъ глубокой благодарности вспоминаю уроки изъ сельско-хозяйственной промышленности, которые преподавалъ мнѣ графъ, сидя со мною за мо-

имъ рабочимъ столомъ, и до сихъ поръ жалѣю, что я не воспользовался приглашеніемъ посѣтить его въ Смѣлѣ.

Графъ Д. Е. Остенъ-Сакенъ постоянно принималъ самое живое участіе въ трудахъ Общества и не мало писалъ въ его Запискахъ такихъ статей, которыя носятъ на себѣ печать и свѣтлаго ума, и глубокой опытности. Желаніе вызвать къ полной дѣятельности производительныя силы Россіи у графа, такъ пламенно любившаго святуя Русь съ ея православною вѣрою, не имѣло границъ. Но чего особенно желала душа этого маститаго ветерана и нашего христолюбивѣйшаго, богатырскаго воинства, и нашей сельско-хозяйственной дѣятельности, — это облѣсенія степей юга Россіи. Патриархъ нашего южно-русскаго лѣсоводства В. П. Сваржинскій въ глазахъ графа Д. Е. представлялся такою высокою и заслуженною личностію, предъ которой всякій русскій человекъ долженъ преклониться до сырой земли. И дѣйствительно такъ. Памятникъ знаменитому лѣсоводу есть дѣло поклонника трудовъ его графа Д. Е. *).

Ни графъ Д. Е. не видѣлъ меня, ни я не имѣлъ чести видѣть его. Но его письма ко мнѣ, преисполненные и добрыми совѣтами, и сердечными пожеланіями, и свѣтлыми взглядами на сельское хозяйство юга Россіи, — для меня составляютъ такое сокровище, которымъ я дорожу, какъ святынею и которое когда нибудь появится на свѣтъ Божій. По выходѣ моемъ изъ Общества графъ прислалъ мнѣ самое укорительное письмо, а поздѣе и свою переписку съ бывшею послѣ меня редакціей Записокъ, не хотѣвшей помѣстить въ журналъ Общества статьи графа о моей дѣятельности. Графъ былъ такъ

*) При открытіи этого памятника была сказана рѣчь пѣкнмъ почетнымъ мужемъ, и мѣстами цѣлкомъ изъ напечатаннаго мною о знаменитомъ лѣсоводѣ. Думаю, что нужно бы было сказать, чѣмъ словами говорить ораторъ. И какъ бы онъ отнесся къ гимназисту, позволившему себѣ подобное списываніе? А онъ, кажется, слѣдилъ за учебнымъ дѣломъ.

огорченъ этимъ отказомъ, что хотѣлъ сложить съ себя званіе почетнаго члена Общества. Не знаю, сложилъ ли. Не домогался я похвалъ; но признаюсь; и меня не могло не опечалить то, что редакція не приняла къ печатанію статьи почетнаго члена Общества. Имѣла ли она какое нибудь право на этотъ отказъ? Не потому ли и мой портфель съ собранными матеріялами былъ закрытъ для Записокъ Общества?

Не рѣдко на всю нашу жизнь имѣють неотразимое вліяніе данный совѣтъ или направленіе въ молодыхъ лѣтахъ. Юность вообще впечатлительна; не даромъ ее сравниваютъ съ воскомъ: печать съ символомъ чести и труда, положенная на этотъ воскъ, долго можетъ сохраняться, если ее не растопитъ пылъ необузданныхъ страстей или не сотрутъ грязныя волны житейскаго моря. Добрый совѣтъ, данный честно, умною и опытною личностію, — данный во время, отъ всего чистаго сердца, съ любовію, долго раздается въ ухахъ молодаго человѣка, воспріимчиваго къ добру (а кто въ молодости не воспріимчивъ къ нему?); этотъ совѣтъ какъ будто преслѣдуетъ его, и онъ боится уклониться въ иную сторону изъ страха оскорбить того, кто далъ совѣтъ, какъ добрый отецъ изъ одного желанія добра своему сыну. Мало-помалу это, если можно такъ выразиться, преслѣдованіе ставитъ молодаго человѣка на извѣстную дорогу, даетъ направленіе его дѣятельности и даже всей жизни. Такъ по крайней мѣрѣ было со мною.

Выслушавши курсъ сельскаго хозяйства, являюсь я въ Саратовскую губернію; мною, какъ молодымъ ученымъ агрономомъ, интересуются, приглашаютъ то въ одно имѣніе, то въ другое, угощаютъ обѣдами и завтраками, по временамъ съ обильнымъ изліяніемъ „холодненькаго“; и Богъ знаетъ, до чего довели бы меня эти разъѣзды и эти пиршества, на которые такъ щедры были наши землевладѣльцы при даровомъ трудѣ. Чувствовалъ я, что еще не сдѣлался отщепенцемъ своей

профессіи и нравственныя мои основы не покачнулись; но я былъ воскъ, изъ котораго сложившіяся обстоятельства могли бы сдѣлать, если не нравственнаго урода, такъ какого нибудь бездѣльника. Сколько отъ незамѣтно сложившихся обстоятельствъ пропадаетъ самыхъ талантливыхъ молодыхъ людей, съ задатками для самой плодотворной дѣятельности, съ сердцемъ пламенѣвшимъ въ юные годы къ одному добру! Счастливъ ты, юноша, если въ твой шаткій, воспріимчивый и увлекающійся возрастъ пошлетъ тебѣ Богъ добраго наставника, и если ты послушаешься его добраго совѣта! Зная плачевную судьбу нѣкоторыхъ изъ тѣхъ, которые такъ роскошно угощали меня, и изъ тѣхъ, съ которыми угощался, я невольно возношусь съ благодарностію къ святому Промыслу и къ тому лицу, котораго совѣтъ долго, долго раздавался въ моемъ сердцѣ и далъ сильный толчокъ на всю мою жизнь: то былъ А. И. Левшинъ. Въ концѣ сороковыхъ годовъ онъ пріѣзжаетъ въ Саратовъ и приглашаетъ меня къ себѣ. Надобно замѣтить, что въ это время я уже пріобрѣлъ маленькую извѣстность въ сельско-хозяйственной литературѣ. Алексѣй Иракліевичъ долго и не разъ бесѣдовалъ со мною. Кто знаетъ Алексѣя Иракліевича, его свѣтлый умъ, его обаятельные приемы, его взглядъ, въ которомъ отражаются вся теплота и полнота его добраго и благожелательнаго сердца; тотъ пойметъ, почему эта почтенная личность произвела на меня такое глубокое, такое неотразимое впечатлѣніе. Весь совѣтъ Алексѣя Иракліевича можно выразить въ слѣдующихъ короткихъ словахъ: надобно трудиться честно; человѣкъ созданъ на трудъ; безъ труда онъ погибнетъ. Въ частности А. И.-чъ совѣтовалъ мнѣ изучать край, изучать мѣстную практическую сторону с. хозяйства и передавать свои наблюденія во всеобщую извѣстность, такъ какъ мы не знаемъ нашего отечества, особливо его основной промышленности. Я сосредоточился, и въ первые лѣтніе каникулы отправился по

Аткарскому (во многихъ отношеніяхъ замѣчательному) увѣду Саратовской губерніи; составилъ записку (до 50 л.) моихъ наблюденій, которую къ сожалѣнію не кончилъ и не издалъ въ свѣтъ по случаю перевода меня въ Одессу. И здѣсь А. И-чъ нашель меня, въ первый годъ (1851) моего прибытія на югъ Россіи. Для дорогаго гостя, еще и понынѣ живущаго въ доброй памяти у гражданъ г. Одессы, бывший инспекторъ с. хозяйства покойный Д. Н. Струковъ (замѣчу, онъ былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ Общества с. хозяйства) давалъ обѣдъ, на который были приглашены представители мѣстной власти и городского общества. А. И-чъ посадилъ меня около себя, и такъ какъ моей маленькой личности никто не зналъ, то многіе невольно смотрѣли на меня съ вопросомъ: что это за молодой человекъ, удостоившійся такой чести? Подъ конецъ обѣда дорогаго гостя Одессы сказалъ: гг., приласкайте и полюбите молодаго человека, сидящаго около меня; я увѣренъ, что онъ будетъ полезенъ краю.— Скажите: можно ли было не трудиться послѣ такихъ словъ? и можно ли мнѣ забыть дорогаго наставника? *)

Еще разъ повторю: счастливъ молодой человекъ, если Богъ пошлетъ ему (но кому онъ не посылаетъ?) мужа совѣта и если онъ, не надѣясь на свои, рѣдко обманчивыя силы, съ полнымъ довѣріемъ положится на совѣтъ посланнаго ему мужа совѣта и житейской мудрости. Надежда на свои силы, увѣренность въ непогрѣшимость своихъ убѣжденій, мнѣніе, что все старое или созрѣвшее выжило изъ ума, рѣдко доводятъ до добраго исхода или конца. Одно ужъ здѣсь неизбѣжно: подобнымъ молодымъ людямъ приходится многое начинать, какъ говорится, съизнова, дѣлать то, что уже давно

*) Еще до печатанія этихъ строкъ я узналъ изъ газетъ о смерти А. И. Левшина. Не прочтеть онъ моихъ строкъ; но не съ этою цѣлю и написаны онѣ. Здѣсь говорило мое благодарнѣйшее сердце къ незабвенному для меня наставнику и мужу глубокаго ума.

сдѣлано другими; а такой процессъ постоянныхъ „начинаній“ естественно долженъ замедлять ходъ трудовой жизни человека. Пресметственность — вотъ что сдѣлало изъ человѣчества человѣчество.

Пожалуй, нѣкоторые скажутъ и такъ: бывший секретарь Общества с. хозяйства много думаетъ о себѣ; онъ воображаетъ, что данный ему совѣтъ сдѣлалъ изъ него какагонибудь виднаго дѣятеля *). Не подсказывайте мнѣ этой мысли; я самъ знаю себя. Но скажу одно: данный совѣтъ сдѣлалъ изъ меня человека труда; а что я трудился, — этого никто оспорить не можетъ. Не гениями движется человѣчество въ области своего ума, науки и промышленности; эту великую и многосложную машину приводятъ въ движеніе люди среднихъ силъ **), но люди честно относящіеся къ труду. И если бы мы все честно относились къ своимъ обязанностямъ или трудамъ, — сошла бы на нашу планету благодать неба, и не избрѣлъ бы родъ людской ни коммунизма, ни социализма, — этихъ порожденій зависти, праздности, ребяческаго легкомыслія, которыя, увы! какъ опытъ показываетъ, требуютъ самыхъ кровавыхъ жертвъ и готовы потрясти все основы общественной жизни; и съ какою цѣлю? — Чтобы жить на счетъ труда другихъ.

*) Можетъ быть, я сдѣлалъ бы что нибудь и повиднѣе; но до 16 лекцій въ двухъ учебн. заведеніяхъ въ недѣлю, приготовленіе матеріаловъ для Записокъ, корректура; отписка и составленіе различныхъ докладовъ по должности секретаря и т. д. все это поглощало много времени. А собесѣдованія съ хозяевами? Пресв. Иннокентій не разъ говорилъ мнѣ, будто я работаю за десятерыхъ. Страннымъ не покажется, если я скажу, что не читалъ политическихъ газетъ, думая, что этимъ ремесломъ есть кому и безъ меня заниматься. Былъ ли я разъ двадцать въ театрѣ и концертахъ? не знаю. Но отъ хорошихъ обѣдовъ съ добрымъ виномъ никогда не отказывался. Обѣдъ, вино, умная бесѣда за ними животворятъ духъ.

**) Смотри „Самодѣтельность“ С. Смэйлса.

VI

Черты изъ настоящаго южной окраины Россіи.—Дерзаю приподнять край завѣсы, скрывающей будущность этого края. — Не совѣтъ, но искреннѣйшее пожеланіе южно-русскимъ хозяевамъ отъ бывшаго секретаря Общества с. хозяйства.—Я уклоняюсь въ сторону, но съ благонамѣренною дѣлюю.

Проживши около 30 лѣтъ на южной окраинѣ Россіи и теперь волею судьбы отодвинувшись отъ нея на сѣверъ, я невольно обращаюсь къ ней, этой окраинѣ, гдѣ сводъ небесный такъ привѣтливъ своею нѣжною, непроглядною лазурью, гдѣ, то шумя, свободно волнуетъ, то, затаивши дыханіе, отлиываетъ волшебнымъ серебромъ необозримая синева моря; гдѣ, если не такъ продолжительнъ зеленый, цвѣтистый коверъ на широкихъ, теплыхъ *) степяхъ, за то и нѣтъ того снѣжнаго покрывала, который въ теченіи 5 — 6 мѣсяцевъ, валяется, способенъ обледенить всѣ силы духа. Великое дѣло привычка!

Я простился съ Обществомъ сельскаго хозяйства южной Россіи и позволилъ себѣ указать ему, вступившему въ новое пятидесятилѣтіе, на широкое поле новой дѣя-

*) Пр. Иннокентій называлъ лѣтній воздухъ степей „соломеннымъ“ и находилъ неизяснимое, какъ онъ говорилъ, удовольствіе вдыхать его своею широкою грудью. Я нахожу это названіе очень мѣткимъ. Дѣйствительно, въ то время, когда подкосятся травы и пойдетъ уборка хлѣбовъ, въ степяхъ вѣетъ какимъ то особеннымъ воздухомъ: вы чувствуете и ароматъ сѣна, и легкій, теплый запахъ соломы. И кто любитъ сельскую жизнь, тотъ пойметъ, что за наслажденіе вдыхать въ себя этотъ воздухъ, и не промѣняетъ его на обѣ наши столицы со всѣмъ ихъ блескомъ и тлетворными миазмами.

тельности; но мнѣ хотѣлось бы указать на прощаніе нѣсколько словъ и южной окраинѣ, для которой по мѣрѣ моихъ не богатыхъ силъ трудился, которую не перестаю любить всею полнотою моего сердца и радоваться широкому и быстрому развитію ея производительныхъ силъ. Да, югъ Россіи представляетъ собою самое утѣшительное явленіе въ нашемъ необъятномъ отечествѣ. Сознаю, что очень умѣстно было бы выразить въ цифрахъ поступательное движеніе впередъ южной окраины Россіи; но для этого нѣтъ у меня подъ руками средствъ, и я не могу удовлетворить требованіямъ настоящаго времени, вѣрящаго только въ однѣ цифры, хотя мимоходомъ не могу не замѣтить, что въ старое доброе время, когда мы менѣе умѣли считать, менѣе было воровства, по крайней мѣрѣ крупнаго. Но и безъ цифръ никто не усумнится въ быстромъ и широкомъ развитіи производительныхъ силъ юга Россіи, и, пожалуй, невольно поставитъ вопросъ: такъ ли эти силы будутъ развиваться и на будущее время; или югъ Россіи достигши настоящаго возраста, будетъ склоняться къ старости? Другими словами: желалось бы приподнять хоть край того занавѣса, который скрываетъ отъ насъ будущность южной части Россіи. „Мнѣ не дано видѣніе пророка“; но не отказываюсь поворожить хоть, какъ говорится, на бобахъ *).

Я полагаю, что югъ Россіи старѣеть; но съ другой стороны вѣрю, что онъ еще владѣетъ такимъ запасомъ силъ, которыхъ хватитъ не на одну сотню лѣтъ—сыпать изъ благодатныхъ нѣдръ своихъ громадныя массы

*) Ворожба на картахъ, какъ свидѣлствуютъ историческіе документы, вѣряще; но я на нихъ ворожить не умѣю, зная только одну игру „въ дурачки“. Замѣчательно, что эта игра самая народная въ Россіи. У народа есть дивное чутье. Не оно ли словомъ „дурачки“ подсказало русскимъ людямъ, что карты сдѣлаются такою повальною болѣзнію русскихъ грамотныхъ людей, которая усмиритъ ихъ умственные силы, т. е. одурачитъ ихъ?..

кукурузы, пшеницы, ячменя и ржи. Здѣсь не мѣсто входить въ подробное разсматриваніе тѣхъ морщинъ, которыя обличаютъ наступившій старческій возрастъ этой окраины, и я укажу на нихъ только въ общихъ чертахъ.

Во первыхъ южная окраина старѣетъ своими климатическими условіями. Чтобы повѣрить этому, не нужно прибѣгать ни къ метеорологическимъ даннымъ (которыя, по замѣчанію, если не ошибаюсь, знаменитаго Араго, и не имѣютъ здѣсь особаго значенія), ни къ „преданію старины глубокой“, (которой во всякомъ случаѣ при рѣшеніи подобныхъ вопросовъ пренебрегать не слѣдуетъ), а довольно спросить свѣжую людскую память, и она положительно скажетъ, что въ послѣднее пятидесятилѣтіе климатъ этого края измѣнился къ худшему, что выражается въ усиленнѣйшихъ жарахъ лѣта, въ меньшемъ количествѣ водяныхъ осадковъ, въ большей суровости зимы и въ болѣе быстрыхъ переходахъ отъ тепла къ холоду и отъ холода къ теплу. Мы здѣсь не будемъ вдаваться въ подробности и покажемъ, что приведенныхъ нами данныхъ въ ст. „Измѣнился ли климатъ юга Россіи?“, „Права на лѣсъ“ и др. достаточно, чтобы ознакомиться съ столь важнымъ вопросомъ. Здѣсь же повторимъ только то, что признается несомнѣннымъ первостепенными учеными: если измѣняется покровъ земли даннаго края или страны, то измѣненія въ климатѣ неизбѣжны. А измѣнился ли этотъ покровъ на югѣ Россіи? Измѣнился, во первыхъ, въ слѣдствіе истребленія огромныхъ лѣсныхъ пространствъ въ сосѣднихъ съ нимъ краяхъ (Бессарабіи, Подоліи, Волыни, Кіевской губ. и др.); во вторыхъ въ слѣдствіе уничтоженія высокорослой, густой травцой растительности, которая въ извѣстныхъ предѣлахъ играла, въ климатическомъ отношеніи, роль лѣснаго покрова: она удерживала влагу (снѣговую и дождевую) и препятствовала разгоряченію почвы. Я думаю, что лучшимъ мѣ-

риломъ измѣненія климатическихъ условій можетъ быть поставлено уменьшеніе или увеличеніе открытых и грунтовыхъ водъ, по крайней мѣрѣ для извѣстныхъ краевъ или странъ. Если эти воды въ данной мѣстности убавились или исчезли, или если масса ихъ увеличивается только періодически, въ сравненіи съ прежнимъ временемъ; то отсюда неперемѣнно слѣдуетъ заключить если не объ уменьшеніи водяныхъ осадковъ, то о неравномѣрномъ распредѣленіи ихъ по временамъ года; а за симъ послѣдуетъ выводъ о подобномъ же неравномѣрномъ распредѣленіи теплоты по временамъ года и частнѣе объ усилившейся сухости лѣта. Что проточныхъ и грунтовыхъ водъ на югѣ Россіи стало меньше, на это есть множество неоспоримыхъ свидѣтельствъ, (которыя отчасти собраны въ моихъ вышеупомянутыхъ статьяхъ и въ статьяхъ покойнаго Д. Н. Струкова, помѣщенныхъ въ Запискахъ Общества с. хозяйства южной Россіи). Но людская память повсемѣстно и притомъ положительно говоритъ, что югъ Россіи въ прежнія времена не страдалъ такъ отъ бездождія, продолжительныхъ засухъ и зимнихъ холодовъ, какъ страдаетъ теперь. Приведу здѣсь одинъ фактъ, который при всей своей кажущейся ничтожности имѣетъ весьма важный смыслъ. Назадъ тому лѣтъ 40 или около того, на бывшей фермѣ Общества (въ окрестностяхъ Одессы) росъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ такой картофель, что бывший директоръ фермы г. Изваръ приносилъ его въ Общество или къ князю М. С. Воронцову какъ рѣдкость: шишки картофеля были сочны и величиной чуть не съ дѣтскую головку. Тѣперь въ окрестностяхъ Одессы почти нельзя разводить этого овоща: онъ вырастаетъ въ величину грецкаго орѣха и чаще всего въ іюль или августъ изваливается въ землѣ, до выкопки его. На этотъ разъ я имѣю собственный пятилѣтній опытъ.

Старость выражается или оскудѣніемъ силъ, или лишеніемъ извѣстныхъ частей тѣла; напр. въ человѣче-

скомъ родѣ у стариковъ то появляются плѣшины *) то наступаетъ беззубіе **). Оскудѣли ли поля юга Россіи? не потеряли ли они своей природной тучности? Если каждый урожай хлѣба или травы уносить съ собою извѣстную часть минеральнаго состава почвы, и если унесенныя частицы не возвращаются полю въ видѣ извѣстныхъ туковъ; то нѣтъ сомнѣнія, что поля юга Россіи сдѣлались менѣе тучными въ сравненіи съ ихъ первобытнымъ, дѣвственнымъ состояніемъ. Но не одни снимаемые съ нихъ хлѣба и травы содѣйствовали къ истощенію почвы; здѣсь едва ли небольшое значеніе имѣетъ рыхленіе (обработка) земли, которое, по ученію знаменитаго Либиха, въ свою очередь способствуетъ къ изытію изъ почвы извѣстныхъ плодотворныхъ частицъ. А это рыхленіе въ послѣднее время достигло на югѣ Россіи самыхъ широкихъ размѣровъ. Я здѣсь разумю наши обширныя запашки, расширенію которыхъ такъ способствовало уничтоженіе крѣпостнаго труда; теперь, какъ извѣстно, поселяне засѣваютъ несравненно болѣе, чѣмъ прежде; да и помѣщики, въ слѣдствіе тяготѣющихъ на нихъ долговыхъ обязательствъ, стараются поправить свои дѣла, не уменьшаяютъ посѣвовъ. И такъ рыхленіе земли, т. е. уменьшеніе ея плотности, уничтоженіе на ней вѣковаго дернистаго покрова, — рыхленіе въ самыхъ широкихъ размѣрахъ въ сравненіи съ запашками прежняго времени (20—30 лѣтъ назадъ), — это фактъ, который, кромѣ приведеннаго замѣчанія Либиха, для юга Россіи имѣетъ особенное значеніе. Степи этого края не защищены отъ вѣтровъ и притомъ имѣютъ, отъ прорывающихся ихъ многочисленныхъ балокъ, густо-волнистый видъ: это обстоятельство неизбѣжно должно ускорять истощеніе почвъ. (Но меньшей волнистости степей Заволжья, туки ихъ болѣе застрахованы). Да, если

*) Онѣ появляются и у молодыхъ, но чаще отъ другихъ причинъ. «За беззаконія твоя дадеся плѣшь на главу»: замѣчаетъ Премудрый.

**) Нерѣдко и у молодыхъ отъ той же беззаконной жизни.

бы возможно было исчислить, сколько плодороднѣйшихъ частицъ уносится съ полей водами и вѣтрами; то мы, можетъ быть, нашли бы такую величину потери, которая превосходитъ величину потери ихъ чрезъ снятіе хлѣбовъ и травъ. Одно по крайней мѣрѣ не подлежитъ и малѣйшему сомнѣнію, что къ нашему хищничеству присоединяется хищничество и другихъ непрошенныхъ хищниковъ во образѣ безпрепятственно носящихся вѣтровъ и также безпрепятственно стекающихъ снѣговыхъ и дождевыхъ водъ, которые, т. е. эти хищники, во всякомъ случаѣ то механически, то химически уносятъ громадную массу плодородныхъ туковъ земли, особливо столь цѣннаго и въ физическомъ отношеніи перегноя. Вотъ здѣсь особенно важное значеніе имѣли бы для нашихъ полей густыя живыя изгороди. Я полагаю, что если на долю человѣческаго хищничества выпадаетъ похищеніе изъ земли фосфорныхъ солей (очень цѣнныхъ для растений и во всякомъ случаѣ рѣдкихъ въ почвѣ); то на долю другаго хищничества (воды и вѣтровъ) достается удаленіе изъ почвы мельчайшихъ органическихъ веществъ (перегноя). Какъ бы то ни было, но не подлежитъ сомнѣнію, что оскудѣніе силъ земли, т. е. ея плодородія уже чувствуется югомъ Россіи, какъ оно чувствуется и другимъ его сверстникомъ — нѣкоторыми краями Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Стало быть, здѣсь признаки старости несомнѣнны.

Посмотримъ на другой признакъ, выражающійся въ потерѣ извѣстныхъ органовъ или частей тѣла. Я не могу безъ болѣзни сердца смотрѣть на этотъ признакъ старости благодатнаго юга Россіи, тѣмъ болѣе, что указанныя нами потеряныя силы могутъ въ извѣстной степени возобновиться; но возстановить потеряныя части или совершенно не подъ силу человѣку (напр. облѣсеніе мѣловыхъ горъ, или голыхъ гранитныхъ скалъ, лишившихся лѣса и т. п.), или возстановленіе ихъ обойдется чрезмѣрно дорого. Что же это за органы, кото-

рые потерины югомъ Россіи? Это—лѣсъ. Не много его было въ степныхъ равнинахъ, когда на нихъ водрузилось знамя русскаго владычества; (въ отдаленнѣйшія времена онѣ сплошь покрывались лѣсами, что мы старались доказать въ одной изъ своихъ статей); но и этотъ остатокъ нѣкогда мощной лѣсной растительности исчезъ. Не много безцѣннаго лѣснаго покрова остается и въ Бессарабіи, и въ нашей дивной, единственной въ своемъ родѣ горной части Крыма, которая скоро, скоро превратится въ безжизненную горно-каменную холмистость. Со времени нашего владычества въ Крыму степи полуострова вѣлись въ лѣсной горный кряжъ въ общей сложности вереть на 15; а сколько лѣсу осталось внутри кряжа? Люди говорятъ: почти ничего не осталось. Конечно это говорится по сравненію съ тѣмъ, что было еще на людской памяти, т. е. назадъ тому 50—70 лѣтъ. Бессарабія подверглась едва ли не горшей участи; но здѣсь въ добавокъ истребленіе лѣсовъ шло и идетъ несравненно скорѣе. Та же участь ожидаетъ Подолію и Волынь, гдѣ уничтоженіе лѣснаго покрова пойдетъ еще скорѣе: этому варварскому хищничеству помогутъ сахарные заводы и желѣзныя дороги. Бессарабія назадъ тому 40—50 лѣтъ не знала неурожаевъ и отличалась обиліемъ проточныхъ и грунтовыхъ водъ; теперь она становится сродни степямъ Новороссіи, съ которой скоро породнятся и Подолія, и Волынь, и Украина,—породнятся благодаря безчестному браку съ сахароварами, желѣзнодорожниками и съ тѣми злостными барышниками, которые, лишившись своего отечества, успѣли весь христіанскій міръ опутать своими сѣтями; и эти сѣти особенно отзываются своею тяжестью на землевладельцахъ и лѣсовладельцахъ, болѣе вѣрующихъ въ Бога и правду, чѣмъ въ людскую кривду. Намъ нужно сознаться, что едва ли есть еще на бѣломъ свѣтѣ такіе хищники, какъ мы русскіе, съ своею эпикурейскою школою, для которой существуетъ одно настоящее. Куда мы

ни явимся, куда ни простремъ свое владычество, однимъ мы ознаменуемъ себя: уничтоженіемъ или расхищеніемъ драгоценныхъ даровъ природы и внесеніемъ своей люты зимы—какъ слѣдствіе этого расхищенія. Крымъ почти не зналъ зимы и тамъ (напр. въ Феодосіи), гдѣ ограничивались одними каминами, а потолки дѣлали изъ драни съ обмазкою ихъ, теперь строятъ настоящія русскія печи и двойные потолки, потому что морозы стали доходить до 15—20° р. Очевидно, что въ означенныхъ нами краяхъ, въ слѣдствіе усилившихся холодовъ и увеличившагося народонаселенія, истребленіе лѣсовъ пойдетъ еще быстрѣе. И тебя, Кавказъ, дивное созданіе природы, облитое отъ вершинъ твоихъ исполинскихъ горъ до пропастей земныхъ драгоценною русскою кровью, ждетъ та же печальная доля: исчезнуть твои дѣвственные лѣса съ твоею благодатною, чуть не вѣчною весною! Уже тамъ, (напр. въ Ставропольской губ. и Кубанской обл.), гдѣ водворилась русская осѣдлость, вмѣсто лѣсовъ явились широкія степи. Слышно, что одинъ извѣстный русскому міру своею всеобъемлющею головою, въ которой постоянно роются разнообразнѣйшіе прозрѣты, какъ пчелы въ ульѣ, уже продаетъ орѣховые лѣса Кавказа, конечно англичанамъ, которые умѣютъ щедро награждать за выгодное дѣло *).

Но кто изъ насъ, при дарованномъ **) правѣ хозяйничать по своему усмотрѣнію, о нашемъ расхищеніи сокровищъ природы думаетъ? кому изъ насъ охота заглянуть въ страшную будущность, которая по истребленіи лѣсовъ,

*) Носились слухи, что эта всеобъемлющая голова сама покупала или предлагала 300 т. за орѣховый лѣсъ; а англичане обѣщались дать 700 т. Куртажъ хорошій. Но мы должны радоваться и тому, что онъ попадетъ въ русскія руки; еще болѣе порадуемся, если эта афера не состоится; если же состоится, то, можетъ быть, съ обезпеченіемъ дальнѣйшаго существованія лѣса.

**) Такою щедрою рукою, которой мы, по дѣтскимъ своимъ возрѣніямъ, къ сожалѣнію не оцѣнили.

выразится въ перемѣнѣ къ худшему климату, въ недостаткѣ топлива и въ уменьшеніи водъ, хотя на это бѣдствіе и указывалъ міровой мыслитель — Гумбольдтъ. Нашему хозяйничанію данъ полный просторъ, невѣдомый даже на западѣ Европы, и мы хозяйничаемъ, т. е. спѣшимъ размотать то, что добыто нашею кровью и добыто, конечно, не для себя однихъ, но и для нашего потомства.

Наши дровяные лѣса главнымъ образомъ истребляются на топливо. Тамъ, гдѣ нѣтъ другаго горючаго матеріала, одного остается желать—обязательнаго введенія правильной рубки. Но тамъ, гдѣ есть торфъ или подъ бокомъ находятся богатѣйшія залежи минеральнаго топлива, котораго, напр. на югѣ Россіи, по изслѣдованіямъ ученыхъ людей на 1000 лѣтъ достанетъ на цѣлую Европу, — употребленіе торфа и минеральнаго топлива должно бы быть обязательнымъ. Но увы! мы не вмѣнили этого обязательства въ непремѣнное условіе даже строителямъ нашихъ желѣзныхъ дорогъ, нажившихъ себѣ милліоны. И вотъ послѣдствія: тамъ, гдѣ прошли наши дороги, внесено и опустошеніе въ лѣса, а между тѣмъ нѣкоторыя изъ этихъ дорогъ проходятъ по нестоимымъ или богатымъ залежамъ торфа и каменнаго угля. Другое обязательство должно бы существовать для строителей нашихъ желѣзныхъ дорогъ—это обсадка ихъ живыми изгородами отъ снѣжныхъ заносовъ; но мы и этого не сдѣлали, и вотъ истребляемъ массу лѣснаго матеріала на щиты, которые гниютъ и требуютъ новыхъ жертвъ со стороны лѣса. На эти щиты мы преимущественно употребляемъ наши хвойныя породы, существованіе которыхъ въ среднихъ частяхъ Европейской Россіи скоро перейдетъ въ преданіе.

Глядя на все это, право невольно скажешь: мы бездомники, и для насъ, для отечества, которое мы величаемъ дорогимъ, повидимому будущности не существуетъ. Но обратимся къ южной окраинѣ Россіи.

Едва ли послѣ выставленныхъ нами признаковъ можно подлежать сомнѣнію, что эта окраина начала старѣть; но повторимъ, поля ея богаты такимъ природнымъ тукомъ, что его станетъ не на одну сотню лѣтъ для воздѣлыванія кукурузы, пшеницы, ячменя и т. п., хотя не лѣзя сказать, что будутъ повторяться прежніе баснословно—обильные урожаи, и чѣмъ дальше, тѣмъ урожаи безъ прибавленія новыхъ туковъ (а не оставленіе земли подъ залежь, чрезъ что умноженіе питательныхъ частицъ не увеличивается), въ числѣ которыхъ удобреніе костями и фосфатами должно занять первое мѣсто, будутъ скуднѣе и, думаемъ, посѣвы ограничатся только избранныйшими растеніями, среди которыхъ кукуруза займетъ первое мѣсто, за нею пшеница и ячмень. Не безъ основанія полагаемъ, что воздѣлываніе льна, этого прибыльнѣйшаго и въ настоящее время занимающаго большія пространства земли растенія, сравнительно въ непродолжительномъ времени перейдетъ въ область преданія. Воздѣлываніе винограда также въ будущемъ займетъ одно изъ видныхъ мѣстъ, особливо въ Крыму и на югѣ Бессарабіи. Къ этому можемъ присоединить и то, что многочисленныя стада нашего тонкоруннаго овцеводства неизбѣжно должны сократиться: овцы этой породы будутъ разводиться въ несравненно меньшей численности, но съ длинношерстнымъ типомъ, къ чему въ южно-русскихъ овчарныхъ заводахъ уже и приступлено, благодаря легкой руки Мерцаллова, Абазы, Филиберта, бр. Мазаевыхъ и др. Мы не сомнѣваемся, что и шелководство, которому все благопріятствуетъ на югѣ Россіи, со временемъ составитъ очень значительную статью доходности среди поселянъ. Думаемъ, если до сихъ поръ оно не приурочилось здѣсь (за небольшими исключеніями), то этому мѣшали два обстоятельства: надежда, оправдывавшаяся и самымъ дѣломъ, на обильный урожай пшеницы, которой одна десятина не рѣдко давала поселянину 100 и болѣе руб.

чистаго дохода; второе обстоятельство — это общинное владѣніе, которое вообще служить самую большюю помѣхою къ развитію среди нашего народа лѣсоразведенія, садоводства и огородничества.

Мы видимъ и другую будущность для южной окраины Россіи—это развитіе въ самыхъ широкихъ размѣрахъ заводско-фабричной промышленности. Обиліе желѣзныхъ рудъ и минеральнаго топлива, продолжительность тепла и солнечнаго для работъ времени года, сгустившееся народонаселеніе, уничтоженіе общиннаго владѣнія землею и другія обстоятельства, рано или поздно перенесутъ центръ этой промышленности на югъ Россіи. Когда у насъ вводилась всесловная воинская повинность, изъ-за которой хотѣли переселиться въ Америку поголовно всѣ наши образцовые, трудолюбивые менониты, бросивши свои образцово-устроенныя усадьбы, которыя составляютъ съ своими лѣсками и садами истинное украшеніе южно-русскихъ степей, — мнѣ думалось, почему бы не помириться здѣсь такъ: основать одинъ или два завода въ колоніяхъ менонитовъ для выдѣлки на нихъ (заводахъ) разнаго рода оружія и другихъ военныхъ принадлежностей; рабочихъ же брать на нихъ изъ подлежащихъ отбыванію воинской повинности колонистовъ не только сектантовъ менонитовъ, но и другихъ вѣроисповѣданій. Срокъ отбыванія воинской повинности можно бы было продолжить и за десять лѣтъ. Въ рукахъ честныхъ и трудолюбивыхъ нашихъ нѣмцевъ эти заводы скоро были бы поставлены на высокую степень совершенства, и у насъ образовался бы среди ихъ превосходный цехъ мастеровыхъ. Но эти заводы въ свою очередь послужили бы къ открытію другихъ желѣзно-стальныхъ фабрикъ и къ водворенію на югъ Россіи такъ называемой кустарной промышленности, столь желаемой для нашего отечества; потому что едва ли нашъ народъ выйдетъ изъ полубѣднаго своего состоянія, оставаясь при одномъ сельскомъ

хозяйствѣ. Да, есть ли возможность разбогатѣть народу, у котораго 50 или болѣе миллионъ рабочихъ рукъ, благодаря продолжительности зимняго времени и промежуткамъ между полевыми работами, едва ли не цѣлыхъ полгода пропадаетъ внѣ производительнаго труда? И удивительно ли, что западъ Европы наводняетъ насъ своими заводско-фабричными произведеніями; за которыя мы платимъ миллионы рублей, и въ числѣ этихъ произведеній сколько такихъ, которыя могли бы быть достояніемъ нашей кустарной промышленности. Теперь въ нашей литературѣ то и дѣло появляются статьи о новомъ надѣлѣ нашихъ поселянъ землею; не лѣзя не видѣть въ этихъ твореніяхъ и заднихъ мыслей, модныхъ въ кругу завязатаго космополитизма. Согласимся, надѣлимъ поселянъ, въ ущербъ другой собственности, съ нарушеніемъ священныхъ на нее правъ, — двойнымъ количествомъ земли; но что будемъ дѣлать по прошествіи 25—50 лѣтъ, когда опять у поселянъ останется мало земли? Подѣлить между ними и тѣ частныя земли, которыя остались послѣ перваго надѣла? Конечно, скажутъ, такъ. Ну если такъ, то и плодить рѣчи не стоитъ. А по нашему мнѣнію, слѣдовало бы всѣ мѣры употребить — развить въ народѣ разнаго рода мастерства; только при побочныхъ заработкахъ сельское населеніе можетъ обезпечить свой бытъ; только тогда оно можетъ быть производительнымъ, когда не станетъ по полгода сидѣть сложа руки, отъ мала—до велика. Сочтите только потери производительныхъ силъ дѣтей нашего средняго и низшаго слоя народа: до 12 лѣтъ эти дѣти почти ничего не дѣлаютъ, особливо въ зимнюю пору. Въ Англіи, Германіи и Франціи они, просвѣщаясь грамотою, не сидятъ сложа руки въ свободное отъ нея время.

Обращаясь снова къ сельской промышленности юга Россіи, мы еще прибавимъ нѣкоторыя черты, въ которыхъ рисуется намъ ея будущность.

Что ожидаетъ наши крупныя имѣнія, напр. тѣ, въ которыхъ считаются десятины не сотнями, а тысячами? Если на земляхъ этихъ имѣній не увеличится народонаселеніе, то они или раздробятся, или не дробясь перейдутъ въ другія руки. Одно спасеніе для нихъ—завести хуторскія хозяйства, а для этого нужно или отдавать земли извѣстными участками на возможно-продолжительнѣйшее число лѣтъ (25—50 и болѣе) общинамъ поселянъ; или поступиться даннымъ количествомъ земли въ даровую собственность подъ усадьбы, а остальную землю отдавать по найму. Къ подобному пользованію землею уже приступлено на югѣ Россіи (отдача земли такъ называемымъ десятинщикамъ); но прочная осѣдлость и прочная доходность отъ имѣній могутъ обуславливаться только однимъ: или возможно длиннѣйшимъ аренднымъ срокомъ, или даровой уступкою земли подъ усадьбы, и притомъ, какъ выше сказано, общинамъ; потому что только община можетъ обуславливать доходность имѣнія и вѣрность платежей за пользование землею, — община, прикрѣпленная къ землѣ. Другаго исхода, по нашему крайнему разумѣнію, для крупныхъ землевладѣльцевъ не можетъ быть. Конечно, они и сами могутъ хозяйничать, но только на ограниченныхъ участкахъ земли, безъ обширныхъ посѣвовъ „во-бангъ“, т. е. они должны вести такъ называемое интенсивное хозяйство, пролагая пути къ извѣстнымъ улучшениямъ въ области с. хозяйства.

Скажутъ: что же за бѣда, если земли раздробятся, или не раздробляясь перейдутъ въ другія руки? Во первыхъ нельзя не желать, чтобы крупныя имѣнія остались въ цѣлости; владѣльцы ихъ извѣстнаго рода краугольные камни, которые даже въ политическомъ или общественномъ составахъ имѣютъ очень важное значеніе. Но особенно важно ихъ значеніе въ отношеніи къ сельскому хозяйству, усовершенствованіе и развитіе котораго, какъ опытъ показываетъ, возможно для круп-

ныхъ землевладѣльцевъ, чѣмъ для мелкихъ, такъ какъ первые, владѣя большими средствами, могутъ приносить и большія жертвы для этой промышленности, чѣмъ послѣдніе. Сосредоточеніе поземельной собственности въ немногихъ рукахъ въ Англіи, доведенное до крайности и имѣющее, въ слѣдствіе этой крайности, свои худыя стороны, между прочимъ сильно пособило тому, что сельское хозяйство этой страны достигло такого цвѣтущаго состоянія, котораго нѣтъ въ другихъ краяхъ ни Стараго Свѣта, ни Новаго. Едва ли можно сомнѣваться, что при дробленіи земли на мелкіе участки, многія песчаныя равнины, каменистыя холмистости и пространства топкихъ торфяниковъ—однимъ словомъ тѣ отъ природы бесплодныя почвы, которыя нѣкогда покрывали большую половину Великобританскихъ острововъ,—не превратились бы въ тучныя поля и роскошныя луга съ выкармливаемымъ на нихъ лучшимъ во всемъ мірѣ скотомъ—во всѣхъ его видахъ, если бы владѣльцы ихъ не затратили громаднѣйшихъ капиталовъ на исправленіе непроизводительныхъ почвъ, на изумительное для насъ улучшеніе своего скотоводства, на введеніе или усовершенствованіе сельско-хозяйственныхъ орудій и машинъ и т. д. Подобныхъ громаднѣйшихъ капиталовъ и предполагать нельзя въ средѣ поселянъ. Скажемъ къ слову. Уничтоженіе у насъ крѣпостнаго труда, составившее міровую блестящую славу настоящаго славнаго царствованія и вѣковую гордость доблестнаго русскаго дворянства, — по очень естественному порядку вещей должно было невыгоднымъ образомъ отразиться на нашей сельской промышленности, остановить ее на пути совершенствованія, конечно на время; но какъ продолжительно будетъ это время застоя? Правда, мы едва ли не больше стали производить, но не болѣе ли усилился и хищническій способъ хозяйничанья?

Во вторыхъ, здѣсь, т. е. въ нашемъ взглядѣ на крупныя имѣнія южной Россіи вотъ вопросъ: раздробившись,

или въ цѣломъ составѣ—въ чьи руки перейдутъ эти и мѣнія?—Въ руки сыновъ израилевыхъ, какъ это становится теперь въ обычаѣ? Не желательно, потому что съ переходомъ въ эти руки неизбежны эксплуатація поселянства и самый хищническій родъ хозяйничанья.—Въ руки кулаковъ—русскихъ купцовъ? Мы видимъ, какъ хищнически они хозяйничаютъ въ степяхъ Заволжья и какъ тяжело ихъ хозяйничанье отзывается на рабочемъ людѣ. Сбереженіе туковъ и улучшенія с. хозяйственной промышленности въ рукахъ этихъ хозяевъ не мыслимы. Ихъ кругозоръ слишкомъ тѣсенъ; для нихъ существуетъ только настоящее—нажива. Это кулачничество по своимъ воззрѣніямъ близко подходитъ къ воззрѣніямъ пріемышей русской земли, вышерѣченнымъ сынамъ израилевымъ.—Въ руки нѣмцевъ, которые и теперь уже владѣютъ на югѣ Россіи обширными землями?—Руки эти трудолюбивыя, честныя и способныя на улучшенія. Но... но... кто знаетъ, что ждетъ насъ впереди; дѣло идетъ о самой уязвимой окраинѣ нашего государства. Если нѣкоторые чистокровные русскіе мыслители, видя размноженіе нѣмцевъ въ западномъ нашемъ краѣ, начинающееся отъ самыхъ границъ Пруссіи, говорятъ, что это своего рода мостится мостъ въ нашъ Прибалтійскій край; то и на югѣ Россіи желательно бы имѣть чисто-русское населеніе... А мы здѣсь нянчемся съ такимъ нравственнымъ застоємъ, каково наше мусульманство, которое притомъ готово и измѣнить намъ при всякомъ удобномъ случаѣ...

Изобразивши въ общихъ чертахъ настоящее положеніе южной окраины Россіи и отчасти заглянувши въ будущность ея, я могъ бы коснуться и нѣкоторыхъ частныхъ нашего хозяйничанья. Но здѣсь естественно дѣло напросится на совѣтъ: что дѣлать? Говорятъ: нѣтъ ничего легче, какъ давать совѣты или подвергать суду дѣйствія другихъ. Я отказываюсь и отъ совѣта, и отъ осужденія, съ одной стороны потому, что и на совѣтъ,

и на осужденіе не имѣю права; а съ другой—я признаю въ нашихъ хозяевахъ столько опытности, предъ которой едва ли будутъ имѣть какой нибудь вѣсъ совѣты и судъ посторонняго лица, не несущаго съ тружениками-хозяевами того тяжелаго бремени и того положенія, въ который они поставлены силою тяготящихъ на нихъ долговыхъ обязательствъ, часто повторяющимися неурожаями, жучками, овражками, скотскими повальными болѣзнями, безсудностию надъ рабочими силами и т. п. Посторонніе совѣты, а тѣмъ болѣе пересуды могутъ вызвать или улыбку, или даже презрѣніе, во всякомъ случаѣ заслуженное. Я помню молодые мои годы, когда съ безпощадною критикою относился къ образу южно-русскаго хозяйничанья и готовъ былъ все рубить съ плеча; но теперь, хотя по видимому еще не угасъ прежній огонь моего рвенія къ с. хозяйству, иначе смотрю на него, и готовъ повторять съ хозяевами: враги ли мы себѣ? Складъ ума, образъ жизни, внѣшнія условія составляютъ такія плотно сложившіяся обстоятельства, которыя не легко сдвигаются съ мѣстъ. По этому то у насъ и водворилась поговорка, повторяемая даже тамъ, гдѣ проповѣдуется самая святая истина или правда: „гласъ вопіющаго въ пустынь“. Ходъ исторіи или дѣятельности человѣчества подчиняется извѣстному закону, который вѣдомъ только одному Верховному Самодержцу и который остается до извѣстной поры неумолимымъ даже тамъ, гдѣ у человека поработчено все его существо, все его существованіе. По видимому ничего не было легче многомилліонному славянству Балканскаго полуострова отбросить горсть поработившихъ его варваровъ за берега Босфора; но тяжелое иго надъ этимъ славянствомъ тяготѣло около 5 вѣковъ; кровь безчисленныхъ мучениковъ лилась потоками; но вопль ея по видимому не восходилъ до неба, тогда какъ кровь одного Авеля проникла до него. Сельская промышленность, развитіе и улучше-

ніе которой вообще совершаются медленно, имѣть тоже свои сложившіяся обстоятельства и сдвинуть ихъ съ мѣста не легко; конечно необходимо, и чѣмъ чаще, тѣмъ лучше, входить въ эту область съ свѣтомъ науки и испытанныхъ опытовъ; но и здѣсь требуется большая осторожность: какъ бы не „напроказить вдвое хуже“. Начитался одинъ землевладѣлецъ, живя въ С.-Петербурѣ, о пользѣ глубокой обработки земли, и предписываетъ своему управляющему въ Симбирскую губ., чтобы онъ непременно вспахалъ землю на десять вершковъ глубины. Земли вспахали на такую или близко подходящую глубину до 300 десятинъ, и на ней—много, много лѣтъ не росло ни хлѣба, ни травы. Поусердствовали, — выворотили неплодородный слой земли.

Но если не позволительны съ моей стороны совѣтъ или осужденіе; то едва ли укорять меня, если я, по старой доброй памяти и по чистосердечной преданности къ почтеннѣйшимъ хозяевамъ юга Россіи, позволю себѣ высказать предъ ними нѣкоторыя пожеланія. Позволите? Вы мнѣ многое позволяли, многое прощали, за многое любили; конечно, и теперь дадите позволеніе на мою откровенность, и тѣмъ, думаю, охотиѣе, что Богъ знаетъ, послѣ десятилѣтняго молчанія, не скоро ли и совсѣмъ придется замолчать...

Мы, сельскіе хозяева, должны пожелать себѣ нравственнаго отрезвленія. Если это отрезвленіе послѣдуетъ; то дѣла нашихъ хозяйствъ будутъ поставлены на прочныя основы. Но что это за нравственное отрезвленіе, которому естественно предшествовало и нравственное опьяненіе. Дѣйствительно опьяненіе (чуть ли не безпросыпу) было; а стало быть необходимо и отрезвленіе. Мы были въ опьяненіи и отъ своего многоземелья, которое досталось намъ или даромъ, или сравнительно за ничтожную сумму денегъ *), и отъ тѣхъ урожаевъ, ко-

*) Преданіе говорить, что одинъ очень изрядный кусокъ земли, едва ли не до 2000 дес., былъ уступленъ за пару сапогъ

торые давали намъ груды золота и серебра. Головы наши были вскружены такою благодатью; мы не думали, что золотой дождь изсякнетъ и что не повредитъ намъ и наступившая за этимъ дождемъ „бумажная засуха“, — не думали, и жили на славу, на самую широкую ногу, какъ подобаетъ широкой, размахистой русской натурѣ, забывая русскую же поговорку: не все будетъ коту масляница, придетъ для него и великій постъ. Вотъ этотъ тяжелый постъ и наступилъ: мы сами и съ нашими хозяйствами очутились—одни въ очень затруднительныхъ обстоятельствахъ, а другіе даже въ безвыходномъ положеніи, и говоримъ, что нынѣ только тѣ хозяйства и могутъ существовать, гдѣ сами хозяева работаютъ, т. е. хозяйства поселянъ. Да, наши хозяева получали груды золота и серебра *) и чуть не цѣлые тюки бумажекъ; но по видимому и счету въ нихъ не знали; они проживали ихъ, не думая дѣлать запасовъ на оборотные капиталы, и притомъ на нѣсколько лѣтъ, какъ того требуетъ шаткость сельской промышленности, имѣющей столько враговъ. И вотъ недостатокъ оборотныхъ капиталовъ, по уничтоженіи крѣпостнаго труда и дешеваго труда искавшихъ на гостепримномъ югѣ

*) Покойный, имѣющій, какъ честный общественный дѣятель, полное право на нашу искреннѣйшую благодарность, Ф. И. Сухомлиновъ сказывалъ мнѣ, что до Крымской войны такъ было много серебра и золота, особливо перваго въ образѣ цѣлковыхъ, что одесскія конторы въ наказаніе за неуступку извѣстныхъ % съ четверти платили металломъ, а не бумажками. Бывало наложить тебѣ мѣшковъ съ цѣлковыми цѣлые санки, привезешь и не знаешь куда положить на сохраненіе. Куда дѣвались наши благородные металлы, и почему снова не возвращаются къ намъ, когда мы теперь производимъ и отпускаемъ несравненно болѣе? Отвѣтить не берусь. Но все говорятъ, что золото-серебряный дождь прекратился съ Крымскою войною и смѣнился „бумажною засухою“, продолжающеюся даже до сего дня. Въ нѣкоторыхъ малоазійскихъ городахъ, послѣ Крымской войны, наши путешественники, на улицахъ предъ лавками и мастерскими видѣли вороха русскихъ цѣлковыхъ, которые постушались на разныя издѣлія. Стало быть, мы Турцію и тогда, какъ въ прошлую войну, озолотили.

свободы (такъ называемыхъ бѣглыхъ, которыхъ нѣкоторые хозяева, грозя полиціей, заставляли работать, да какъ? изъ одного куска хлѣба) принудилъ нашихъ хозяевъ почти поголовно сдѣлаться крѣпостными данниками банковъ или ростовщиковъ еврейскаго закона, ихъ же Богъ—златой телець, хотя бы и съ бумажнымъ руномъ и съ бумажками набитымъ чревомъ. Что же теперь остается дѣлать? Вопросъ трудный; но, какъ практическіе люди, посмотримъ, что дѣлаютъ тѣ, которые хотятъ отрезвиться или опохмѣлиться: клиномъ кливъ выгоняютъ. Послѣдуемъ этому, вѣками оправданному опыту, и мы можемъ выйти на чистую дорогу жизни и хозяйничанья. Если наше опьяненіе произошло отъ нашего богатства и мы въ нетрезвомъ видѣ бросали и золото, и серебро, и бумажки направо и налево безъ всякаго расчета; то придержимся другой методы; возьмемъ другой кливъ во образъ строгой расчетливости, памятуя что прошла та пора, когда можно было (но не должно бы) послѣдній рубль ставить ребромъ, и что теперь стали времена труднѣе прежнихъ. Когда сѣвероамериканцы отстаивали свою независимость; то даже высшаго слоя прекрасный полъ одѣвался въ грубыя посконныя платья, и независимость была отвоевана. Послѣдуя этому доброду, доблестному примѣру, навѣрное и мы отстоимъ свою независимость отъ нашихъ враговъ, имъ же и числа нѣсть, хотя они и не такъ свирѣпы, какъ оныя мореплаватели, съ которыми бились за свою свободу герои-американцы. Да, если мы обратимся къ самому простому (и конечно самому здоровому) образу жизни, къ самой строгой бережливости, къ замѣнѣ мертвящихъ и умственныхъ, и физическія силы картъ книгами, къ изгнанію всего, буквально всего, что носить на себѣ печать роскоши и свѣтится сквозь зеркальныя окна магазиновъ такими же соблазнительнымъ прелестями, какъ оное прельстившее добродушную Евву—нашу прародительницу яблоко; то

мы не только будемъ сводить концы съ концами; но и примемъ иной болѣе надежный способъ хозяйничанья, девизомъ котораго будетъ: *non multa, sed multum*, т. е. въ немногомъ многое. По силѣ этого девиза мы не станемъ творить разорительныхъ посявовъ „во-банкъ“; а ограничимъ ихъ; ограничивши же, введемъ и болѣе разумную обработку земли (глубокую, тщательную, съ укатываніемъ); дойдемъ и до того, что ограниченныя наши поля обсадимъ густыми живыми изгородами, которыя имѣютъ неизмѣримо важное значеніе въ нашемъ сухомъ климатѣ, и замѣнятъ собою лѣсоразведеніе, которое, по громадности требующагося на него капитала, надолго останется мечтою; введемъ, при такомъ образѣ хозяйничанья и травосѣяніе, какъ болѣе обезпечивающее наше скотоводство, и въ стадахъ нашихъ будемъ преслѣдовать не численность, но качество содержимыхъ нами животныхъ, памятуя сельско-хозяйственный афоризмъ: дурная скотина дороже обходится хозяину, чѣмъ хорошая. Ограничивши численность въ нашихъ стадахъ, мы естественно и вѣрнѣе сохранимъ ихъ отъ различныхъ невзгодъ, каковы: безкормица, чума на рогатомъ скотѣ, парши на овцахъ, воровство на коней и т. д. и т. д.

Конечно при отрезвленіи, и научныя сельско-хозяйственныя свѣдѣнія не бесполезны; но какая польза отъ нихъ, если мы будемъ жить не по своимъ средствамъ? Наши хозяева не бѣдны своею опытностію. Чѣмъ нажилъ сотни тысячъ десятинъ и сотни тысячъ овецъ покойный Фейнъ? Не познаніями въ сельскомъ хозяйствѣ, а умѣнемъ жить: онъ до гробовой доски остался тѣмъ же колонистомъ, какимъ и приступилъ къ составленію колоссальнаго состоянія. А сколько мы насчитаемъ въ средѣ нашихъ хозяевъ, которымъ обширныя земли достались даромъ, но которые удвоили или утроили ихъ? Фейнъ хвалился предъ овцеводами Германіи, что у него собакъ при овцахъ больше, чѣмъ иное ихъ стадо; а

нѣкоторые изъ нашихъ хозяевъ, еще недавно такъ широко жившихъ, дошли до того, что и овчарныхъ собакъ держать не при чѣмъ; даже ничего не осталось изъ того, что пріобрѣтено заслугою, напр. по комиссаріатству, интенданству и т. п. Примѣру Фейна слѣдуютъ наши поселяне нѣмцы; они и одиночно, и цѣлыми общинами такъ горячо скупаютъ землю, что едва ли югъ Россіи не превратится въ фатерландъ. А мы что?—Мы посмотримъ и повторимъ то же, что и наши мужички: на то они нѣмцы! у насъ такой силы нѣтъ.—Да гдѣ же вы ее потеряли? Молчать и почесывать мужички въ своихъ затылкахъ. А мы ихъ спрашиваемъ: но гдѣ набрались силы такіа-то и такіа-то общины изъ вашего же брата, купившія сто—(и болѣе) тысячныя имѣнія и обстроившіеся не хуже нѣмцевъ? Силу они нашли въ своихъ умныхъ вожакахъ и бережливости. Вотъ гдѣ тайна, сокрытая отъ премудрыхъ и разумныхъ (книжниковъ) и окрывающаяся младенцамъ, имѣющимъ благоразумныхъ пѣстуновъ.

И вотъ гдѣ громаднѣйшую услугу могли бы оказать открытый въ самыхъ широкихъ размѣрахъ нашему поселянству кредитъ и тѣ многочисленныя общества сельскаго хозяйства, о которыхъ мы сказали выше, — общества сколько возможно многочисленныя, въ средѣ самихъ поселянъ, подъ руководствомъ образованнаго класса нашихъ землевладѣльцевъ. *) (Объ услугѣ перваго

*) Уже печатая эти страницы Воспоминаній, мы прочли въ прекрасномъ трудѣ Е. Н. Водозовой „Жизнь европейскихъ народовъ“ подтвержденіе нашей мысли о томъ громадномъ вліяніи на развитіе русскаго сельскаго хозяйства, со стороны сельско-хозяйственныхъ обществъ, если бы число ихъ возрасло до возможно-большой цифры. Вотъ что мы читаемъ на 325 стр. упомянутой книги. „Не менѣе (удобныхъ путей сообщеній) способствуетъ развитію голландскаго земледѣлія и множество самыхъ разнообразныхъ земледѣльческихъ обществъ, число которыхъ простирается до 20 тысячъ. На засѣданіяхъ этихъ обществъ встрѣчаются между собой богатые и бѣдные земледѣльцы, фермеры и землевладѣльцы—лица одинаково заинтере-

обеспечиваемаго покупаемыми землями и говорить нечего; но ожидаемую услугу отъ вторыхъ нѣсколько пояснимъ.

Всматриваясь въ бытъ русскаго народа, слѣдя за проявленіями его предпріимчивости и дѣятельности, особливо послѣ дарованной ему свободы, мы едва ли мо-

сованныя въ успѣхахъ сельскаго хозяйства. Каждый изъ нихъ говоритъ о произведенныхъ имъ въ томъ или другомъ уголкѣ опытахъ и его (ихъ?) результатахъ. Члены выслушиваютъ доклады съ необыкновеннымъ интересомъ, дѣлаютъ замѣчанія и такимъ образомъ увеличиваютъ свои знанія по сельскому хозяйству. Эти земледѣльческія общества по нѣскольку разъ въ годъ устраиваютъ выставки земледѣльческихъ продуктовъ, домашнихъ животныхъ и орудій. Много способствуютъ успѣху этого дѣла журналы и брошюры о земледѣліи, которыя выходятъ въ Голландіи въ громадномъ количествѣ“.

Эту вставку приличнѣе было бы поставить тамъ, гдѣ говорилось о значеніи сельско-хозяйственныхъ обществъ въ дѣлѣ поднятія народнаго сельскаго хозяйства. Но книга, изъ которой я дѣлаю вставку, попалась мнѣ подъ руку подъ конецъ печатанія моихъ Воспоминаній.

Итакъ въ Голландіи, гдѣ нѣтъ и 4 мил. жителей, 20 т. земледѣльческихъ обществъ. Это — сила, которая дѣйствительно можетъ творить такіа дивныя дѣла въ сельскомъ хозяйствѣ, которыми Голландія изумляетъ цѣлый міръ! А у насъ подобныя общества почти ровно никакого вліянія не оказываютъ на хозяйство поселянъ; да и что они могутъ сдѣлать по своей ничтожной численности и сосредоточивая свою дѣятельность въ городахъ? Еще разъ повторимъ: надобно умножить до возможныхъ предѣловъ сельско-хозяйственныя общества и внести въ нихъ народныя силы: тогда они принесутъ такую пользу, какъ въ Голландіи и подобныхъ ей краяхъ или государствахъ. Конечно скажутъ: при малограмотности нашего народа принесутъ ли эти общества предполагаемую пользу? Во первыхъ, для живыхъ бесѣдъ, для устной передачи опытовъ и наблюденій не требуется грамотности; во вторыхъ, мы идемъ къ просвѣщенію нашего народа грамотностію; въ третьихъ, не послужатъ ли сельско-хозяйственныя общества съ ихъ печатными наставленіями по разнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства побужденіемъ заняться грамотою? Если безграмотный торгошъ обучаетъ своего сына собственно для торговой цѣли; то неужели у поселянъ не можетъ открыться побужденіи учить дѣтей для прочитыванія сельско-хозяйственныхъ наставленій?

жемь сомнѣваться, что улучшение его быта и его производительности главнымъ образомъ зависитъ отъ честныхъ и разумныхъ вожаковъ. Въ настоящее время громадное количество земель переходитъ въ руки средняго и поселянскаго сословія; но мы сравнительно не много видимъ примѣровъ покупки земель цѣлыми общинами, у которыхъ, казалось бы, если не болѣе, то и не менѣе средствъ приобрѣтать въ собственность земли, чѣмъ у единичныхъ лицъ. Почему же первыя, т. е. общины, мало скупаютъ земель? Какъ ни простъ ниже слѣдующій нашъ отвѣтъ, но мы отвѣтимъ именно этимъ простымъ отвѣтомъ: нѣтъ добрыхъ вожаковъ. Вотъ этихъ-то вожаковъ наши поселяне и могли бы найти въ лицѣ сельско-хозяйственныхъ обществъ, во главѣ которыхъ стояло бы наше передовое, благородное сословіе. Среди нашего поселянства въ послѣднее время не мало открыто ссудо-сберегательныхъ кассъ; но кто пособилъ открыть ихъ? — Не старшины и не писаря — эти воротилы сельскаго сословія, а тѣ же бывшіе помѣщики (изъ нихъ многіе члены присутствія по крестьян. дѣламъ), изъ которыхъ, сколько намъ извѣстно, не мало и положившихъ собственные капиталы въ основаніе этихъ кассъ. Къ искреннему сожалѣнію, благодаря безотчетной силѣ нашихъ мироѣдовъ, эти кассы болѣе служатъ въ пользу богатымъ поселянамъ, чѣмъ бѣднымъ. Мы здѣсь сдѣлаемъ небольшое отступленіе, но, какъ видно будетъ ниже, не безъ цѣли.

Наше дворянское сословіе не рѣдко сравниваютъ съ аристократіею англійскаго народа. Можетъ быть и дѣйствительно есть между ними сходство, но едва ли не въ томъ одномъ, что и у насъ, и тамъ высшій слой идетъ во главѣ народа, особливо въ годы его бѣды; но есть и громадная разница между нашимъ дворянствомъ и дворянствомъ Англии. Послѣднее готово захватить въ свои руки всѣ земли и, несмотря на ропотъ и нищету сельскаго населенія, оно не думаетъ поступиться и од-

ного пятью земли въ пользу поселянъ даже за деньги. Вотъ между прочимъ на этотъ разъ свидѣтельство одной умной книги *). „При всѣхъ достоинствахъ англійской аристократіи, сосредоточеніе поземельной собственности въ ея рукахъ имѣетъ въ высшей степени печальные результаты, такъ какъ даетъ возможность богатымъ все болѣе богатѣть, а бѣднымъ все болѣе нищать. Такой порядокъ вещей не оставляетъ на долю рабочаго ни клочка земли, гдѣ бы онъ на старости лѣтъ, больной и изнуренный тяжелой работой, могъ приклонить свою голову. Такимъ образомъ громадная масса англійскаго рабочаго люда весь свой вѣкъ остается бездомными бродягами, батраками фабрикантовъ и крупныхъ землевладѣльцевъ“. Такова англійская аристократія; и очевидно, съ тамошнимъ сельскимъ населеніемъ наше и сравнивать нельзя: у нашего есть твердая почва подъ ногами. Правда, англійская аристократія отличается замѣчательною щедростію къ бѣдному люду; она горстями бросаетъ ему суверены изъ золотыхъ своихъ грудъ; но вѣдь эти суверены — блестящая золотая пыль, пускаемая въ глаза бѣднякамъ, и она не создастъ почвы, которая упрочивала бы быть бѣднаго люда. Не бросало и не бросаетъ горстями золото поселянамъ наше дворянство, хотя и въ пору крѣпостнаго труда оно строило имъ церкви, заводило для нихъ больницы и школы, и всегда помогало нуждамъ ихъ; да, не блесками оно удовлетворило первѣйшей нуждѣ народа; оно уступило

*) Книга эта: Жизнь европейскихъ народовъ. Е. Н. Водовозовой. Смѣемъ сказать, что почтенный трудъ г-жи Водовозовой долженъ быть причисленъ къ самымъ отпаднымъ явленіямъ нашей бѣдной литературы. Довольно взглянуть на одинъ перечень источниковъ, которыми пользовался почтенный авторъ, чтобы оцѣнить въ высшей степени полезный его трудъ. Вотъ что можно рекомендовать нашему воспитывающемуся молодому поколѣнію, хотя и старые люди прочтутъ сочиненіе г-жи Водовозовой съ большимъ наслажденіемъ и отрезвляющею для себя пользою.

ему огромныя земли, и всегда готово пособить поселянамъ если не деньгами, то добрымъ совѣтомъ во всякой нуждѣ и частіе—въ приобрѣтеніи земельныхъ угодій. И сколько мы имѣемъ примѣровъ такого рода (слушайте, непрощенные печальники народа!): помѣщикъ никому не хотѣлъ продовать своей земли, какъ только поселянамъ,—и продавалъ большею частію, съ значительною уступкою или продолжительною разсрочкою платежей? Не мало въ пользу поселянъ дворяне отказывали богатыя угодья безъ всякаго съ ихъ стороны вознагражденія *). О подобныхъ примѣрахъ какъ-то не слышно среди знаменитыхъ мореплавателей, ставящихъ себя въ челѣ цивилизованнаго человѣчества. Можетъ быть, и дѣйствительно тамошній образованный классъ (а англійская аристократія и въ правду можетъ гордиться своимъ высокимъ и многостороннимъ образованіемъ) стоитъ во главѣ цивилизаціи; но едва ли русское дворянство не повеликодушнѣе его; едва ли въ немъ не побольше истинной христіанской любви, по силѣ которой оно теплѣе относится къ меньшей братіи, чѣмъ аристократія Англій; у послѣдней жажда къ приобрѣтенію земли и другихъ земныхъ благъ доходитъ, прибавимъ, прямо въ ущербъ народной массѣ, до жадности, до которой, смѣемъ думать, наше дворянское сословіе никогда не унижалось и не унижится. Цивилизація, которой гордится Западъ Европы и въ особенности великіе мореплаватели, невольно напоминаетъ намъ божественныя слова великаго учителя языковъ: Если я имѣю даръ пророчества и знаю всѣ тайны, и имѣю всѣ познанія и всю вѣру, такъ что могу и горы переставлять, а не имѣю любви; то я ничто (1 Корин. XIII. 2).

По вѣрѣ ли, или по силѣ своихъ познаній, дѣйстви-

*) Теперь нѣкоторыя земства, въ томъ числѣ передовое Московское, возбуждаютъ вопросъ объ увеличеніи земельныхъ угодій у поселянъ. Но кто сильнѣе прочіихъ радуется за это великое народное дѣло?—Тѣ же дворяне, жившіе крѣпостнымъ трудомъ.

тельно великіе мореплаватели переставляютъ горы; но все-таки и клочкомъ земли не хотѣть поступиться меньшей своей братіи, и насъ же величаютъ варварами,—а за что? за наше великодушіе, которое въ ихъ глазахъ равняется простотѣ, т. е. духовному убожеству. Такъ ли это?

Но къ чему, скажутъ, всѣ эти разглагольствованія? Къ чему тутъ прилетена англійская аристократія? Въ настоящее время носится надъ нашей святой Русью повѣтріе, распространяющее довольно странную заразу: если аристократъ, то бросай въ него грязью; и при этомъ указываютъ на аристократію Англій, которая, захвативши въ свои руки земли, не поступаетъ ими народу. Въ силу такого повѣтрія мы и сдѣлали параллель между дворянствомъ Англій и дворянствомъ Россіи, имѣя въ виду пояснить, что русскій сельскій народъ скорѣе всего можетъ найти поддержку при приобрѣтеніи земли въ этомъ сословіи, чѣмъ въ какомъ нибудь другомъ (особливо въ нашемъ купеческомъ или мѣщанскомъ), и что напрасно извѣстные печальники народа видятъ враговъ его тамъ, гдѣ нѣтъ ихъ. Выводъ же изъ всего этого разглагольствованія таковъ: въ приобрѣтеніи земли наши поселяне нуждаются въ честныхъ вожакахъ, и этихъ вожаковъ они скорѣе всего могли бы найти въ сельско-хозяйственныхъ обществахъ, во главѣ которыхъ сталъ бы образованный классъ земледѣльцевъ, никогда у насъ не жаждавшій захватить всѣ земли въ свои руки, чего наши печальники народа боятся, указывая на аристократію Англій. Мысли свои мы не съ вѣтра беремъ. Боже сохрани заикнуться предъ нѣкоторыми мыслителями о принятіи живаго участія дворянами въ дѣлахъ поселянъ!—Вы опять хотите въ кабалу народъ! такъ они возражаютъ, боясь страха тамъ, гдѣ его нѣтъ и не можетъ быть.

Мы еще скажутъ: выше вы, м. г., набрасывали тѣнь на нашихъ дворянъ—помѣщиковъ, не сохранившихъ и

собственныхъ земель, и ихъ же прочите поселянамъ въ руководители и притомъ въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ обезпеченіе ихъ быта пріобрѣтеніемъ земли въ собственность! Да, они только и могутъ быть руководителями въ этомъ дѣлѣ! Странное, но совершенно понятное явленіе въ жизни рода человѣческаго: подтверждено вѣками, что искусенные извѣстными искусствами жизни болѣе помогаютъ искушаемому, чѣмъ никогда не терпѣвшіе невзгодъ судьбы.

Но тутъ есть и другая сторона дѣла. Возьмите темноту, т. е. безграмотность нашего народа: онъ не читаетъ газетъ и разнаго рода объявленій, и не знаетъ, гдѣ и что продается, что онъ могъ бы купить. Если бы наши мужички читали газеты, какъ читаетъ ихъ земледѣльчскій классъ напр. въ Германіи, и знали бы широкую Русь; то глядишь, не одна бы мощна развязалась, не одинъ бы горшечекъ съ золотомъ отыскался для покупки земли. Представьте же себѣ, что при предполагаемыхъ сельско-хозяйственныхъ обществахъ имѣются извѣстія: гдѣ и какія земли продаются,—и дѣла покупки земель поселянами упростились бы, и вотъ здѣсь образованный слой землевладѣльцевъ могъ бы оказывать величайшую услугу, какъ болѣе или менѣе знакомый съ территоріею нашего обширнаго государства. Въ городахъ нашихъ, по крайней мѣрѣ въ значительныхъ, кромѣ газетъ и въ нихъ различныхъ объявленій, существуютъ различныя справочныя конторы по продажѣ и покупкѣ данныхъ предметовъ; но для сельскаго люда нѣтъ ничего подобнаго, и онъ по прежнему остается во мракѣ невѣдѣнія, что дѣлается вокругъ него. Да, повторимъ, при просвѣщенныхъ и честныхъ вожакахъ, не одна бы мужицкая мощна развязалась, не одинъ бы горшочекъ съ прадѣдовскимъ золотомъ и серебромъ былъ выкопанъ изъ земли, на покупку земельного угодья. Говоря о горшечкахъ съ прадѣдовскимъ золотомъ, мы не шутимъ. Намъ не разъ приводилось спрашивать нѣ-

которыхъ помѣщиковъ: откуда явились у поселянъ деньги для покупки земли, по освобожденіи ихъ?—Горшечки откапываютъ, и многіе платятъ даже стариннымъ золотомъ: таковъ былъ отвѣтъ, основанный на фактахъ.

До какихъ широкихъ размѣровъ ни развились бы, среди человѣческихъ обществъ, заводская, мануфактурная и торговая промышленности; какія средства ни изобрѣталъ бы родъ людской для удовлетворенія и первыхъ, и послѣднихъ, высшихъ, потребностей своей жизни; но сельско-хозяйственная промышленность навсегда останется основаніемъ благосостоянія и богатства рода человѣческаго. Живой примѣръ у насъ—Англія, про которую нѣкогда одинъ изъ государственныхъ людей Сѣверо-американскихъ Соед. Штатовъ сказалъ, что заводско-фабричная и торговая промышленности Англіи суть цвѣты того дерева, корни котораго—въ сельскомъ хозяйствѣ этого государства.

Вотъ почему мы и остановились надъ мыслию объ облегченіи пріобрѣтенія земельныхъ угодій нашими поселянами, о чемъ теперь думаютъ и благомыслящіе русскіе люди, и тѣ, которые, говоря о томъ же предметѣ, имѣютъ заднія, черныя мысли. Подъ кровомъ этихъ мыслей они пускались и „въ народъ“, думая найти „своихъ“, но эти „свои“ умѣли оцѣнить и цѣнить не прошенныхъ благодѣтелей въ поддевкахъ и дегтемъ мазаныхъ сапогахъ. Народу нужна земля—какъ основаніе его благосостоянія, какъ первый источникъ богатства государственнаго; но земля—пріобрѣтаемая честнымъ путемъ, что и понимаетъ самъ народъ, всасывая законность съ молокомъ матери и глубоко оцѣнивая ее своимъ неразвращеннымъ, здравымъ разумомъ.

VII.

Броженіе въ сѣдой головѣ и молитва, возносимая отъ всего чистаго сердца.—Заключеніе, которое не всѣмъ понравится.

Возвращаюсь къ Обществу с. хозяйства южной Россіи. Отъ всей души благодарю Общество за подаренные мнѣ, за 17-ти лѣтнюю службу, часы *), и за причисленіе меня къ членамъ—корреспондентамъ, и оканчиваю мои воспоминанія, набросанныя по нѣкоторымъ независящимъ отъ меня обстоятельствамъ **), на скорую руку, — заканчиваю слѣдующими строками.

Ожили въ моей памяти многія свѣтлыя и добрыя личности, съ которыми я трудился и которыя такъ горячо относились и къ трудамъ Общества, и къ личнымъ моимъ. Пронеслась въ воображеніи моемъ и вся семнадцатилѣтняя дѣятельность моя на пользу дорогаго Общества; и что же осталось на сердцѣ, надъ чѣмъ остановилась мысль? Первѣе всего благодарю Бога, что оны далъ мнѣ силы потрудиться на пользу края и притомъ по одной любви къ дѣлу, безкорыстно. Благодарю тѣхъ дѣятелей и вообще сельскихъ хозяевъ юга Россіи, ко-

*) Эти часы я получилъ уже въ Феодосіи, кажется, чрезъ годъ по оставленіи мною Общества.

**) Обыкновенная у насъ оговорка, когда мы выполняемъ чтонибудь съ свойственною славянскою лѣни небрежностію. А выполняемъ ли мы, русскіе, чтонибудь безъ этого суррогата? У насъ все авось, да какънибудь. За то насъ и водятъ за носъ. Да гдѣ? Подъ часъ даже въ дѣлахъ міровой важности. А въ наукахъ?...

торые поддерживали, ободряли и дарили меня своимъ добрымъ расположеніемъ и доверіемъ.

Но бродить въ головѣ и другая мысль: не рано ли я оставилъ Общество, не смотря на увѣщанія президента (графа М. Д. Толстаго) и многихъ членовъ его? Одинъ голосъ говоритъ мнѣ: рано. Да, я разстался съ Обществомъ въ ту пору, когда, какъ мнѣ кажется, только что окрѣпли мои силы для положительной, т. е. болѣе полезной дѣятельности. Много было собрано различныхъ матеріаловъ, на основаніи которыхъ я хотѣлъ составить полныя руководства и въ особенности руководство по лѣсоразведенію, къ чему я считалъ себя болѣе подготовленнымъ. Но другой голосъ говорилъ: „егда же состарѣишися, инъ ты пойдешь и ведешь, аможе не хоцещи“; уступи мѣсто молодымъ, свѣжимъ силамъ.— Я уступилъ, и пошелъ туда *), куда не хотѣлось идти,— пошелъ съ теплою молитвою:

*) Куда же я пошелъ?

По болѣзни моей жены я долженъ былъ переселиться въ Крымъ, гдѣ и прожилъ около десяти лѣтъ. Смѣю думать, что и тамъ, въ качествѣ председателя Феодосійской зем. управы, не безслѣдно осталось мое шестилѣтнее служеніе земству. Благодарность, которою ежегодно удостоивало меня собраніе гласныхъ, можетъ подтвердить это. Полагаю, что сбереженія земскихъ денегъ, исчисленныя въ одномъ изъ отчетовъ управы, не будутъ забыты земствомъ. Не забудутъ моего шестилѣтняго попеченія и тѣ больные, которые пользовались въ земской больницѣ, гдѣ было мною построено новое для нихъ помѣщеніе, и разведенъ садъ. Вѣроятно вспомнятъ меня и тамъ, гдѣ не было воды для удовлетворенія первѣйшихъ потребностей человѣка. Не забудутъ бѣдные учителя народныхъ школъ и фельдшера, которымъ по моему ходатайству возвышено жалованье до 300 руб. Но что должно оставить обо мнѣ память, такъ это то живое участіе, которое я принялъ въ построеніи въ Феодосіи православнаго собора. Построеніе церквей и попеченіе объ нихъ также составляютъ одну изъ заботъ земствъ. Благодарю Бога, что я послужилъ этому святому дѣлу, которое какъ будто совершилось чудомъ. Да, построить церковь въ какихънибудь 15—16 мѣсяцевъ,—церковь, которая по обширности и красотѣ должна быть поставлена въ числѣ

Да укрѣпить Господь эти свѣжія силы! Да оживотворитъ ихъ присносущая Сила благороднымъ рвеніемъ на пользу общую. И да не коснется нашего Общества, честно, безъ черныхъ пятенъ, 50 лѣтъ прослужившаго южной окраинѣ дорогаго отечества, — не коснется то броженіе, которое свойственно молодому вину и которое, по ученію знаменитаго въ ученомъ мірѣ Пастера, происходитъ отъ мельчайшихъ паразитовъ. Я разумѣю здѣсь тѣхъ паразитовъ, которые, презирая собственный трудъ, хотягь питаться соками другихъ, тѣмъ достояніемъ, которое добыто другими потомъ и кровію. Эти паразиты, не успѣвши созрѣть, осмыслить себя и окружающую ихъ среду, стараются покрыть своею плѣсенью все святое, все высокое, все прекрасное для человѣка. Они не рѣдко и въ области чистой науки, въ этомъ святая—святыхъ для всякаго честнаго и благороднаго сердца, ищутъ не свѣта и правды, а чего-то

первыхъ на югѣ Россіи—для этого должна быть особая помощь свыше. Но надобно сказать, что это святое дѣло нашло достойнѣйшихъ дѣятелей, въ лицѣ Преосв. Гурія, Г. В. Жуковского, графа Д. А. Толстаго, графа П. Е. Коцебу и В. И. Лашина. Дѣятели сильные; но едва ли гордіевъ узелъ, болѣе подустолѣтія остававшійся туго затянутымъ, разсѣтъ ли бы кто другой однимъ ударомъ, какъ это сдѣлалъ графъ П. Е. Коцебу. Вѣчная благодарность ему не только отъ православнаго населенія г. Θεодоссіи, но и отъ всѣхъ благомыслящихъ иновѣрцевъ.

Послѣ шестилѣтняго служенія земству, не желая нести не легкое бремя предсѣдателя управы, я все таки хотѣлъ оставаться гласнымъ. Но судьбѣ угодно было показать на мнѣ примѣръ: какъ иной разъ ведутся у насъ дѣла въ земствѣ. Изъ 100 слишкомъ шаровъ я получилъ бѣлыхъ, кажется, не болѣе 5, такъ что оказался пригоднѣе меня и татаринъ, не понимающій русскаго языка. Видите, явился съ вліяніемъ на темную среду новый дѣятель въ Θεодоссійскомъ земствѣ, который по унаслѣдованной традиціи, понятной Θεодоссійскому уѣзду, все желалъ захватить въ свои руки, и постарался выжить изъ земства людей съ голосомъ и правдой. Какъ это сдѣлалъ онъ—про то знаетъ его совѣсть.

другаго, всего, но не науки, освѣщающей путь для честной жизни человѣка.

Да сохранить Богъ свѣжія, молодыя силы отъ этихъ паразитовъ!

И если когда нужны силы для поднятія и развитія сельскаго хозяйства, — этого перваго источника нашего благосостоянія, — силы свѣжія, здоровыя, полныя благороднаго рвенія на пользу общую, силы дружныя, безъ мелочныхъ личныхъ расчетовъ, то это теперь. Мы всѣ сознаемъ, что основы нашихъ хозяйствъ распатаны и имѣнія держатся подставами; даже мелкія, крестьянскія хозяйства носятъ на себѣ печать не довольства, а скорѣе бѣдности. Не мало причинъ, которыя привели наши хозяйства въ такое бѣдственное состояніе: часто повторяющіеся неурожаи; не узаконившіеся отношенія между нанимателями и рабочими; страшныя полчища новаго бича нашихъ полей—жучка; увеличившіеся, особенно среди поселянъ, налоги; тяготящіеся почти надъ всѣми нашими имѣніями долговыя обязательства; истощенность оборотныхъ капиталовъ; захватъ въ извѣстныхъ безчестно-корыстныхъ руки торговли и нѣкоторыхъ другихъ отраслей промышленности; чрезмѣрное употребленіе хмѣльныхъ напитковъ и, какъ неизбежное слѣдствіе его, — деморализація, обличающая себя празднoлюбіемъ и ослабленіемъ чувства долга, чести, стыда и совѣсти. Какъ видите, это такія причины, такія силы, противъ которыхъ должны быть поставлены дѣйствительныя силы, а не мнимыя; не тѣ пустозвонно шумящія силы, которыя не рѣдко заглушаютъ въ нашихъ земскихъ и городскихъ собраніяхъ голосъ честнаго стремленія къ общественной пользѣ; а силы тихаго, но положительнаго труда; силы, которымъ общественное благо также близко, какъ и свое собственное.

Но кто этого не знаетъ? Вотъ здѣсь-то и задача, что мы всѣ сознаемъ могущество зрѣлыхъ, честныхъ и дружно дѣйствующихъ силъ; но когда у насъ сознание

должно перейти въ самое дѣло, — выходить другое, и не рѣдко сторонятся отъ дѣла самыя честныя силы, придерживаясь поговорки: „моя хата съ краю, я ничего не знаю“; пусть что хотятъ, то и дѣлаютъ. Вышеозначеннымъ сознаниемъ и даже всякаго рода знаніями мы не бѣдны; но худо то, что мы еще не успѣли выработать изъ себя гражданъ, воплотить въ свое существо гражданскій долгъ и гражданскую честь.

Многіе у насъ порицаютъ дѣятельность земскихъ и городскихъ самоуправленій. Дѣйствительно, не мало въ этихъ самоуправленіяхъ самоуправствъ и другихъ черныхъ пятенъ или поступковъ, свойственныхъ не развившемуся возрасту. Но мы должны успокоиться несомнѣнною надеждою, что эти самоуправленія въ послѣдствіи выработаютъ изъ насъ гражданъ, людей съ полнымъ сознаниемъ гражданского долга и чести. Вотъ гдѣ будетъ неоцѣненная заслуга нашихъ земскихъ и городскихъ самоуправленій, которыя въ настоящее время дѣйствительно иной разъ представляютъ собою хаотическое смѣшеніе какихъ-то центробѣжныхъ силъ. Тогда безъ сомнѣнія дѣла пойдутъ иначе; потому что только при полномъ, искреннемъ сознаниіи долга и чести, лежащихъ на каждомъ гражданинѣ, личная польза не будетъ отдѣляться отъ общественной. Если же такова будетъ наша дѣятельность какъ гражданъ, то и общественныя и частныя сельско-хозяйственныя зданія будутъ стоять не на пескѣ, развѣваемомъ вѣтрами, а на прочныхъ, съ ручательствомъ на долготѣіе основахъ. И не страшны тогда будутъ нашему гражданскому строю, нашимъ имуществамъ, нашимъ хозяйствамъ теперешніе враги наши: будутъ ли то враги въ образѣ несмѣтныхъ полчищъ жучковъ, или въ возмутительно-безобразномъ образѣ тѣхъ жалкихъ, убогихъ паразитовъ, непримиримыхъ враговъ честнаго труда, которые съ ребяческимъ крикомъ поднимаютъ неосмысленное знамя: „земля и воля“.

Знаю, что послѣднія строки вызовутъ цѣлую бурю;

но вѣдь эта буря будетъ свирѣпствовать въ томъ скудельномъ сосудѣ, куда стекаютъ современныя нравственныя нечистоты, съ своею гнилью и плѣсенью. — Пусть и бурлятъ эти нечистоты! — Нѣтъ, намъ не слѣдуетъ такъ говорить: на каждомъ изъ насъ лежитъ нравственный долгъ, долгъ чести и совѣсти, заботиться, чтобы этихъ нечистотъ не было, чтобы онѣ не вливались въ чистое русское море, у котораго такая необозримая, такая свѣтлая будущность. Силь у меня нѣтъ посчитаться съ упомянутыми знаменосцами; но почему молчатъ крѣпкіе духомъ и словомъ. Тяжкій грѣхъ на душѣ ихъ! Я попробую кое что сказать, прося у мудрыхъ и разумныхъ снисхожденія моему духовному убожеству.

Вотъ вамъ моя рѣчь, молодые русскіе отщепенцы, откуда что-то схватившіе, но ни о чемъ основательно не думавшіе. Но прежде отвѣчу на одинъ вопросъ: будутъ ли имѣть связь эта рѣчь съ моими воспоминаніями, которыя преимущественно касаются сельскаго хозяйства? Думаю, да. Наши новые мыслители хотятъ перевернуть верхъ дномъ весь бытъ, весь строй русскаго народа. Очевидно, и сельскій хозяинъ, боясь за свою промышленность, долженъ возвысить голосъ противъ тѣхъ, которые такъ нагло держатъ разрушительное знамя.

Оговорившись, я поведу мою рѣчь.

Вамъ, свободомыслители, не нравятся ни складъ или направленіе нашего ума, ни наша вѣра въ высшіе идеалы; не по васъ наша вѣра въ Высшее Существо, въ Промысль, въ духовность одной половины существа человѣческаго, въ святость семейныхъ связей, въ тотъ общественный строй, для котораго, по нашему убѣжденію, необходимы власть, законы и блюстители порядка въ этомъ строю. Но чего же вы хотите? Что вы признаете и что принимаете на вѣру, безъ которой, по ограниченности природы человѣческой, обойтись не lze и вамъ? Намъ понятенъ инстинктъ свирѣпыхъ гнѣвъ, рыскающихъ во мракъ ночи и разрывающихъ даже могилы

для пожирания труповъ. Но инстинкты ваши для насъ положительно внѣ всякаго пониманія или уразумѣнія. Вамъ все не нравится, вы всякое наше что хотите превратить въ ничто; но чѣмъ же лучшимъ вы думаете замѣнить то, что намъ нравится, — что мы любимъ, во что вѣримъ, на что надѣемся?

Вмѣсто исповѣдуемаго нами Богочеловѣка Христа, вы желаете вѣрить въ Будду; но гдѣ опытъ, что подь кровомъ Будды человѣчество вообще и столь сердобольно опекаемый вами русскій народъ въ особенности будутъ счастливѣе, чѣмъ подь водительство христіанскаго ученія, переродившаго извѣстную часть человѣчества, двинувшаго ее въ новый строй жизни и давшаго человѣчеству ту свободу, которая съ такимъ блескомъ отразилась и въ области мысли, и въ области физическаго труда? Христіанское ученіе какъ будто тяготитъ васъ, связываетъ вашу дѣятельность. Но не знаемъ, гдѣ вы научитесь большей свободѣ и гдѣ вѣрнѣе указанъ путь къ совершеннѣйшей свободѣ. Это ученіе говоритъ: познаете истину и истина сдѣлаетъ васъ свободными (Ев. отъ Іоанна VIII 32). Измѣрьте всю широту, всю глубину и всю высоту этого ученія, сравните его съ другими ученіями, и вы сознаетесь, что болѣе вѣрнаго пути къ достиженію свободы нѣтъ, какъ познаніе истины, съ которой конечно будетъ неразлучна правда жизни, если только познаніе истины проникнетъ во все существо человѣка. Въ самомъ дѣлѣ, если человѣкъ, позволимъ себѣ выразиться, воплотить въ себѣ истину; то что можетъ ограничить его дѣятельность? Нужны ли ему власть, законы и блюстители теченія его жизни? Для праведника закона нѣтъ: говоритъ то же ученіе Христа. Мы не можемъ представить иного пути къ достиженію свободы, какъ путь истины и чистыхъ знаній во всей ихъ широтѣ, во всемъ ихъ разнообразіи. Укажите другой болѣе надежный путь. Путь вашъ — путь разрушенія, ниспроверженія существующихъ порядковъ въ строю

мысли и жизни человѣческихъ обществъ. Но вѣдь разрушеніе естественно должно сопровождаться насиліемъ, стѣсненіемъ свободы, деспотизмомъ? Стало быть, здѣсь вы сами себѣ противорѣчите. Мы не утверждаемъ, что заведенный строй въ данномъ обществѣ долженъ оставаться вѣчнымъ, что онъ не подлежитъ перестрою: но для перестроя его на новый строй одинъ путь — истина; она только можетъ измѣнить теченіе жизни человѣка или человѣческихъ обществъ мирно, безъ потрясеній, безъ стѣсненія свободы. Противъ этого едва ли можно спорить.

Другіе изъ васъ, свободомыслящіе и презирающіе свободу другихъ, не хотятъ вѣрить ни во Христа, ни въ какого-то, по всей вѣроятности невѣдомаго вамъ, Будду, и говорятъ: слѣдуетъ вѣрить въ одинъ разумъ. Что и говорить: это легче всего. Но вотъ вопросъ: въ чей разумъ — въ мой, или въ вашъ, или всякій въ свой? И вашъ, и мой разумъ диаметрально противоположны; а если допустить, чтобы каждый вѣрилъ въ свой собственный разумъ; то во-первыхъ какъ будутъ жить убогіе разумомъ (а они едва ли не составляютъ большинства); а во-вторыхъ не начнется ли въ человѣчествѣ движенія назадъ? Непремѣнно. *Concordia parvae res crescunt, discordia magna dilabuntur.* Да, при согласіи умственныхъ возрѣвнѣй дѣйствительно человѣчество можетъ идти впередъ къ своему совершенству во всѣхъ сферахъ своей жизни и своей дѣятельности; а при разногласіи умственныхъ силъ, оно должно потерять и то, что добыто вѣковыми трудами, и едва ли что создастъ или соберетъ вновь.

Вы вѣрите, что мысль родится изъ мозговой матеріи, что свободной воли нѣтъ, что она подчиняется неизбѣжному року; а стало быть, нѣтъ ни преступленій, ни вмѣняемости, коротко, вы хотите изъять изъ человѣческихъ обществъ весь кодексъ такъ называемыхъ уголовныхъ и частью гражданскихъ преступленій. Во пер-

выхъ рожденіе мысли изъ мозга вы ничѣмъ не доказали и гораздо легче согласиться, что невещественное проявленіе (мысль) можетъ и родить невещественная, духовная, сила, чѣмъ вѣчно-измѣняющаяся матерія. Вторыхъ, мы спросимъ васъ: лучше ли будетъ для человѣчества и частнѣе для опекаемаго вами русскаго народа, если человѣчество или этотъ народъ признають себя машиною, изъ которой не должны быть удаляемы ни ржавчина, ни извнѣ попавшія въ нее постороннія тѣла, ни попортившіяся части? Не скорѣе ли подобная машина испортится? Или другими словами: чѣмъ вы докажете, что люди будутъ счастливѣе, если не будутъ отвѣчать за свои проступки ни передъ собственнымъ сознаніемъ, ни передъ членами, составляющими человѣческія общества? Вопросъ этотъ еще труднѣе рѣшить, когда мы представимъ себѣ наклонность человѣка ко злу, его желанія вредить подобному себѣ, на что онъ и не имѣетъ права. Изъ хаотическаго смѣшенія разнородныхъ частицъ при дѣйствіи на нихъ извѣстныхъ силъ (пусть на этотъ разъ будутъ хоть двѣ міровыя силы — центробѣжная и центростремительная), образовались въ извѣстной формѣ тѣла. Но что выйдетъ изъ частицъ, составляющихъ человѣчество, если вы отнимете всѣ силы, которыя соединяють ихъ въ одно цѣлое, или группы какъ части одного цѣлага? Не произойдетъ ли здѣсь хаосъ, и не этотъ ли хаосъ вамъ нравится? Не ищите ли вы той мутной воды, которая носилась бы надъ безнравственною бездною?

Пойдемте съ вами далѣе. Вы не признаете ни родственныхъ, ни общественныхъ связей. Но лучше ли будетъ, если люди расторгнуть ихъ и выбросятъ изъ среды своей тѣхъ, которые стоятъ во главѣ семьи, общества или государства? Мы одно знаемъ, чего и вы не можете отвергнуть, что человѣчество живетъ и движется впередъ на всѣхъ путяхъ своей жизни при взаимной помощи членовъ его. Но эта взаимная помощь будетъ ли искрен-

нѣе и дѣятельнѣе, если порвать всѣ родственныя связи,—тѣ связи, которыя существуютъ даже у животныхъ, водящихся инстинктомъ самосохраненія своихъ группъ, выражающимся, по Дарвину, въ борьбѣ за существованіе? Не думаемъ, чтобы вы на этотъ вопросъ сказали: да. Но мы еще припомнимъ вамъ одно наблюденіе, надъ которымъ прошли вѣка и которое подтвердитъ все человѣчество: отецъ и мать незамѣнимы для дѣтей. Да, какъ бы не развилась социальная жизнь человѣческихъ обществъ, какимъ бы попеченіемъ она не окружала дѣтей, но она не согрѣетъ ихъ любовью отца и матери, и не научитъ любви, безъ которой человѣчество не можетъ быть счастливымъ. Мы не разъ останавливались надъ услугами отцевъ и матерей человѣческимъ обществамъ, и пришли къ тому убѣжденію, что главная услуга ихъ—развитіе любви, безъ которой немислимо существованіе человѣческихъ обществъ и ихъ поступательное движеніе на пути къ совершенству. Не даромъ и въ высокомъ, всеобъемлющемъ ученій христіанскомъ весь законъ, обнимающій дѣятельность человѣка, выраженъ въ одномъ великомъ словѣ: любовь.

Не нравимся мы вамъ, свободомыслящіе люди. И чѣмъ-то вы насъ, старовѣровъ, не клеймите? Какими черными красками не размалевываете нашу, по вашему мнѣнію, отсталость? И Богъ-то у насъ византійскій, и идеаловъ-то не только въ русской исторіи, и во всей всеобщей нѣтъ; что правители народовъ вообще были тираны; что по силѣ той тираніи и сердобольно опекаемый вами русскій народъ только гнилъ и страдалъ и т. д. и т. д. Для насъ и для всего русскаго народа не было византійскаго Бога, а былъ одинъ Богъ — Верховное Существо съ своимъ промысломъ и Новымъ Заветомъ Бога съ человѣкомъ, и вѣра въ этого Бога создала *) одно

*) Это—единодушный голосъ всѣхъ нашихъ почтенныхъ историковъ, которые, конечно, изучили русскій народъ и прошедшее его полюбже, чѣмъ вы, едва ли и познакоившіеся съ трудами ихъ.

изъ могущественныхъ государствъ, которое вы не прочь бы раздробить на части или привести въ хаотическое смѣшеніе. Знаемъ, что русскій народъ много страдалъ и выстрадалъ; но гдѣ же тѣ народы, которые, вышедши изъ дѣтскихъ пеленокъ, сейчасъ же выросли въ „мужа совершенна“, облачились въ драгоценныя виссоны и зажили безболѣзненною жизнію, по вся дни веселяся сладко. (Это, кажется, предметъ всѣхъ вашихъ помысловъ и желаній?) Надъ русскимъ народомъ не совершается ли тотъ же законъ, которому подчинены всѣ высшія и крѣпкія существа въ органическомъ мірѣ? Сравните относительную слабость и медленность роста колоссальной Веллингтоніи (или Вашингтоніи) и какого нибудь микроскопическаго грибка. Если глубокіе мыслители въ области исторіи человѣчества даже изъ ненавидящей насъ страны (напр. знаменитый историкъ Англии Карлейль) говорятъ, что русскому народу суждено совершить много великаго для блага человѣчества; то что же намъ останавливаться, плакать и вздыхать на томъ тернистомъ пути, который этотъ могучій народъ-прошелецъ, даже не перестаетъ проходить, и нарушать извѣстными вамъ приемами медленный, но вѣрный Исторіи ходъ его развитія? Неужели вы думаете, что ускорили бы ростъ упомянутого нами исполина въ царствѣ растительномъ, если бы начали съ плеча рубить его корни и сучки въ то время, когда ему минуло, положимъ, 1000 лѣтъ, а для полнаго развитія нужно еще столько же или вдвое противъ того?

Цѣль мыслящихъ членовъ русской земли двигать впередъ русскую семью; но рубить по этому исполинскому славянскому дереву, — рубить съ плеча, во что ни попало; отравлять его благородныя, живыя соки тлетворнымъ дыханіемъ; изгонять изъ русской души, изъ русскаго сердца все святое, что русскій народъ всасывалъ съ молокомъ матери, чѣмъ онъ жилъ, на что надѣялся, что утѣшало его въ минуты печали и радовало въ ми-

нуты радости; — итѣть, это задача не свободно мыслящихъ созданій, и мы охотно простили бы гробокопательницамъ гѣнамъ, если бы онѣ водились подобными задачами: ихъ инстинктъ — разрушать и пожирать.

Выходите на состязаніе, юные отщепенцы. Поле для битвы обширное; найдутся и достойные борцы за вѣчную правду. (Конечно не я — неприготовленный къ подобной борьбѣ). Вы скажите, что и рады бы; но у насъ итѣть свободы для печатнаго слова. Къ сожалѣнію, мы и тою свободою, какая дарована намъ, не умѣли воспользоваться съ надлежащимъ благоразуміемъ. Мы перевели не мало книгъ, подрывающихъ основы нашихъ вѣрованій; начитались ихъ, бредимъ ими; но оставили все напечатанное противъ нихъ. Переводить книги съ противнымъ содержаніемъ не было расчета: для чтенія ихъ требуется напряженіе ума, и въ нихъ итѣть новизны, которою плѣняется наше дѣтское легкомысліе. Въ образованныхъ государствахъ западной Европы, гдѣ головы покрѣпче нашихъ, книги развращающаго содержанія не имѣютъ такого вреднаго вліянія на человѣческія общества. Полнѣйшій нигилизмъ — русское созданіе. Мнѣ не разъ приходилось слышать хвалебныя итѣсни Ренану изъ итѣжныхъ устъ нашихъ матерей и ихъ дочекъ; но на вопросъ мой: читали ли онѣ то, что написано противъ этого мыслителя? извѣстны ли имъ по крайней мѣрѣ сочиненія противъ него Еп. Михаила и От. Владиміра, (бывшаго аббата Гете)? — Оказывается, что ни съ однимъ подобнымъ сочиненіемъ наши мыслительницы и по имени не знакомы, и повторяютъ одно: развѣ можно возражать Ренану? — Не только можно, отвѣчали мы; но онъ осмѣянь и обличень даже въ злонамѣренномъ искаженіи историческихъ документовъ.

Я привелъ этотъ примѣръ, какъ характеристику мышленія, совершающагося въ извѣстномъ слоѣ нашего общества, и скажу откровенно: этого мышленія устыдятся только тогда, когда мыслителямъ такъ легко мы-

слящимъ дастся полный прѣсторъ въ печатномъ словѣ: тогда они (особливо наши мыслительницы) увидятъ свою духовную наготу и убожество своего слабенькаго ума. Чтобы отвергать то, чѣмъ жило, во что вѣровало христіанское человѣчество,—нужна большая подготовка. А вы, наши молодые мыслители, большею частію не кончившіе курса наукъ даже въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, и особливо вы, наши мыслительницы, маменьки, смотряція на своихъ дѣтей какъ на продуктъ „похоти плотскія“, въ какой школѣ, надъ какою грудю книгъ приготовились къ своимъ убѣжденіямъ? Увы! вы ничего, созданнаго высокимъ и чистымъ разумомъ чело-вѣка не читали; да по малоразвитости своей и не поймете, если будете читать.

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ ім. І.І. МЕЧНИКОВА

8731

14929

14929

